D 18/227

D 18/227

Теодоръ Герцль.

ОБНОВЛЕННАЯ СТРАНА.

(Altneuland).

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

1903 г.

КІЕВЪ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Д 18/227
Д 18/227
15
98
6855

Теодоръ Герцль.

ОБНОВЛЕННАЯ СТРАНА.

(Altneuland).

«.... и если вы захотите,—
это не будетъ сказкой».

51-2265
Библиотека
им. В. И. Ленина
ПОГАШЕНО
Румянцев. Библиотека
III-15859

КІЕВЪ,
Типографія С. В. Кульженко, Пушкинская ул. д. № 4.
1903.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 12 Іюля 1903 года.

2007237553

Посвящается памяти

моего отца, Якова Герцль,

(род. 14 апреля 1835 г., умер 9 июня 1902 г.)

и

сестры моей, Полины Герцль,

(род. 10 марта 1859 г. умерла 7 февраля 1878 г.).

ОБНОВЛЕННАЯ СТРАНА.

„.... и если вы захотите,—
это не будетъ сказкой."

Книга I.

„Образованный и отчаявшійся юноша".

Д-ръ Фридрихъ Левенбергъ, погруженный въ глубокую меланхолію, сидѣлъ у круглаго мраморнаго стола въ своемъ кафе. Это былъ одинъ изъ старыхъ, уютныхъ вѣнскихъ кафе на Альзергрундѣ. Онъ посѣщалъ его въ теченіе многихъ лѣтъ, еще со времени своего студенчества. Со свойственной бюрократу аккуратностью, онъ появлялся тамъ обыкновенно около 5 часовъ пополудни. Блѣдный, болѣзненный лакей почтительно привѣтствовалъ его. Левенбергъ вѣжливо раскланивался съ блѣдной кассиршей, съ которой онъ никогда не заговаривалъ. Затѣмъ онъ садился за круглый столъ, пилъ свой кофе, и прочитывалъ всѣ газеты, которыя предупредительно подносилъ ему лакей; и когда онъ заканчивалъ просмотръ ежедневныхъ и еженедѣльныхъ газетъ, юмористическихъ изданій и спеціальныхъ журналовъ,—(на что у него никогда не уходило менѣе полутора часовъ), онъ вступалъ въ разговоръ съ друзьями или же предавался одинокимъ мечтаніямъ. Собственно говоря пріятельскія бесѣды были дѣломъ про-

шедшаго; теперь же остались однѣ мечтанія, такъ какъ два лучшихъ его товарища, раздѣлявшіе съ нимъ въ кофейнѣ „Birkenreis“ въ теченіе многихъ лѣтъ эти своеобразно-милые часы вечерняго досуга, недавно умерли. Они оба были старше его и, какъ выразился въ своемъ прощальномъ письмѣ къ Левенбергу одинъ изъ нихъ Генрихъ, передъ тѣмъ какъ пустить себѣ пулю въ лобъ,—это было, такъ сказать, „хронологически“ понятно, отчего они разочаровались въ жизни раньше его. Другой, Освальдъ, отправился въ Бразилію съ цѣлью основать колонію для еврейскихъ пролетаріевъ и тамъ недавно палъ жертвой желтой лихорадки. Вотъ почему Фридрихъ Левенбергъ уже въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ сиживалъ за прежнимъ столомъ въ полномъ одиночествѣ, и, разобравшись въ ворохѣ газетъ, мечталъ про себя, не дѣлая попытки заговорить съ кѣмъ либо. Онъ былъ слишкомъ утомленъ для того, чтобы завязывать новыя знакомства, какъ будто бы онъ былъ не 23-хъ лѣтнимъ юношей, а старцемъ, которому уже не разъ приходилось мириться съ потерей близкихъ друзей.

И вотъ онъ сидѣлъ, устремивъ пристальный взоръ въ легкій туманъ, заволакивавшій дальніе углы кофейни. Вокругъ билліарднаго стола стояло нѣсколько молодыхъ людей, въ непринужденныхъ позахъ умѣлыхъ игроковъ съ длинными кіями въ рукахъ. Несмотря на то, что ихъ положеніе было не лучше положенія Левенберга, они были настроены благодушно. Это были начинающіе врачи, новоиспеченные юристы и технологи; всѣ они закончили курсъ высшаго образованія и не находили занятій. Большинство изъ нихъ,—были

евреи. Въ то время, когда они не играли на билліардѣ или въ карты,—они обыкновенно жаловались другъ другу на то, какъ трудно въ „нашъ вѣкъ" выбиться на дорогу. Пока же они убивали „свой вѣкъ" въ безконечной игрѣ. Левенбергъ жалѣлъ этихъ безумцевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и завидовалъ имъ. Собственно говоря, это были пролетаріи высшаго слоя общества, жертвы міровоззрѣнія, господствовавшаго лѣтъ 20—30 тому назадъ въ среднемъ классѣ еврейскаго населенія. Сообразно этому міровоззрѣнію, дѣти должны были быть уже не тѣмъ, чѣмъ были ихъ отцы: подальше отъ торговли, отъ всякаго рода коммерческихъ предпріятій! И наступило массовое стремленіе молодого поколѣнія къ „свободнымъ" профессіямъ. Въ результатѣ получился злополучный излишекъ лицъ съ высшимъ образованіемъ; они не находили приложенія своимъ знаніямъ и не способны были вести скромный образъ жизни; они не могли пристроиться въ качествѣ чиновниковъ въ различныхъ вѣдомствахъ, какъ это дѣлали ихъ товарищи—христіане, и они „переполняли рынокъ". Притомъ же они являлись носителями извѣстныхъ сословныхъ предразсудковъ, жалкаго сословнаго высокомѣрія и никуда не годныхъ титуловъ. Тѣ изъ этихъ молодыхъ людей, которые обладали нѣкоторымъ состояніемъ, мало-по-малу проѣдали его, или же продолжали жить на средства родителей. Другіе выжидали „выгодной партіи", и заманчивой перспективы жить на хлѣбахъ у тестя въ роли его безсловеснаго раба. Третьи пускались въ безпощадную и не всегда благовидную кокурренцію въ профессіяхъ, требующихъ болѣе роскошнаго образа жизни. Глазамъ представля-

лось печальное зрѣлище: тѣ самыя лица, которыя такъ желали стоять выше „обыкновеннаго купечества“, становились дѣльцами несмотря на „академическое образованіе“, и съ ловкостью, достойной „просвѣщенныхъ“ дѣльцовъ, обдѣлывали разныя дѣлишки, пользовались тайными болѣзнями и предосудительными процессами. Многіе изъ нужды становились журналистами и продавали общественную совѣсть. Другіе толкались по народнымъ собраніямъ, предлагали въ продажу обезцѣненныя красныя словечки, добиваясь извѣстности и партійныхъ связей, сулящихъ выгоды въ будущемъ.

Ни однимъ изъ вышеуказанныхъ путей не желалъ идти Левенбергъ.

— „Не годишься ты для жизни“,—запальчиво сказалъ ему бѣдняга Освальдъ передъ отъѣздомъ въ Бразилію:—„ты слишкомъ шепетиленъ въ житейскихъ дѣлахъ; нужно умѣть во время глотать паразитовъ и другія нечистоты: отъ этого жирѣешь, пріобрѣтаешь силу и достигаешь цѣли. А ты, что ты изъ себя представляешь? Благородный оселъ,—и только!....

— „За монастырской стѣной—твое мѣсто, Офелія!“

— „Благородству твоему никто не повѣритъ,—вѣдь ты еврей! Чѣмъ же все это кончится? Ты скорѣе истратишь всѣ деньги твоего скуднаго наслѣдства, нежели пріобрѣтешь практику, затѣмъ, прійдется либо взяться за то, чего ты гнушаешься, либо повѣситься. Пожалуйста купи веревку, пока у тебя еще есть гульденъ... На меня не разсчитывай. Во-первыхъ меня здѣсь не будетъ, а во-вторыхъ, какъ ни какъ, я все же тебѣ другъ. Освальдъ пытался уговорить его уѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Бразилію, но Фридрихъ Левенбергъ не

могъ на это рѣшиться. Тайную причину своего отказа онъ, разумѣется, не открылъ другу, который собирался тогда въ путь, какъ бы для того, чтобы на чужбинѣ найти преждевременную смерть. Причина была въ нѣжномъ, мечтательномъ, русомъ созданіи. Даже со своими близкими друзьями Левенбергъ не рѣшался заговорить объ Эрнестинѣ; онъ боялся встрѣтить насмѣшливое съ ихъ стороны отношеніе къ самому дорогому для него чувству. Теперь друзей уже не стало. Нельзя было искать ни ихъ совѣта, ни участья. Положеніе было тяжелое, безвыходное. Левенбергъ пытался представить себѣ, что сказали бы они, если бы были здѣсь и сидѣли на своихъ прежнихъ мѣстахъ у круглаго стола. Онъ закрылъ глаза и весь ушелъ въ воображаемый разговоръ:

— Друзья, я влюбленъ,—нѣтъ! я люблю...

— Бѣняга!—сказалъ бы Генрихъ.

— Эта глупость на тебя похожа!—замѣтилъ бы Освальдъ.

— Это больше чѣмъ глупость, дорогіе друзья, это уже настоящее сумасшествіе. Ея отецъ, господинъ Леффлеръ, должно быть высмѣетъ меня, если я попрошу руки Эрнестины. Вѣдь я только кандидатъ правъ, съ мѣсячнымъ окладамъ въ сорокъ гульденовъ... Больше у меня положительно ничего нѣтъ! Послѣдніе мѣцяцы окончательно раззорили меня... я проѣлъ нѣсколько сотъ гульденовъ, уцѣлѣвшихъ отъ наслѣдства. Я превосходно понимаю, что съ моей стороны было безуміемъ истратить все до послѣдняго гроша! Но мнѣ хотѣлось быть подлѣ нея, любоваться ея красотой, слышать ея милый голосъ. Для этого я

долженъ былъ лѣтомъ посѣщать курорты, гдѣ была она, затѣмъ—театры и концерты... Необходимо было получше одѣваться, чтобы быть въ ея кругу... А теперь у меня рѣшительно ничего нѣтъ, а я все же люблю ее по прежнему... сильнѣе, чѣмъ когда-либо...

— Что же ты намѣренъ предпринять?—спросилъ бы Генрихъ.

— Хочу откровенно признаться ей въ любви и просить ее подождать меня нѣсколько лѣтъ, пока не добьюсь извѣстнаго положенія.—

Тутъ ему почудился язвительный смѣхъ Освальда.

— Ждать! Эрнестина Леффлеръ не такъ глупа, чтобы ждать бѣдняка, пока не поблекнетъ ея красота. Ха-ха-ха!—

Около Фридриха Левенберга въ дѣйствительности раздался смѣхъ... Онъ смущенно открылъ глаза. Молодой банковый чиновникъ г. Шиффманъ (съ нимъ онъ познакомился въ домѣ Леффлеръ) стоялъ передъ нимъ и смѣялся отъ всей души.

— Должно быть, докторъ, вы изволили поздно уснуть вчера, если ужъ теперь вами овладѣваетъ сонливость....—

— Я не спалъ,—смущенно замѣтилъ Фридрихъ.

— Сегодня тоже засидимся... Вы вѣдь идете къ Леффлерамъ?—Шиффманъ непринужденно усѣлся за столъ, гдѣ лежали газеты.

Фридрихъ недолюбливалъ этого господина, но мирился съ его обществомъ, такъ какъ это былъ единственный человѣкъ, съ которымъ онъ могъ говорить объ Эрнестинѣ: отъ него-же онъ обыкновенно узнавалъ, въ какой театръ она собирается идти. (Шиффманъ

былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ кассирами театра и доставалъ мѣста въ купонахъ даже на самыя недоступныя представленія).

— Да, я тоже приглашенъ сегодня къ Леффлерамъ,—отвѣтилъ Левенбергъ.

Шиффманъ взялъ въ руки газету.

— Странно!—воскликнулъ онъ.

— Въ чемъ дѣло?—

— Тутъ одно объявленье!...—

— А, вы читаете также и объявленія?—иронически улыбнулся Фридрихъ.

— Почему это „также и объявленія?“ переспросилъ Шиффманъ. Я главнымъ образомъ читаю объявленія, вѣдь это самое интересное въ газетахъ, помимо биржевого отдѣла.—

— Въ самомъ дѣлѣ? Я никогда не читалъ биржевыхъ извѣстій.—

— Ну, да это вы! А вотъ мнѣ—достаточно бросить бѣглый взглядъ на таблицу курсовъ, и я опишу вамъ положеніе всей Европы... Непосредственно за этимъ слѣдуютъ объявленія. Вы не можете себѣ представить, какъ онѣ содержательны. Читать объявленія это значитъ,—очутиться на рынкѣ. Тутъ продаются и вещи, и люди. Собственно говоря вѣдь все на свѣтѣ продажно, только цѣна не всегда доступна. Просматривая отдѣлъ объявленій, я освѣдомленъ всегда о томъ, что можно купить „по случаю“. Все слѣдуетъ знать и быть во всеоружіи знанія.... Но вотъ ужъ нѣсколько дней я вижу здѣсь непонятное мнѣ объявленіе.—

— На иностранномъ языкѣ что-ли?—

— Вотъ взгляните, д-ръ!—Шиффманъ придвинулъ къ нему газету и указалъ на маленькое объявленіе: „Ищутъ образованнаго и отчаявшагося юношу, готоваго произвести надъ собой послѣдній опытъ. Предложенія просятъ направлять въ экспедицію подъ шифромъ „N. O. Body".

— Да. вы правы,—это странно! сказалъ Фридрихъ.— Образованный и отчаявшійся юноша. Такихъ, пожалуй, можно найти. Но заключеніе нѣсколько усложнятъ дѣло. До какого отчаянія долженъ дойти человѣкъ, чтобы рѣшиться произвести надъ собой „послѣдній опытъ!"—

— Видно г. „Body" еще никого не нашелъ... Я вижу это объявленіе уже нѣсколько разъ. Было бы однако интересно узнать, кто этотъ Body, у котораго такія странныя прихоти.—

— Это,—никто!—

— Какъ это „никто?"—

N. O. Body -nobodi, по англійски—„никто".—

— Д-а-а, такъ это по англійски..., а мнѣ и въ голову не приходило... Все слѣдуетъ знать и быть во всеоружіи знанія... Однако ужъ пора, если мы желаемъ во время прійти къ Леффлерамъ. Сегодня въ особенности не слѣдуетъ опаздывать.—

— Почему именно сегодня?—спросилъ Левенбергъ.

— Къ сожалѣнію не могу вамъ сказать. Секретъ для меня—вопросъ чести. Но вы можете приготовиться къ большому сюрпризу .. Человѣкъ! получите...—

— Сюрпризъ!?—Фридрихъ вдругъ почувствовалъ неопредѣленный страхъ. Выходя вмѣстѣ съ г. Шиффманомъ изъ кофейни, онъ замѣтилъ въ нишѣ дверей какого то мальчика, лѣтъ около 10-ти. Мальчуганъ,

одѣтый въ тонкое пальтишко, приподнявъ высоко плечи и судорожно прижимая руки къ тѣлу, топалъ ногами по снѣгу, который заносило вѣтромъ въ этотъ защищенный уголокъ. Это топаніе казалось почти забавнымъ, но Фридрихъ видѣлъ, что несчастное дитя въ порванныхъ ботинкахъ и что оно жестоко мерзнетъ. Онъ опустилъ руку въ карманъ, отыскалъ при свѣтѣ ближайшаго фонаря 3 мѣдныхъ крейцера и далъ ихъ мальчику. Тотъ взялъ ихъ, тихо, дрожащимъ отъ холода голосомъ пробормоталъ „спасибо“,—и убѣжалъ.

— Какъ! вы поощряете нищенство,—раздраженно замѣтилъ Шиффманъ.

— Не думаю, чтобы этотъ мальчикъ шатался въ декабрьскую стужу ради одного удовольствія; кромѣ того, кажется, это былъ еврейскій мальчикъ.

Въ такомъ случаѣ пусть онъ обратится въ общину, или же въ еврейскій альянсъ, а не торчитъ по вечерамъ у кофеенъ.—

— Не волнуйтесь, г-нъ Шиффманъ, вы вѣдь ему ничего не дали!—

— Милый д-ръ!—рѣшительно заявилъ Шиффманъ—я состою членомъ общества „борьбы съ обѣдненіемъ и нищенствомъ“. Годовой взносъ—1 гульденъ.—

Глава II.

Семья Леффлеровъ жила во второмъ этажѣ большого наемнаго дома по улицѣ Гонцагагассе. Нижній этажъ былъ отведенъ подъ складъ матерій фирмы „Морицъ Леффлеръ и К°“. Войдя въ переднюю, Фридрихъ и Шиффманъ замѣтили по количеству шубъ и

мантиль, висѣвшихъ на вѣшалкахъ, что собраніе обѣщало быть многолюднѣе обыкновеннаго.

— Настоящій магазинъ платья, — сказалъ Шиффманъ.

Въ гостинной находилось нѣсколько человѣкъ, уже знакомыхъ Фридриху. Незнакомъ ему былъ лишь одинъ лысый господинъ, который стоялъ у піанино подлѣ Эрнестины и интимно ей улыбался.

Молодая дѣвушка любезно протянула руку вошедшему:

— Д-ръ Левенбергъ,—позвольте васъ представить, — г-нъ Леопольдъ Вейнбергеръ. —

— Членъ фирмы „Самуилъ Вейнбергеръ и С-ья" въ Брюннѣ, — не безъ торжественности и благоволенія дополнилъ старикъ Леффлеръ.

Оба господина съ привѣтливыми улыбками пожали другъ другу руку. При этомъ Фридрихъ замѣтилъ, что г-нъ Вейнбергеръ, членъ брюннской фирмы, сильно коситъ и что руки у него потныя. Это обстоятельство не причинило Левенбергу непріятности, такъ какъ оно разсѣяло первую мысль, какъ молнія пронесшуюся въ его головѣ при входѣ въ залу.

Эрнестина и подобный человѣкъ! Это было просто невѣроятно!... Такая именно, какъ сейчасъ, граціозная, миловидная, съ изящно наклоненной головкой, она производила на Фридриха неотразимое впечатлѣніе!...

Онъ долженъ былъ, однако, ретироваться, такъ какъ появлялись новые гости и подходили здороваться съ ней. Только Леопольдъ Вейнбергеръ изъ Брюнна нѣсколько навязчиво держался подлѣ Эрнестины.

— Вѣроятно этотъ Вейнбергеръ ихъ давнишній знакомый?—Освѣдомился Левенбергъ у Шиффмана.

— Нѣтъ, сказалъ Шиффманъ,—они знакомы только дней четырнадцать, но... это солидная, заслуживающая вниманія фирма матерій.—

— Что, собственно, заслуживаетъ вниманія, матерія или фирма?—повеселѣвъ спросилъ Фридрихъ, утѣшаясь мыслью, что человѣкъ, знакомый съ ней всего четырнадцать дней, не можетъ быть ея женихомъ.

— Важно то и другое. Фирмѣ „Самуилъ Вейнбергеръ и С-ья“ за 4% открыть неограниченный кредитъ. Prima... Впрочемъ здѣсь все нынче важно обставлено. Видите-ли вонъ тамъ физіономію съ выпученными глазами? Это Шлезингеръ, довѣренное лицо барона Гольдштейна, человѣкъ крайне непріятный, но всюду принятый.—

— Какимъ образомъ?—

— Какъ это „какимъ образомъ?“ Очень просто: онъ довѣренный барона Гольдштейна... А этого съ сѣдыми бакенбардами вы знаете? Тоже нѣтъ? Да вы собственно откуда взялись? Это вѣдь крупный спекулянтъ Ляшнеръ, одинъ изъ видныйшихъ биржевиковъ. Онъ играетъ тысячными бумагами и рискуетъ какъ никто! Въ данную минуту онъ очень богатъ! того же себѣ желаю!—но будетъ ли у него въ будущемъ году хоть грошъ? не знаю. Нынче у его супруги самые крупные брилліантовые бутоны; другія дамы завидуютъ ей!—Госпожа Ляшнеръ сидѣла въ одномъ изъ угловъ салона въ обществѣ нѣсколькихъ наряженныхъ дамъ. Онѣ со страстью говорили о шляпахъ. Остальныя группы проявляли мало оживленія, какъ это всегда бываетъ до ужина.

Многіе, казалось, знали о предстоящемъ сюрпризѣ, о которомъ упомянулъ Шиффманъ въ кофейнѣ. Они принимали видъ ничего неподозрѣвающихъ людей и многозначительно перешептывались. Фридриху было не по себѣ: онъ самъ не зналъ отчего; онъ игралъ въ этомъ обществѣ самую незначительную роль послѣ Шиффмана. Прежде онъ не замѣчалъ этого оттого, что Эрнестина всегда сидѣла съ нимъ, когда онъ приходилъ сюда. Сегодня наоборотъ, она не подарила его ни единымъ взглядомъ. ни единымъ словомъ. Господинъ Вейнбергеръ изъ Брюна былъ должно быть очень занимательнымъ собесѣдникомъ. Чувство приниженности увеличивалось еще одной мелочью: —только онъ и Шиффманъ явились не во фракахъ, или смокингахъ, а въ сюртукахъ. Этимъ самымъ они были отмѣчены и наружно, какъ паріи общества; онъ охотно ушелъ бы отсюда, но на это не хватило мужества.

Большой салонъ былъ уже переполненъ. Но кого-то еще ждали. Фридрихъ обратился съ вопросомъ къ своему товарищу по несчастью. Шиффманъ дѣйствительно зналъ въ чемъ дѣло, такъ какъ подслушалъ замѣчаніе хозяйки дома.

— Ждутъ еще только Грюна и Блау.

— Кто это?—спросилъ Фридрихъ.

— Что?! Вы не знаете Грюна и Блау,—самыхъ остроумныхъ людей въ Вѣнѣ? Вѣдь не проходитъ ни одного дѣвичника, ни одной свадьбы, ни одной вечеринки безъ Грюна и Блау. Одни говорятъ что Грюнъ умнѣе, другіе, что умнѣе—Блау, Грюнъ большой мастеръ по части каламбуровъ, а Блау высмѣиваетъ отдѣльныхъ лицъ. Блау поэтому уже не разъ былъ

бить, но это его не смущаетъ. У него и физіономія для этого создана:—щеки его не краснѣютъ отъ пощечинъ. Эти господа ползуются большой популярностью въ лучшемъ, еврейскомъ кругу. только они терпѣть не могутъ другъ друга; это естественно! они конкурренты!—

Въ салонѣ замѣтно небольшое движеніе... Появился господинъ Грюнъ... Это былъ длинный. худошавый человѣкъ съ красноватой бородой и сильно оттопыренными ушами. Ихъ Блау называлъ „необстроченными“ потому, что ихъ верхній край не былъ загнутъ къ раковинѣ, а плоско выдвигался впередъ.

Мать Эрнестины встрѣтила знаменитаго шута любезнымъ упрекомъ.

— Отчего вы являетесь только теперь, Г-нъ Грюнъ?—

— Не могъ прійти позднѣе! отвѣтилъ онъ съ юморомъ.

Ему признательно улыбнулись. Но... по лицу юмориста пробѣжала тѣнь: появился Блау. Господинъ Блау человѣкъ средняго роста, лѣтъ 30-ти, съ гладко выбритымъ лицомъ: на сильно изогнутомъ носу торчало пенсне.

— Я былъ въ театрѣ „Wiedener“,—сказалъ онъ, —шла въ первый разъ новая піеса. Я ушелъ послѣ перваго акта.—

Сообщеніе это возбудило интересъ. Дамы и мужчины собрались вокругъ Блау.

— Первый актъ,—продолжалъ онъ,—къ всеобщему удивленію не провалился.—

Госпожа Ляшнеръ властно крикнула мужу:

— Морицъ, завтра я хочу пойти на эту піесу!

— Друзья либретистовъ отлично провели время,— продолжалъ Блау.

— Оперетка такъ хороша?—спросилъ Шлезингеръ, довѣренный барона Гольдштейна.

— Нѣтъ она на столько плоха!—пояснилъ Блау. —Друзья авторовъ получаютъ удовольствіе только въ томъ случаѣ, если піеса плоха!

Пошли къ столу. Громадная столовая зала сегодня казалась слишкомъ маленькой для собравшагося общества: у стола было тѣсно. Эрнестина сидѣла рядомъ съ господиномъ Вейнбергеромъ. Фридрихъ и Шиффманъ должны были помѣститься у „нижняго“ края стола. Сначала разговаривали мало; слышенъ былъ лишь стукъ тарелокъ и дребезжаніе приборовъ.

Блау черезъ столъ крикнулъ своему сопернику:

— Грюнъ, не ѣшьте такъ громко! Вѣдь этакъ изъ-за Васъ не разберёшь вкуса своей собственной рыбы *).

—Полноте завидовать?.. Вамъ-бы не рыбу ѣсть, а баранину... она и сродни вамъ...

Сторонники господина Грюна смѣялись надъ его остротой; сторонники же Блау находили ее плоской.

Вниманіе общества было отвлечено отъ шутниковъ однимъ пожилымъ господиномъ, сидѣвшимъ около госпожи Леффлеръ,—онъ произнесъ довольно громко:

— У насъ въ Моравіи положеніе становится тоже очень тяжелымъ. Въ маленькихъ провинціальныхъ городахъ наши единоплеменники буквально подвергаются опасности... Нѣмцы плохо настроены; -они начинаютъ бить стекла въ еврейскихъ домахъ; чехамъ тоже не

*) Непереводимая игра словъ: „Man hört seinen eigenen Fisch nicht“.

по себѣ—и они врываются къ несчастнымъ евреямъ. Бѣдняки начинаютъ выселяться, но не знаютъ куда, имъ ѣхать.

— Морицъ,—громко произнесла въ это время г-жа Ляшнеръ,—я хочу послѣ завтра въ Бургтеатръ!

— Оставь меня въ покоѣ, небрежно отвѣтилъ ей мужъ, Д-ръ Вейссъ разсказываетъ намъ, каково тамъ у нихъ въ Моравіи... фи, какъ это не хорошо!—

Самуилъ Вейнбергъ, отецъ Леопольда Вейнберга, присоединился къ разговору:

— Вы какъ раввинъ, докторъ Вейссъ, смотрите на все слишкомъ мрачно.—

— Вейссъ... *) Бѣлому все представляется черным—сказалъ одинъ изъ остряковъ.

Острота, однако, прошла незамѣченной.

— На своей фабрикѣ я прекрасно себя чувствую,—продолжалъ Самуилъ Вейнбергеръ.—Въ тѣхъ случаяхъ, когда у меня затѣваютъ скандалы, я прибѣгаю къ содѣйствію полиціи, или мѣстнаго гарнизона. Какъ только чернь завидитъ это,—она проникается уваженіемъ.

— Но вѣдь это все же печальное положеніе вещей,—кротко замѣтилъ раввинъ Вейссъ.

Адвокатъ, д-ръ Вальтеръ, носившій прежде фамилію Фейглстокъ, замѣтилъ:—я не помню кто сказалъ, что со штыками все можно сдѣлать; только усѣсться на нихъ нельзя.

— Я думаю, что всѣ мы принуждены будемъ снова носить желтый значекъ!—воскликнулъ Ляшнеръ.

— Или же выселиться,—добавилъ раввинъ.

---

*) „Weiss“ по нѣмецки означаетъ „бѣлый“.

— Куда? я васъ спрашиваю?, —воскликнулъ Вальтеръ:

— Развѣ въ другомъ мѣстѣ намъ будетъ лучше? Даже въ свободной Франціи неистовствуютъ антисемиты!

Д-ръ Вейсъ, бѣдный раввинъ изъ небольшого моравскаго городка, не знавшій въ какое общество онъ попалъ, нерѣшительно замѣтилъ:

— Уже нѣсколько лѣтъ существуетъ движеніе,— его называютъ сіонистскимъ. Еврейскій вопросъ рѣшается путемъ грандіозной колонизаціи. Всѣ тѣ евреи, которые не могутъ больше вынести настоящаго положенія, должны направиться въ Палестину, нашу старую родину.—

Онъ говорилъ совершенно серьёзно и не замѣтилъ, что на лицахъ, окружавшихъ его, стала играть улыбка; онъ поэтому былъ страшно ошеломленъ, когда при словѣ „Палестина“, раздался дружный хохотъ. Смѣхъ звучалъ на всевозможные лады. Дамы хихикали, мужчины гоготали и издавали звуки, похожіе на ржаніе. Только Фридрихъ Левенбергъ находилъ смѣхъ этотъ грубымъ и неприличнымъ по отношенію къ старику.

Блау воспользовался первой паузой во всеобщемъ смѣхѣ и заявилъ:

— Если бы въ опереткѣ была хоть одна подобная шутка,—было бы отлично!—Грюнъ крикнулъ:

— Я буду посланникомъ въ Вѣнѣ.

Новый взрывъ хохота.

— И я, и я—вставляли нѣкоторые. Тогда Блау серьёзно замѣтилъ:

— Господа! Всѣ не могутъ быть посланниками!

Я думаю австрійское правительство не признало бы такого многочисленнаго еврейскаго дипломатическаго корпуса....

Вы должны подыскать себѣ иные посты!—

Смущенный раввинъ не отводилъ глазъ отъ тарелки. Между тѣмъ юмористы Грюнъ и Блау ожесточенно набросились на пригодный для ихъ юмора матеріалъ... Они обозрѣвали новое государство и описывали его порядки: въ субботу биржа будетъ закрыта, король станетъ жаловать „орденомъ Давида“ или „мясного щита“ тѣхъ, кто имѣетъ заслуги предъ отечествомъ или же на биржѣ.

Кому же однако быть королемъ?

— Во всякомъ случаѣ барону Гольдштейну,—заявилъ шутникъ Блау.

— Прошу васъ не втягивать въ дебаты имя барона Гольдштейна, по крайней мѣрѣ въ моемъ присутствіи,—съ презрѣніемъ протестовалъ Шлезингеръ, повѣренный знаменитаго банкира.

Кивкомъ головы всѣ выразили ему свое одобрѣніе. Блау дѣйствительно позволялъ себѣ иной разъ безтактности; втягивать въ дебаты личность барона Гольдштейна.... это было уже слишкомъ.... но Блау продолжалъ: —Министромъ юстиціи будетъ д-ръ Вальтеръ. Онъ будетъ возведенъ въ дворянское состояніе съ титуломъ фонъ-Фейгштокъ....

Вальтеръ дворянинъ фонъ-Фейгштокъ....—

Раздался смѣхъ. Адвокатъ покраснѣлъ, стыдясь своего отцовскаго имени.

— Давно уже чужая рука не гуляла по вашей физіономіи!—угрожающе крикнулъ онъ остряку.

Остроумный, но болѣе осторожный Грюнъ шепнулъ своей сосѣдкѣ какую-то комбинацію слоговъ встрѣчавшихся въ словѣ „Орфейгльштокъ“. *)

— Скажите, въ Палестинѣ будетъ театръ? освѣдомилась г-жа Ляшнеръ. Иначе я туда и не поѣду! —

— Разумѣется будетъ, сударыня,—сказалъ Грюнъ.

Въ іерусалимскомъ придворномъ театрѣ во время торжественныхъ представленій будетъ собираться весь цвѣтъ Израиля **). Раввинъ Вейсъ робко замѣтилъ:

— Надъ кѣмъ вы, потѣшаетесь.... господа?

— Надъ собой-же...!—

— Довольно, теперь ужъ мы будемъ серьезнѣе заявилъ Бау.

— Я горжусь тѣмъ, что я еврей!—заявилъ Ляшнеръ:

Вѣдь не гордись я,—все-же я остался-бы евреемъ...

Такъ ужъ лучше гордиться!—

Въ это время обѣ горничныя вышли за новымъ блюдомъ. Хозяйка дома замѣтила:

– Въ присутствіи слугъ не слѣдовало-бы говорить о евреяхъ.—

Блау подхватилъ ея слова: —Виноватъ! я не зналъ, сударыня, что ваша прислуга не знаетъ, что вы евреи. —

Нѣкоторые засмѣялись.

— Такъ-то такъ, но вѣдь и въ колокола звонить объ этомъ не приходится — авторитетно протянулъ Шлезингеръ.

---

*) Каламбуръ для двухъ словъ «Orfeige» пощечина, и «Feigelstock»—прусская фамилія Вальтера.

**) Непереводимое сочетаніе двухъ словъ: «Israel» и «elite« (цвѣтъ, сливки общества) (примѣч. перев.).

Внесли шампанское.

— Шиффманъ толкнулъ локтемъ своего сосѣда: — Теперь начинается!—

— Что начинается?—спросилъ Фридрихъ

— Какъ! вы до сихъ поръ не догадались?—

— Нѣтъ!—Фридрихъ дѣйствительно, все еще не догадался. Но черезъ мгновеніе ему все стало ясно. Леффлеръ, постучалъ ножемъ о свой бокалъ и приподнялся. Наступило молчаніе. Дамы откинулись на спинки стульевъ. Юмористъ Блау успѣлъ сунуть въ ротъ еще лишній кусокъ и продолжалъ жевать въ то время, какъ отецъ Леффлеръ произносилъ рѣчь:

— Высокочтимые друзья мои! мнѣ очень пріятно, что я могу сообщить вамъ радостную новость.....

Дочь моя обручена съ г-номъ Леопольдомъ Вейнбергеръ изъ Брюнна, членомъ фирмы Самуилъ Вейнбергеръ и С-ья.

Да здравствуютъ женихъ и невѣста, Ура! —

Ура, Ура, Ура! Всѣ поднялись. Зазвенѣли бокалы. Гости вставали изъ-за стола и подходили съ поздравленіями къ родителямъ, къ жениху и къ невѣстѣ. Фридрихъ тоже принялъ участіе въ этомъ шествіи. Въ глазахъ у него потемнѣло. Одно мгновенье онъ стоялъ предъ Эрнестиной и дрожащей рукой протянулъ къ ней свой бокалъ.

Она старалась не глядѣть на него....

За столомъ царило веселье: тостъ смѣнялся тостомъ. Шлезингеръ произнесъ рѣчь, полную достоинства. Грюнъ и Блау показали себя на высотѣ своего шутовского призванья. Грюнъ болѣе обыкновеннаго игралъ

словами, Блау отпускалъ всякія плоскія шутки. Всѣ были въ прекрасномъ настроеніи духа.

Фридрихъ слышалъ все это какъ то неясно, какъ-бы издалека. Ему казалось, что онъ стоитъ въ густомъ туманѣ. сквозь который ничего не видно и въ которомъ трудно дышать.

Ужинъ близился къ концу. Фридрихъ ощущалъ лишь одно желанье,—уйти подальше отъ этихъ людей... Онъ чувствовалъ себя лишнимъ въ этой комнатѣ, въ этомъ городѣ и вообще на свѣтѣ. Послѣ ужина, когда при общемъ движеніи онъ хотѣлъ незамѣтно скрыться, Эрнестина вдругъ загородила ему дорогу. Голосъ ея звучалъ нѣжно:

— Вы мнѣ еще ничего не сказали д-ръ!...

Что мнѣ Вамъ сказать m-lle Эрнестина?.....

Желаю Вамъ счастья.... да-да, желаю Вамъ.... полнаго счастья, поздравляю Васъ съ этой помолвкой!—

Но тутъ женихъ снова очутился подлѣ нея, обвилъ рукой ея талію съ увѣренностью собственника, и увёлъ её. Эрнестина улыбалась.

Глава III.

Очутившись на улицѣ, въ холодномъ ночномъ воздухѣ, Фридрихъ Левенбергъ задалъ себѣ вопросъ, что было противнѣе: пошлыя манеры г-на Вейнбергера изъ Брюнна, или же улыбка дѣвушки, которую онъ до сихъ поръ находилъ очаровательной. Какъ?! Всего четырнадцать дней этотъ „членъ фирмы" знакомъ съ прекрасной Эрнестиной и осмѣливается обвивать ея

станъ потной рукой. Какой отвратительный торгъ! Чудная илюзія исчезла... Очевидно, у „члена фирмы“ были деньги, а у Фридриха ихъ не было. Въ этой средѣ, гдѣ помыслы и стремленія направлены были только на удовольствіе и наживу, деньги цѣнились выше всего. И все же онъ былъ поставленъ въ необходимость считаться съ еврейской буржуазіей. Онъ долженъ былъ жить съ этими людьми и зависѣтъ отъ нихъ, какъ отъ будущихъ своихъ кліентовъ. Въ лучшемъ случаѣ его ожидало положеніе юрисконсульта при такомъ человѣкѣ, какъ Ляшнеръ. О фантастическомъ счастьѣ имѣть кліента вродѣ барона Гольдштейна нельзя было даже и думать. Христіанское общество и христіанская кліентура принадлежали къ самымъ неосуществимымъ мечтамъ въ мірѣ. Что оставалось дѣлать? Присоединиться къ Леффлерской средѣ и проникнуться низменными идеалами, защищать интересы денежныхъ тузовъ сомнительнаго свойства и въ награду за столь плодотворную многолѣтнюю дѣятельность обладать канцеляріей и имѣть притязаніе на руку и приданное дѣвушки, готовой отдаться первому встрѣчному. Или-же, если все это вызываетъ чувство гадливости, мириться съ бѣдностью и съ одиночествомъ...

Погруженный въ такія думы, Фридрихъ дошелъ до кофейни „Birkenreis“. Да и что могъ онъ дѣлать теперь дома, въ своей тѣсной компаткѣ!...

Было 10 часовъ. Идти спать? Да! если бы больше не проснуться... у входа въ кофейню Фридрихъ едва не споткнулся о какое то маленькое тѣло: на порогѣ скорчившись сидѣлъ мальчикъ. Фридрихъ узналъ его. Это былъ тотъ самый мальчикъ, которому онъ нѣс-

колько часовъ тому назадъ подалъ милостыну. Фридрихъ крикнулъ ему сурово:—Какъ! ты опять здѣсь по прошайничаешь!—Мальчикъ отвѣтилъ дрожащимъ отъ холода голосомъ: я жду своего тату! —Онъ сталъ на ноги и снова началъ топтаться на мѣстѣ и хлопать руками, чтобы согрѣться. Фридрихъ былъ такъ угнетенъ своимъ собственнымъ горемъ, что въ немъ не пробудилось состраданія къ озябшему мальчику. Онъ вошелъ въ дымное помѣщеніе и усѣлся на своемъ обычномъ мѣстѣ у круглаго стола. Въ этотъ часъ кофейню посѣщали немногіе. Только въ углахъ сидѣли запоздавшіе игроки. Они никакъ не могли разойтись, и продолжали играть, хотя то и дѣло объявляли „послѣднюю партію“. Однако къ послѣднимъ партіямъ примыкали самыя послѣднія, безусловно послѣднія, равно какъ и „подлецъ я буду“—послѣднія.

Нѣсколько минутъ Фридрихъ безцѣльно глядѣлъ въ пространство. Къ столу подошелъ какой-то болтливый знакомый. Левенбергъ заслонился газетой и старался показать видъ, что занятъ чтеніемъ. При этомъ взоръ его случайно палъ на объявленіе, о которомъ, нѣсколько часовъ тому назадъ говорилъ Шиффманъ: „Ищутъ образованнаго и отчаявшагося юношу, готоваго произвести надъ собой послѣдній опытъ. Предложенія просятъ направлять въ экспедицію подъ шифромъ N. O. Body. Какъ странно! Теперь это предложеніе соотвѣтствовало его настроенію... Послѣдній опытъ! Жизнь была для него такъ тягостна! Прежде чѣмъ покончить съ нею, подобно несчастному другу Генриху, все же представлялась возможность предпринять что-нибудь... Онъ потребовалъ себѣ у кельнера открытое письмо

и написалъ къ N. O. Body слѣдующія немногія слова: „Я тотъ кого Вы ищете!.— Д-ръ фридрихъ Левенбергъ. IX, Гангассе. 67.—

Въ то время какъ Фридрихъ запечатывалъ письмо, кто то подошелъ къ нему сзади.

— Зубныя щетки, подтяжки, запонки! не угодно-ли? Фридрихъ рѣзко прогналъ навязчиваго разносчика. Тотъ въ страхѣ, отошелъ, смущенно поглядывая на кельнера, который могъ выпроводить его изъ кафе. Фридрихъ тутъ же пожалѣлъ о томъ, что испугалъ бѣднягу: Онъ подозвалъ его и бросилъ въ лотокъ монету въ двадцать геллеровъ. Разносчикъ протянулъ къ нему свой лотокъ: —я не нищій...—Вы должны купить что нибудь, иначе я не могу взять у васъ денегъ.— Чтобы отвязаться, Фридрихъ взялъ изъ лотка запонку. Только теперь разносчикъ поблагодарилъ его и отошелъ въ сторону. Фридрихъ равнодушно глядѣлъ ему въ слѣдъ, и видѣлъ какъ онъ подошелъ къ кельнеру и отдалъ ему только что полученную монету; кельнеръ досталъ изъ корзины черствыя булки и подалъ ихъ торгашу. Тотъ поспѣшно сунулъ ихъ въ карманъ. Фридрихъ всталъ и направился къ выходу. Передъ дверью кофейни онъ снова увидѣлъ зябнущаго мальчика, на этотъ разъ уже съ разносчикомъ, который передавалъ ему булки. По всей вѣроятности это былъ отецъ мальчика...

— Что вы здѣсь дѣлаете? спросилъ ихъ Левенбергъ.

— Я, даю ему булки, сударь, отвѣтилъ разносчикъ, — надо снести домой, женѣ... Это моя первая выручка сегодня.—

— Неужели?—

— Да, сударь! Дай Богъ, чтобы я лгалъ! — вздохнулъ разносчикъ. Придешь продавать свой товаръ, а тебя всюду гонятъ... Еврею лучше всего утопиться въ Дунаѣ!—

Фридриху, который только что покончилъ всѣ счеты съ жизнью, представился вдругъ случай проявить свою дѣятельность и оказать хоть кому-нибудь пользу. Это могло его отвлечъ отъ думъ! Онъ опустилъ письмо въ почтовый ящикъ; затѣмъ онъ пошелъ за разносчикомъ и слушалъ его разсказы.

— Мы пріѣхали изъ Галиціи. Въ Краковѣ мы жили съ тремя семьями въ одной комнатѣ... Жили впроголодь. Я и подумалъ: хуже не можетъ быть, и пріѣхалъ сюда съ женой и дѣтьми. Здѣсь намъ не хуже, но и не лучше.

— Сколько у васъ дѣтей?—Разносчикъ зарыдалъ:

— было у меня ихъ пятеро,—со дня нашего пріѣзда трое уже умерло. Теперь остались у меня вотъ этотъ и маленькая грудная дѣвочка. Давидъ! не бѣги такъ скоро!—Мальчикъ обернулся:

Мама была такъ голодна, когда я принесъ ей три крейцера отъ этого господина!

— Такъ это вы тотъ добрый господинъ?—изумился разносчикъ, пытаясь поцѣловать руку Фридриха. Фридрихъ быстро отдернулъ руку

— Что вы? что вы!...

— Скажи мнѣ, мальчикъ, что твоя мать сдѣлала съ этими нѣсколькими крейцерами?

— Она достала молока для Миріамъ,—сказалъ маленькій Давидъ.

— Миріамъ,—это нашъ второй ребенокъ, пояснилъ разносчикъ.

— А мать осталась голодной?—спросилъ Фридрихъ, потрясенный этимъ отвѣтомъ.

— Да, сударь,—сказалъ Давидъ.

У Левенберга было при себѣ еще нѣсколько гульденовъ. Имѣть ихъ или не имѣть, было для него безразлично, а между тѣмъ этимъ людямъ можно было хоть на время облегчить ихъ горькую нужду.

— Гдѣ вы живете?—спросилъ онъ разносчика.

На Бригиттенауерской сторонѣ, у насъ тамъ каморка, да и то уже отказали намъ...

Хорошо, я хочу удостовѣриться, правда-ли все, что вы говорите. Я пойду къ вамъ домой.

— Сдѣлайте милость! Удовольствия вы, сударь, не получите. Мы валяемся на соломѣ... Я хотѣлъ было зайти еще въ другія кофейни, но, если вамъ угодно, пойду домой.—

Они шли по мосту Аугартенбрюкъ къ Бригиттенауерской сторонѣ. Давидъ тихо шагалъ возлѣ отца.

— Татэ, можно мнѣ скушать кусочекъ булки?—тихо спросилъ онъ.

— Ѣшь, ѣшь,—отвѣтилъ старикъ. Я тоже съѣмъ кусочекъ, хватитъ и для матери.—

Отецъ и сынъ стали громко жевать черствый хлѣбъ.

Они остановились передъ новымъ, недавно выстроеннымъ домомъ; отъ него несло обычнымъ, сырымъ, свѣжимъ запахомъ новой постройки. Разносчикъ позвонилъ. Но никто не отворилъ.. Минуту спустя разносчикъ снова позвонилъ.

— Дворникъ знаетъ уже, кто это, и не торопится Иногда я простаиваю здѣсь цѣлыми часами... Онъ грубый человѣкъ, и часто я совсѣмъ не рѣшаюсь приходить сюда, если не могу дать ему пяти крейцеровъ „на чай“ (Sperrgeld).

— Что же Вы тогда дѣлаете?—спросилъ Фридрихъ.

— Я хожу до утра, пока не откроютъ ворота.— Фридрихъ самъ началъ звонить и сердито дернулъ нѣсколько разъ за ручку звонка. Тогда за воротами послышался шорохъ, шумъ шаговъ, звонъ ключей... Сквозь отверстіе проникла полоса свѣта. Ворота открылись.

— Кто это здѣсь трезвонитъ?—закричалъ дворникъ, поднимая фонарь. Какъ! жидовское отродіе!

— Это не я, а вотъ этотъ господинъ,—поспѣшилъ извиниться разносчикъ.

— Экая дерзость,—продолжалъ браниться дворникъ.

— Замолчать! прикрикнулъ на него Фридрихъ и бросилъ къ его ногамъ серебряную монету.

Услышавъ звонъ серебра о мостовую, дворникъ сталъ робокъ и приниженъ.

— Вашу милость я и не думалъ... Я вотъ этихъ жидовъ.

— Молчать!— повторилъ Фридрихъ. Посвѣтите мнѣ на лѣстницѣ.—

Дворникъ нагнулся и поднялъ монету — Цѣлая крона, должно быть знатный господинъ!—

— Это на пятомъ этажѣ, сударь,—сказалъ разносчикъ. Быть можетъ вы, г-нъ дворникъ, одолжите намъ маленькій огарочекъ.

— Литваку я ничего не занимаю, но... если вашей милости угодно...—И онъ тотчасъ же вынулъ изъ фонаря огарокъ и подалъ его Фридриху; потомъ онъ отошелъ въ сторону бормоча что то. Фридрихъ поднялся съ Литвакомъ и Давидомъ на 5-ый этажъ. Они хорошо сдѣлали, что захватили съ собой свѣчу; ихъ окружала глубокая тьма. Въ одноокопной комнаткѣ Литвака не было свѣта, хотя жена его не спала, а сидѣла на соломенной подстилкѣ, сдужившей ей постелью. При слабомъ мерцаніи огарка фридрихъ замѣтилъ, что въ этомъ тѣсномъ помѣщеніи не было никакой мебели, ни стула, ни стола, ни шкапа. На подоконникѣ стояло нѣсколько бутылокъ и разбитыхъ горшковъ... Картина суровой нищеты! Мать прижимала къ своей тощей груди, визжавшаго ребенка. Она взглянула на вошедшихъ широко раскрытыми отъ ужаса глазами:—Кто это, Хаимъ?—простонала она.

— Это добрый человѣкъ,—успокоилъ ее мужъ. Давидъ подошелъ къ ней:

— Мама, вотъ хлѣбъ!—Онъ подалъ ей черствыя булки.

Женщина съ трудомъ отломала кусочекъ и медленно сунула его въ ротъ. Она была очень слаба и истощена, но скорбное лицо ея еще сохранило слѣды прежней красоты.

— Вотъ здѣсь мы живемъ;—сказалъ Хаимъ Литвакъ, съ горькимъ смѣхомъ, но я не знаю будемъ ли мы имѣть это послѣ завтра... Намъ уже отказали.—Женщина громко застонала... Давидъ присѣлъ подлѣ нея на соломѣ и нѣжно прижался къ ней.

— Сколько вамъ нужно, чтобы остаться здѣсь?— спросилъ Фридрихъ.

— Три гульдена,—пояснилъ Литвакъ. Гульденъ и двадцать крейцеровъ за квартиру, а остальное я долженъ женѣ дворника. Откуда мнѣ взять ихъ къ послѣзавтрашнему дню?... очутимся мы тогда съ дѣтьми на улицѣ...—

— Три гульдена...—тихо и безнадежно причитывала его жена.

Фридрихъ полѣзъ въ карманъ; у него было восемь гульденовъ; онъ отдалъ ихъ разносчику.

— Господи Правый! возможно-ли?!—воскликнулъ Хаимъ и слезы потекли по его щекамъ. Восемь гульденовъ, Ревекка! Давидъ! Господь намъ помогъ. Да будетъ благославено Его имя!—

Ревекка тоже растерялась. Она стала на колѣни и потянулась къ избавителю. Придерживая правой рукой грудного ребенка, она лѣвой старалась схватить руку Фридриха, чтобы поцѣловать её. Онъ быстро уклонился отъ ея благодарности.

— Къ чему все это? Для меня нѣсколько гульденовъ ничего не составляютъ; мнѣ безразлично, будутъ ли они у меня или нѣтъ. Пусть Давидъ мнѣ посвѣтитъ на лѣстницѣ.

Женщина опустилась на свое ложе; она плакала отъ радости. Хаимъ Литвакъ шепталъ еврейскую молитву... Фридрихъ сошелъ съ лѣстницы въ сопровожденіи Давида.

На площадкѣ второго этажа Давидъ остановился и, поднявъ высоко свѣчку, сказалъ:

— Господь сдѣлаетъ меня сильнымъ человѣкомъ, и тогда я отблагодарю васъ.

Фридриха изумили слова и тонъ малыша. Въ нихъ было чтото зрѣлое и своеобразно—рѣшительное.

— Сколько тебѣ лѣтъ?—спросилъ онъ.

— Кажется десять,—отвѣтилъ Давидъ.

— Чѣмъ ты хочешъ быть?

— Я хочу учиться, много учиться...

Фридрихъ невольно вздохнулъ.

— Ты думаешь, что этого достаточно?

— Да,—сказалъ Давидъ.—Я слышалъ, что если станешь учиться, то сдѣлаешься сильнымъ и независимымъ. Богъ мнѣ поможетъ, и я буду учиться. А потомъ отправлюсь съ родителями и Миріамъ въ Израильскую землю.—

— Въ Палестину? -удивился Фридрихъ:

— Что же ты будешь тамъ дѣлать?—

— Это наша страна! Тамъ мы будемъ счастливы.—

Нищій еврейскій мальчикъ вовсе не казался смѣшнымъ, когда онъ энергично, въ двухъ словахъ начертилъ программу своей будущности. Фридрихъ невольно вспомнилъ пошлыхъ юмористовъ Грюна и Блау, отпускавшихъ плоскія шутки по адресу сіонизма. Давидъ прибавилъ:—и когда я заработаю что-нибудь, я не останусь у васъ въ долгу.—

— Да я не тебѣ далъ деньги, а твоему отцу,—смѣясь сказалъ Фридрихъ.

— То, что дѣлаютъ для моего отца, дѣлаютъ и для меня. Я заплачу за все,—за добро и за зло.—Давидъ проговорилъ это энергично и погрозилъ кулакомъ въ сторону дворницкой, къ которой они теперь

подошли. Фридрихъ положилъ свою руку на голову мальчика:

— Да поможетъ тебѣ Богъ отцевъ нашихъ!—Онъ самъ удивился своимъ словамъ.

Съ дѣтства, когда Фридрихъ еще посѣщалъ съ своимъ отцемъ синагогу, онъ ничего болѣе не слыхалъ о „Богѣ нашихъ отцевъ"; но эта странная встрѣча пробудила въ немъ старое, давно забытое и на мгновеніе навела тоску по прежней юношеской вѣрѣ, сближавшей его въ молитвахъ съ Богомъ его отцовъ.

Пришелъ дворникъ, шлепая туфлями.

— Съ сегодняшняго дня вы оставите въ покоѣ этихъ бѣдныхъ людей, — сказалъ Фридрихъ. Въ противномъ случаѣ вамъ прійдется имѣть дѣло со мной. Понимаете? —

Такъ какъ слова эти сопровождались вторичной подачкой, то грубіянъ ограничился тѣмъ, что пробормоталъ:

— Благодарствую! Ваша милость!—Пожавъ руку маленькому Давиду, Фридрихъ вышелъ на пустынную улицу предмѣстья.

Глава IV.

Въ письмѣ, которое Фридрихъ получилъ отъ N. O. Body, мѣстомъ свиданія была указана первоклассная гостиница на улицѣ Рингштрассе.

Въ назначенный часъ Фридрихъ явился туда и спросилъ мистера Кингскурта. Его направили въ салонъ перваго этажа. Фридрихъ вошелъ, и здѣсь его встрѣтилъ высокій, широкоплечій мужчина.

— Вы д-ръ Левенбергъ?

— Да, я.—

— Садитесь, д-ръ.—

Они сѣли. Фридрихъ внимательно смотрѣлъ на незнакомца и ждалъ объясненій.

Мистеръ Кингскуртъ былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти съ окладистой сѣдѣющей бородой, густыми каштановыми волосами, подернутыми серебристыми нитями, и блестящею сѣдиною на вискахъ. Онъ медленно курилъ большую сигару.

— Вы курите, д-ръ?—

— Благодарю, сейчасъ не хочу.—

Мистеръ Кингскуртъ осторожно пустилъ въ воздухъ кольцо дыма, и напряженно слѣдилъ за постепеннымъ исчезновеніемъ его очертаній; только когда оно совсѣмъ разсѣялось, онъ проговорилъ, не глядя на гостя:

— Отчего вамъ надоѣло жить?—

— На это позвольте вамъ не отвѣтить,—спокойно сказалъ Фридрихъ.

М-ръ Кингскуртъ внимательно обвелъ его глазами, одобрительно кивнулъ головой, стряхнулъ пепелъ съ своей сигары и промолвилъ:

— Вы правы, чортъ возьми! Это меня не касается... Поживемъ вмѣстѣ, наступитъ время и вы мнѣ разскажете. Пока что́, я вамъ сообщу, кто я таковъ. Настоящее мое имя—Кенингсгофъ *); я нѣмецкій дворянинъ, въ молодости служилъ офицеромъ, но военный мундиръ былъ для меня тѣсенъ. Не терпѣлось я надъ собой

*) Королевскій дворъ по нѣмецки—Königshof,—по англійски Kingscourt.

(Примѣч. перев.).

чужой воли, хотя бы и наилучшей. Не могъ я долго повиноваться! ушелъ въ отставку... Не совладалъ бы я съ собой и надѣлалъ бы глупостей! Я отправился въ Америку, назвалъ себя Кингскуртомъ и, за двадцать лѣтъ работы въ кровавомъ потѣ, скопилъ состояніе; потомъ подыскалъ себѣ и жену...

Что вы говорите, д-ръ? —

— Ничего, м-ръ Кингскуртъ.—

— Тэкъ-съ... вы не женаты?—

— Нѣтъ, м-ръ Кингскуртъ, но я полагалъ, что вы сообщите мнѣ, въ чемъ будетъ заключаться послѣдній опытъ, который вы намѣрены мнѣ предложить.

— Я и подхожу къ этому, д-ръ. Если намъ прійдется остаться вмѣстѣ, я вамъ подробно разскажу, какимъ образомъ я пріобрѣлъ милліоны.

Какъ? что вы говорите?—

— Ничего, м-ръ Кингскуртъ!—

— Энергія, д-ръ, это все... Если чего нибудь сильно желаешь, то обязательно и достигнешь!. Только въ Америкѣ, чортъ возьми, я понялъ, какая лѣнивая и безвольная чернь,—европейцы!—Короче,—я имѣлъ успѣхъ. Но достигнувъ всего этого, я сталъ чувствовать свое одиночество. Слѣпому року угодно было, чтобы одинъ изъ фамиліи Кепингсгофъ, сынъ моего брата, натворилъ глупостей. Этого мальчишку я пріютилъ, какъ разъ въ то время, когда искалъ себѣ жену. Н-да... хотѣлось мнѣ устроить свое хозяйство, обзавестись семейнымъ очагомъ, женой, которую мнѣ, какъ и всякому разбогатѣвшему parvenu, ничего не стоило увѣсить съ ногъ до головы брилліантами. Я тосковалъ по дѣтяхъ... знать бы хоть, для чего затратилъ столь-

ко страшныхъ усилій. Мнѣ казалось, что, женясь на бѣдной дѣвушкѣ, я поступаю чертовски предусмотрительно. Это была дочь одного изъ моихъ служащихъ. Я сдѣлалъ много добра ей и ея отцу. Она не отвергла моего предложенія. Я истолковалъ это любовью, но на самомъ дѣлѣ тутъ была только благодарность, а можетъ быть, просто-на-просто, трусость; она боялась отказать мнѣ. Обзавелся я хозяйствомъ и племянникъ мой жилъ у насъ... Вы скажете, что это было глупо съ моей стороны... пожилой человѣкъ межъ двухъ молодыхъ людей... они должны были сблизиться. Въ первый моментъ послѣ этого открытія и я называлъ себя ослomъ, но не будь племянника, — нашелся бы другой; оба меня обманывали; кажется съ перваго дня... Первымъ моимъ побужденіемъ было схватиться за револьверъ, но затѣмъ я разсудилъ, что виноватъ тутъ только я, и махнулъ на нихъ рукой. Подлость свойственна людямъ, а всякій удобный случай — сводница. Коли не хочешь погибнуть,—избѣгай людей. Наступило, какъ видите, мое крушеніе... Закрадывалась даже мысль, положить конецъ жалкой житейской комедіи одной пулей, но мнѣ пришло въ голову, что я всегда успѣю застрѣлиться. Конечно, деньги и нажива потеряли для меня всякій смыслъ; у меня не было больше желанія богатѣть, извѣдалъ я и семейное счастье. Осталось одно одиночество, какъ послѣдній опытъ; одиночество небывалое, неслыханное. Ничего болѣе не знать о людяхъ, объ ихъ жалкой борьбѣ, грязи, вѣроломствѣ! Одиночество дѣйствительное, неподдѣльное, абсолютное, безъ признака желаній и борьбы... Полнѣйшее, истинное возвращеніе къ природѣ! Такое

одиночество—рай, утерянный людьми по собственной винѣ. Такое одиночество я и обрѣлъ...

— Въ самомъ дѣлѣ? вы обрѣли его?—спросилъ Фридрихъ все еще не догадываясь къ чему клонится рѣчь американца.

— Да, д-ръ! Я ликвидировалъ свои дѣла и, какъ нѣкогда, скрылся отъ своихъ знакомыхъ. Никто не знаетъ, куда я дѣвался. Я снарядилъ великолѣпную яхту и говорятъ, что я на ней пропалъ безъ вѣсти. Долгіе мѣсяцы я скитался по морю и, еслибъ вы знали, что это за чудесная жизнь! Не желаете ли вы ознакомиться съ нею? Или, быть можетъ, она вамъ уже знакома?

— Нѣтъ, я ея не знаю но очень хотѣлъ бы ознакомиться съ ней—отвѣтилъ Фридрихъ.

— Отлично, д-ръ! Жизнь на яхтѣ уже есть свобода, но это еще не одиночество; необходимо вѣдь имѣть при себѣ экипажъ, да кромѣ того приходится отъ времени до времени заходить въ гавани за углемъ. Приходится снова сталкиваться съ людьми, а это снова грязнитъ тебя. Но я знаю одинъ островъ въ южномъ океанѣ, гдѣ можно быть совершенно одинокимъ. Тамъ я буду жить. Это небольшой, скалистый островъ въ архипелагѣ „Cooks“. Я купилъ его и съ помощью обитателей Ророгонго выстроилъ довольно удобный домикъ. Зданіе скрыто среди скалъ, такъ что съ моря оно совершенно незамѣтно. Впрочемъ и корабли тамъ показываются рѣдко. Мой островъ по прежнему кажется необитаемымъ. Я живу съ двумя слугами,—нѣмымъ негромъ, бывшимъ у меня еще въ Америкѣ, и таитянином, котораго я вытащилъ изъ воды въ га-

вани Аварна, когда онъ топился отъ несчастной любви. Теперь я путешествую по Европѣ въ послѣдній разъ. Хочу закупить все необходимое для будущей жизни на островѣ,—книги, физическіе аппараты, оружіе. Съѣстные припасы доставляетъ мнѣ мой таитянинъ съ ближайшаго населеннаго острова. Каждое утро онъ переѣзжаетъ туда на электрическомъ ботѣ въ сопровожденіи моего негра, а если является потребность еще въ чемъ нибудь, то за деньги на Раратонгѣ можно, какъ и всюду, добыть все, что угодно. Понимаете?—

— Конечно, понимаю, м-ръ Кингскуртъ, но я все-же никакъ не соображу, зачѣмъ вы мнѣ это сообщаете?—

Зачѣмъ, д-ръ? Я видите-ли, хочу взять себѣ компаньона, чтобы не разучиться говорить и имѣть товарища, который могъ-бы закрыть мнѣ глаза, когда я умру.

Согласны вы быть имъ?—

Фридрихъ молча подумалъ минуту. Потомъ онъ сказалъ твердымъ голосомъ:—да.—

Кингскуртъ съ видимымъ удовольствіемъ кивнулъ головой и прибавилъ:

— Я долженъ, однако,—обратить ваше вниманіе на то обстоятельство, что вы вступаете въ обязательство на всю свою жизнь, по крайней мѣрѣ до моей смерти. Если вы отправитесь со мной, всѣ пути, пути къ возвращенію будутъ для васъ отрѣзаны. Вамъ прійдется порвать всѣ связи съ міромъ.—Фридрихъ возразилъ:

— Меня ничто не связываетъ. Я совершенно одинокъ и вполнѣ насытился прелестями жизни.

— Такой именно человѣкъ мнѣ и нуженъ, д-ръ.

Отправляясь со мной, вы фактически разстаетесь съ жизнью. Извнѣ до васъ не будутъ доходить ни дурныя ни хорошія вѣсти. Для міра вы мертвы, вселенная для васъ исчезла. Это подходящія условія для васъ?

— Вполнѣ.—

— Въ такомъ случаѣ мы прекрасно сойдемся; вашъ образъ мыслей мнѣ нравится.

— Одно только я еще долженъ вамъ сообщить, м-ръ Кингскуртъ, -я еврей. Не послужитъ ли это препятствіемъ?

Кингскуртъ засмѣялся...

— Послушайте!—вопросъ вашъ комиченъ. Что вы человѣкъ—я вижу; что вы образованы—тоже; что жизнь вамъ надоѣла—это доказываетъ присутствіе хорошаго вкуса, все-же остальное совершенно безразлично для тѣхъ мѣстъ, куда мы отправляемся. И такъ по рукамъ.

Фридрихъ взялъ протянутую руку и сильно пожалъ её.

— Когда вы будете готовы въ путь, д-ръ?

— Когда угодно!—

— Хорошо! завтра. Мы направимся въ Трiестъ; тамъ моя яхта стоитъ на якорѣ.

Но вы, можетъ быть, пожелаете уладить свои дѣла?

— Улаживать мнѣ нечего,—сказалъ Фридрихъ, вѣдь это путешествіе не для развлеченья, а прощанье съ жизнью.

— Да, но все же д-ръ... Быть можетъ, вамъ нужны деньги для покупокъ? располагайте мною.

— Благодарю мнѣ ничего не нужно, мистеръ Кингскуртъ.—

— Можетъ быть, у васъ есть долги....—

— У меня нѣтъ ничего и долговъ тоже нѣтъ. Я свелъ всѣ счеты.—

— Нѣтъ ли у васъ родныхъ или друзей, которымъ вы-бы хотѣли что нибудь оставить?

— У меня никого нѣтъ....—

— Тѣмъ лучше! И такъ мы выѣзжаемъ завтра! Но сегодня мы уже можемъ отобѣдать вмѣстѣ.

Кингскуртъ позвонилъ и коротко отдалъ приказаніе. Лакеи накрыли столъ въ салонѣ и подали изысканный обѣдъ.

Сближеніе между д-мъ и Кингскуртомъ произошло довольно скоро. Фридрихъ ощущалъ потребность повѣдать Кингскурту свою собственную исторію тѣмъ болѣе, что тотъ отнесся къ нему съ такимъ довѣріемъ. Онъ въ короткихъ словахъ разсказалъ о себѣ.

— Когда Фридрихъ кончилъ, американецъ сказалъ:

— Мнѣ кажется, что вы не сбѣжите съ моего острова. Любовныя страданія, мірская и національно-еврейская скорьбь,—всего этого вполнѣ достаточно, чтобы заставить и молодого человѣка разъ на всегда проститься съ жизнью; вѣрнѣе съ жизнью среди людей. Даже, если творить добро, люди обманываютъ и терзаютъ тебя.... Величайшіе глупцы—это благодѣтели. Вы какъ думаете?

— Я думаю мистеръ Кингскуртъ, что, оказывая благодѣяніе, испытываешь пріятное ощущеніе.... Кстати мнѣ кое что приходитъ на умъ Вы предлагали мнѣ

деньги на тотъ случай, если-бы, разставаясь съ жизнью, я захотѣлъ оставить кому нибудь средства. Я знаю семью, которая въ крайней нищетѣ, я желалъ-бы помочь ей.—

— Это безуміе съ вашей стороны д-ръ. Но я не могу вамъ въ этомъ отказать.... И безъ того я хотѣлъ предложить вамъ для вашихъ надобностей нѣкоторую сумму. Распоряжайтесь ею какъ знаете. Достаточно ли будетъ пять тысячъ гульденовъ?

— Даже съ избыткомъ,—сказалъ Фридрихъ.—Для меня все-же очень пріятна мысль, что мой уходъ изъ жизни пройдетъ не совсѣмъ безслѣдно.

Глава V.

Комната, гдѣ помѣщалось семейство Литваковъ, при дневномъ свѣтѣ казалась еще болѣе жалкой чѣмъ ночью. И все-же Фридрихъ Левенбергъ засталъ этихъ несчастныхъ въ радужномъ настроеніи. Давидъ Литвакъ стоялъ у окна; на подоконникѣ лежала открытая книга. Онъ читалъ ее и ѣлъ въ тоже время большой бутербродъ. Отецъ и мать сидѣли на соломѣ, а крошечная Міріамъ играла соломинками. Хаимъ Литвакъ быстро поднялся, что-бы привѣтствовать своего благодѣтеля; жена его тоже пыталась встать, но Фридрихъ не допустилъ этого. Опустившись подлѣ нея на колѣни, онъ сталъ ласкать грудного ребенка.... Тотъ мило улыбался, выглядывая изъ своихъ жалкихъ лохмотьевъ.

— Ну, какъ вы сегодня себя чувствуете, г-жа Литвакъ? спросилъ Фридрихъ.

— Лучше, сударь—сказала она, тщетно пытаясь поцѣловать его руку,—для Миріамъ у насъ есть молоко, для насъ хлѣбъ.

— За квартиру я тожс заплатилъ—добавилъ не безъ гордости Хаимъ. Положивъ въ сторону свой бутербродъ и скрестивъ руки, Давидъ пристально смотрѣлъ на Фридриха.

— Ты чего, на меня уставился малышъ?

— Что-бы никогда васъ не забыть, сударь! Я какъ то читалъ исторію о человѣкѣ, который оказалъ помощь больному льву....

— Объ Андроклѣ?—улыбнулся Фридрихъ

— Мой Давидъ уже много читалъ,—сказала мать слабымъ голосомъ.

— Фридрихъ всталъ, положилъ руку на круглую голову мальчика и шутливо замѣтилъ:—Не левъ ли ты? Іудея имѣла когда-то льва!....

— Давидъ возразилъ не безъ запальчивости:—Іудея возвратитъ себѣ то, что она имѣла. Нашъ старый Богъ еще живъ!

Г-жа Литвакъ жалобно крикнула: Даже стула мы не можемъ предложить вамъ сударь!—

— Не безпокойтесь, голубушка. Я хотѣлъ только освѣдомиться какъ вы поживаете и—принести вамъ кое-что. Письмо это вы откроете только послѣ моего ухода; въ немъ прекрасная рекомендація.... она вамъ пригодится въ жизни. Вы должны хорошо питаться, г-жа Литвакъ, что-бы изъ вашей красивой маленькой дѣвочки вырастить такую-же честную женщину, какъ и вы сами.

— Дай ей Богъ больше счастья! вздохнула она.

— А этого славнаго мальчугана учите чему нибудь хорошему. Дай-ка мнѣ твою руку малышъ! Пообѣщай мнѣ стать порядочнымъ человѣкомъ!

— Да, я обѣщаю вамъ это.—

— Какія замѣчательные глаза у этого мальчика,!— подумалъ Фридрихъ, пожимая маленькую руку.

Онъ положилъ объемистое письмо на подоконникъ и хотѣлъ выйти.

- Извините сударь обратился къ нему у самой двери Хаимъ Литвакъ,—не къ общинѣ-ли рекомендація въ этомъ письмѣ?—

— Да, да, оно можетъ послужить рекомендаціей и въ общину.—сказалъ Фридрихъ. Онъ быстро вышелъ и сбѣжалъ по лѣстницѣ какъ-бы чувствуя за собой преслѣдованіе.... У воротъ его ждала карета. Онъ поспѣшно вскочилъ въ неё и крикнулъ кучеру: – „пошелъ!“— Лошади тронули.... какъ разъ во время!.... Черезъ минуту изъ воротъ выбѣжалъ Давидъ.... Тяжело дыша, онъ озирался по сторонамъ и не увидавъ благодѣтеля залился горькими слезами. Фридрихъ видѣлъ это черезъ отверстіе въ задней стѣнкѣ своего экипажа и былъ радъ, что ему удалось избѣжать благодарственныхъ изліяній. Можно было надѣяться, что пять тысячь гульденовъ, спасутъ эту семью.

Въ гостинницѣ его встрѣтилъ Кингскуртъ съ широкой улыбкой на лицѣ.

— И такъ вы выполнили свое доброе дѣло, д-ръ?

- Съ большимъ правомъ вы могли-бы сказать, что это доброе дѣло сдѣлали вы сами, тѣмъ болѣе, что деньги принадлежатъ вамъ, м-ръ Кингскуртъ!—

— Ну, ужъ противъ этого я возстаю самымъ рѣшительнымъ образомъ. Я бы гроша мѣднаго не далъ для добраго дѣла. Я ничего не имѣю противъ того, что вы по простотѣ сердечной,—жертва любви къ ближнему, но я не таковъ. То были ваши карманныя деньги, ими вы могли распорядиться, какъ вамъ было угодно.—

— Пусть будетъ такъ м-ръ Кингскуртъ!—

— Вотъ если-бы вы мнѣ сказали, что желаете учинить кое-что на благо собакъ, лошадей и иной благородной твари, вы могли-бы еще склонить меня къ участью.... Но для людей!... Н-н-ѣ-т-ъ.... освободите отъ этого исчадія!

Слишкомъ ужъ отдаетъ отъ него гнилью. Весь разумъ ихъ направленъ на подлости. Недавно сообщалось въ газетахъ, что какая то пожилая дама завѣщала свое состояніе своимъ кошкамъ. Выражая послѣднюю волю, она предписала, что-бы домъ ея былъ раздѣленъ на опредѣленное число хорошо обставленныхъ кошачьихъ помѣщеній съ служебнымъ персоналомъ и т. д. Сотрудникъ газеты сдѣлалъ по этому поводу глупое замѣчаніе, что старуха по всей вѣроятности была помѣшана. Этакій оселъ! Не помѣшана была она, а напротивъ, необыкновенно разумна.... Она выказала протестъ роду человѣческому и въ особенности ничтожной, алчущей наслѣдства родни. Для животныхъ, все что угодно; для людей,— ничего. Видите, въ этомъ я вполнѣ солидаренъ со старухой. Царство ей небесное! —

Это была излюбленная тема Кингскурта, онъ развивалъ ее съ большимъ остроуміемъ. Фридрихъ Левен-

бергъ привелъ въ порядокъ свои несложныя дѣла и на слѣдующій день былъ уже готовъ. Квартирной хозяйкѣ онъ сказалъ, что предпринимаетъ прогулку на Гроссглокнеръ. Она ужаснулась:

— Зимой: Такъ часто ходятъ слухи о несчастныхъ случаяхъ въ горахъ!—

— Хорошо—меланхолически улыбнулся Фридрихъ если я черезъ 8 дней не возвращусь, вы можете заявить обо мнѣ въ полиціи, какъ о пропавшемъ безъ вѣсти. Въ этомъ случаѣ будьте увѣрены, что я нашелъ самый лучшій пріютъ въ какой-нибудь разсѣлинѣ скалы. Мои пожитки—я завѣщаю Вамъ. —

— Какъ вамъ не грѣшно д-ръ!—

— Я вѣдь шучу,—успокоилъ ее Левенбергъ. .,

Вечернимъ поѣздомъ въ обществѣ Кингскурта онъ оставилъ Вѣну. Въ кофейню „Birkenreis“ онъ больше не заходилъ и не зналъ, что маленькій Давидъ Литвакъ каждую ночь цѣлыми часами дежурилъ возлѣ ея двери, поджидая его. Въ гавани Трієста разукрашенная яхта м-ра Кингскурта покачивалась на волнахъ. Они сдѣлали еще послѣднія покупки для продолжительнаго путешествія, и въ одинъ ясный декабрскій день снялись съ якоря, держа путь на юго-востокъ. Необъятный просторъ моря при другихъ обстоятельствахъ несомнѣнно обрадовалъ бы Фридриха, теперь-же это плаваніе подъ свѣтлой лазурью неба приносило только незначительное облегченіе его безграничной скорби.

Кингскуртъ, какъ и слѣдовало ожидать, былъ прелестный человѣкъ. При всей своей рисовкѣ мизан-

тропіей онъ отличался добродушіемъ, деликатностью и мягкостью. Когда Фридрихъ бывалъ мрачно настроенъ, онъ старался развлечь его шутками; онъ обходился съ нимъ какъ съ больнымъ ребенкомъ. Фридрихъ часто говорилъ:—

— Наши матросы, должны имѣть о насъ совершенно ложное представленіе. Они будутъ считать хозяиномъ меня, а васъ гостемъ, котораго я пригласилъ чтобы развлечься. Право, вы могли-бы подыскать болѣе занимательнаго собесѣдника!

— У меня не было выбора, дорогой мой,—съ мрачной серьезностью отвѣчалъ Кингскуртъ.—Мнѣ нуженъ былъ человѣкъ, которому надоѣла жизнь, а такіе люди обыкновенно не бываютъ веселыми собесѣдниками. Я васъ, однако, излѣчу,—вы у меня измѣнитесь; вотъ дайте только окончательно отдѣлаться отъ людского ничтожества. Вы станете такимъ же благодушнымъ парнемъ какъ и я,—еще до нашего прибытія на блаженный островъ. Я правъ! чортъ побери!—Яхта была устроена съ американскимъ комфортомъ и была очень уютна. Фридриху отвели такой-же красивый салонъ какъ и самому Кингскурту. Общая столовая была роскошно обставлена и когда они вечеркомъ послѣ ужина сидѣли вмѣстѣ при мягкомъ свѣтѣ электрической лампы, время пролетало незамѣтно въ пріятныхъ бесѣдахъ. На яхтѣ имѣлась небольшая, но хорошая библіотека; читать имъ однако не приходилось, такъ какъ на морѣ дни протекали очень разнообразно... Кингскуртъ все время старался доставлять развлеченія своему спутнику. Они уже миновали островъ

Критъ въ довольно бурную погоду. Тогда онъ вдругъ предложилъ Фридриху:

— Скажите-ка, д-ръ, нѣтъ-ли у васъ желанія еще разъ повидать ваше отечество передъ тѣмъ, какъ распроститься съ міромъ?—

— Мое отечество?—удивился Фридрихъ.—Вы желаете снова возвратиться въ Тріестъ?—

— Боже упаси! воскликнулъ Кингскуртъ.—Ваше отечество, Палестина, еще впереди насъ.—

— А-а, вотъ вы о чемъ! Вы ошибаетесь. Къ Палестинѣ я рѣшительно не имѣю никакого отношенія, я никогда тамъ не былъ, она меня не интресуетъ. Мои предки покинули её вотъ уже 18 столѣтій... Чего я тамъ стану искать? Я полагаю, что только антисемиты могутъ утверждать, что Палестина—наше отечество...—

Въ то время какъ онъ говорилъ это,—ему невольно пришелъ на умъ Давидъ Литвакъ, и онъ прибавилъ: правда, я слышалъ еще изъ устъ маленькаго еврейскаго мальчика, что Палестина—наша страна. Не вздумалось-ли вамъ подразнить меня этимъ м-ръ Кингскуртъ?

Да будь я трижды проклятъ, если я подтруниваль надъ вами. Напротивъ, я совершенно серьезно сказалъ это! Васъ, евреевъ, я, право, не могу понять. Будь я еврей, я очень гордился-бы этимъ, а вы вотъ стыдитесь! Нечего вамъ послѣ этого и удивляться, что васъ презираютъ; о присутствующихъ, разумѣется, не говорятъ.

— Господинъ Кенигсгофъ! вы, быть можетъ, тоже антисемитъ?—Возмутился Фридрихъ. Въ первый

разъ, самъ не зная почему, онъ назвалъ его нѣмецкимъ именемъ.

— Ну вотъ вы и волнуетесь, сынъ мой,—засмѣялся Кингскуртъ. Что я вообще мизантропъ,—это Вамъ извѣстно и это Васъ не касается, но Васъ обидѣло бы презрительное отношеніе къ сынамъ Израиля. Успокойтесь, милый докторъ!—Я ненавижу евреевъ не больше и не меньше, чѣмъ христіанъ, магометанъ и огнепоклонниковъ... Всѣмъ имъ вмѣстѣ цѣна грошъ! Я понимаю добраго, стараго Нерона... одно общее горло и пересѣчь его однимъ взмахомъ меча... Нѣтъ еще лучше,—пусть живетъ вся эта мразь и до смерти досаждаетъ другъ другу.

— Я былъ неправъ,—примирительно сказалъ Фридрихъ—ужъ одно то, что Вы взяли меня съ собой, есть уже лучшее доказательство.—Кингскуртъ сказалъ:

— Кстати, я вспомнилъ одинъ случай который приключился съ однимъ изъ вашихъ земляковъ, или единовѣрцевъ, или чертъ возьми!—короче съ евреемъ. Случилось это въ полку... былъ тамъ у насъ одинъ вольноопредѣляющійся—Кономъ звали каналію! Простите, пожалуйста... Конъ этотъ былъ чертовски кривоногое существо,—такъ и созданъ былъ для кавалеріи.

Разъ, я во время ученія верховой ѣзды, гналъ этихъ собакъ къ барьеру. Они же или не желали, или не умѣли перескочить, да и было правда нѣсколько высоко. Ну, ужъ я имъ задалъ, какъ подобаетъ задать такому проклятому свиному стаду... Тогда я еще умѣлъ браниться, чортъ меня побери! теперь я ужъ разучился.

Я далъ имъ понять этакимъ кавалерійскимъ букетомъ краснорѣчія, что считаю ихъ самымъ поганымъ трусливымъ сбродомъ. Особенно же я раздѣлывалъ Кона.—Легче, конечно! издѣвался я,—поддѣлывать векселя, чѣмъ барьеры брать.—Кровь бросилась въ лицо еврея и онъ помчался къ барьеру. Взять его, однако не удалось ему, онъ слетѣлъ и сломалъ себѣ руку. Въ первую минуту мнѣ стало досадно; зачѣмъ понадобилось самолюбіе этому ослу.

— Вы думаете, еврей не долженъ имѣть самолюбія?—

— Нѣтъ, что вы, зачѣмъ коверкать мои слова?

Впрочемъ, если у евреевъ есть самолюбіе,—почему же они терпятъ всѣ эти наглости по отношенію къ себѣ?

Что же имъ дѣлать, м-ръ Кинскуртъ?

— Что? этого я не знаю... что-либо подобно Кону на кавалерійскомъ ученіи... съ тѣхъ поръ я все же сталъ больше уважать его.

— Не потому-ли, что онъ сломалъ себѣ руку?

— Нѣтъ! потому что онъ доказалъ мнѣ свою силу воли. Будь я на вашемъ мѣстѣ я предпринялъ-бы нѣчто смѣлое, великое, чтобы даже враги отъ удивленія разинули ротъ.

Предразсудки, дорогой мой, будутъ существовать всегда. Людишки питаются ими отъ колыбели и до могилы. И такъ какъ уничтожить предразсудки нельзя, то нужно добиться того, чтобы они были направлены въ твою пользу. Чѣмъ больше я думаю, тѣмъ яснѣе мнѣ становится, что очень интересно быть въ настоящее время евреемъ. Именно потому, что весь свѣтъ противъ нихъ.

— Ахъ, вы не знаете, какъ это тяжело!—

— Да, не сладко, могу себѣ представить... Ну, какъ же быть съ Палестиной? Посмотримъ на нее что-ли, прежде чѣмъ распростимся съ міромъ.

— Мнѣ все равно, м-ръ Кингскуртъ.—

И такъ,—яхта поплыла по направленію къ Яффѣ.

Глава VI.

Нѣсколько дней они провели въ древней родинѣ евреевъ. Яффа произвела на нихъ непріятное впечатлѣніе. Расположеніе ея у самаго моря безспорно чудное, но на всемъ видны были слѣды страшной запущенности: Доступъ къ скверной гавани затруднителенъ. Небольшія улицы наполнены зловоніемъ, онѣ не опрятны, заброшены. Повсюду пестрая восточная нищета... Бѣдные турки, грязные арабы, запуганные евреи бродили съ лѣнивымъ, нищенскимъ и безнадежнымъ видомъ. Какой то странный, могильной запахъ стѣснялъ дыханіе.

Кингскуртъ и Фридрихъ поспѣшили оставить городъ. Они направились въ Іерусалимъ по скверной желѣзной дорогѣ. И на этомъ пути все тѣ же картины нищеты и запущенности. Равнины покрыты одними песками и болотами. Тощія нивы какъ будто высушены. Неприглядныя арабскія деревни. Обитатели имѣли разбойничій видъ. Нагія дѣти играли въ пескѣ на улицѣ. А вдали, на горизонтѣ виднѣлись обезлѣсенныя горы Іудеи. Поѣздъ мчался далѣе по пустын-

нымъ, окаймленнымъ скалами, долинамъ. Заброшенные склоны горъ носилили мало слѣдовъ прежней или настоящей культуры.

— Если это и есть наша страна, то она пришла въ такой же упадокъ, какъ и нашъ народъ,—меланхолически проговорилъ Фридрихъ.

— Да, это просто ужасно, не должно быть терпимо полиціей!—замѣтилъ Кингскуртъ. А между тѣмъ здѣсь можно бы многое сдѣлать, нужно только развести лѣсъ. Вотъ бы сюда полъ милліона молодыхъ елей.—Страна эта нуждается въ водѣ и въ тѣни; тогда бы ей предстояла будущность, и, быть можетъ, великая!

— Кому же позаботиться объ этомъ?

— Евреямъ, сто тысячъ чертей!!

Они прибыли въ Іерусалимъ, ночью; это была чудная, лунная ночь...

— Чортъ возьми, какъ красиво!— восхищался Кингскуртъ.

Карета, въ которой они ѣхали съ вокзала въ гостиницу, должна была по его приказанію остановиться.

— Вы можете оставаться на козлахъ, а этому верблюду кучеру скажите, чтобы онъ медленно ѣхалъ позади насъ!—повелительно обратился къ лакею Кингскуртъ. —Мы пройдемъ немного пѣшкомъ. Д-ръ, не хотите-ли?... Какъ называется эта мѣстность?—Лакей покорно отвѣтилъ:—Іосафатская долина, сударь!—

— Такъ она на самомъ дѣлѣ существуетъ, чортъ побери! Долина Іосафата! Я полагалъ, что это такъ себѣ, только въ библіи написано... Здѣсь странствовалъ Господь нашъ Спаситель. Что вы скажете на

это, д-ръ? Ахъ, да... Но все же и вашему сердцу это должно быть близко! эти старыя стѣны, эта долина...

— Іерусалимъ...—тихо, слегка дрожащимъ голосомъ пробормоталъ Фридрихъ. Онъ не могъ дать себѣ отчета, почему видъ этихъ незнакомыхъ очертаній города до такой степени взволновалъ его. Быть можетъ, это было только воспоминаніе слова, слышанаго въ дѣтствѣ? Отрывокъ молитвы, которую не разъ шепталъ его отецъ? Вечерняя молитва отходящаго праздника св. Пасхи отозвалась въ его душѣ, въ немъ жило одно изъ немногихъ памятныхъ ему еврейскихъ изрѣченій: „Лешано габо Іерушолаіемъ“ черезъ годъ въ Іерусалимѣ!... И онъ представилъ себя вдругъ маленькимъ мальчикомъ, идущимъ въ храмъ рука объ руку съ отцомъ... Но вѣра, умерла, юность умерла, отецъ умеръ, а предъ нимъ въ сказочномъ лунномъ сіяніи высились стѣны Іерусалима. Что то жгучее подступило къ его глазамъ. Онъ не могъ болѣе совладать съ собой. Онъ остановился, и слезы медленно покатились по его щекамъ. Кингскуртъ съ трудомъ заглушилъ не разъ вырывавшееся изъ его устъ обычное „чортъ побери“; слѣдовавшему за ними кучеру онъ энергичнымъ кивкомъ головы подалъ знакъ остановиться, а самъ безшумно отступилъ шагъ назадъ, не желая мѣшать горестному и благоговѣйному умиленію Фридриха.

Глубоко вздохнувъ, Фридрихъ очнулся отъ забытья.

— Простите, м-ръ Кингскуртъ, сказалъ онъ нѣсколько сконфуженно. Я заставилъ васъ ждать. Мнѣ было такъ странно...- еще и теперь какъ то странно на душѣ я рѣшительно не знаю, что это такое!—

Кингскуртъ взялъ его подъ руку и необыкновенно мягкимъ голосомъ проговорилъ:

— Васъ, Фридрихъ Левенбергъ, васъ я люблю!— И такъ въ эту величественную лунную ночь христіанинъ и еврей шли рука объ руку по направленію къ древнему святому городу Іерусалиму.

Менѣе привлекателенъ былъ видъ Іерусалима днемъ. Крикъ, вонь, смѣсь грязныхъ цвѣтовъ, суета оборванныхъ людей въ удушливыхъ улицахъ, нищіе, больные, голодныя дѣти, визгливыя бабы, завывающіе торгаши. Ниже не могъ пасть столь царственный нѣкогда Іерусалимъ.

Кингскуртъ и Фридрихъ осмотрѣли знаменитыя мѣста, строенія и развалины. Побывали также и въ мрачной улицѣ у „стѣны жалобъ“. Безобразный видъ профессіонально молящихся нищихъ непріятно поразилъ ихъ.

— Видите, М-ръ Кингскуртъ,—замѣтилъ Фридрихъ— Мы дѣйствительно умерли настоящей смертью. Отъ еврейскаго государства ничего не осталось кромѣ обломка храмовой стѣны. Сколько бы я ни копался въ своей душѣ, у меня нѣтъ ничего общаго съ этими жалкими профессіональными плакальщиками національнаго горя.—

Онъ произнесъ это громко, не подумавъ, о томъ, что его могутъ слышать и другіе. Кромѣ нищихъ и проводниковъ предъ стѣной жалобъ въ это мгновеніе находился еще третій господинъ въ европейскомъ костюмѣ. Онъ обратился къ Фридриху на литературномъ нѣмецкомъ языкѣ съ легкимъ иностраннымъ акцентомъ:

— Судя по вашимъ словамъ, сударь, вы должно быть еврей, или по меньшей мѣрѣ еврейскаго происхожденія?

— Да,—нѣсколько удивленно отвѣтилъ Фридрихъ.

— Въ такомъ случаѣ вы, быть можетъ, позволите мнѣ,—продолжалъ незнакомецъ,—указать на Ваше заблужденіе. Отъ еврейской націи осталось больше, чѣмъ старые квадратные камни этихъ стѣнъ и эти жалкіе бѣдняки, отдающіеся, разумѣется, далеко не красивому ремеслу. О еврейской націи въ данное время вы не должны судить ни по ея нищимъ, ни по ея богачамъ.

— Я не богачъ, замѣтилъ Фридрихъ.

— Я вижу кто вы: вы чужой вашему народу. Если-бы вы когда нибудь побывали у насъ въ Россіи, то узнали-бы, что еврейская нація еще существуетъ. У насъ есть еще живая традиція, любовь къ прошлому и вѣра въ будущее. Наилучшіе, образованѣйшіе люди остались у насъ вѣрны еврейству, какъ націи. Мы не желаемъ принадлежать другой. Мы желаемъ быть тѣмъ, чѣмъ были наши отцы.

— Вотъ это вѣрно! – воскликнулъ Кингскуртъ. Фридрихъ слегка повелъ плечами; онъ обмѣнялся еще нѣсколькими учтивыми словами съ незнакомцемъ. Потомъ они отошли. На концѣ улицы, свернувъ за уголъ, они оглянулись. Русскій еврей все еще стоялъ на томъ же мѣстѣ. Онъ весь ушелъ въ тихую молитву предъ „стѣной жалобъ“.

Вечеромъ они его снова увидѣли въ англійскомъ отелѣ, въ которомъ остановились сами. Онъ сидѣлъ за столомъ подлѣ молодой особы. Это повидимому была, его дочь. Послѣ ѣды они встрѣтились въ боль-

шой залѣ. Разговоръ, прерванный утромъ, непринужденно завязался снова. Русскій назвалъ свое имя: Д-ръ Эйхенштаммъ.

— По спеціальности я окулистъ. Дочь моя тоже!

— Какъ, M-elle тоже докторъ? спросилъ Кингскуртъ.

— Да, она училась у меня, а потомъ въ Парижѣ. Теперь она ассистируетъ мнѣ. Моя Саша,—сама наука! Женщина-врачъ покраснѣла при этой похвалѣ.

— Ахъ папа!... запротестовала она.

— Д-ръ Эйхенштаммъ провелъ лѣвой рукой по своей длинной сѣдой бородѣ.

— Нужно сказать правду. Мы здѣсь, не только ради удовольствія, господа! Мы занимаемся лѣченіемъ глазныхъ болѣзней. Ихъ тутъ къ сожалѣнію достаточно. Грязь и бѣдствія даютъ себя знать.—Кругомъ все такъ неприглядно. А между тѣмъ могло бы быть такъ прекрасно.!—Страна вѣдь золотая.—

— Эта страна? недоумѣвая переспросилъ Фридрихъ Исторія съ „молокомъ и медомъ“ вѣдь уже не вѣрна болѣе?

— Она все еще вѣрна! съ одушевленіемъ крикнулъ Эйхенштаммъ. -Здѣсь недостаетъ только людей.

— Ну—Нѣтъ! Отъ людей ничего нельзя ожидать;— рѣшительно заявилъ Кингскуртъ. Докторъ Саша обратилась къ своему отцу:—Ты посовѣтовалъ-бы господамъ осмотрѣть колоніи.—

— Какія колоніи?—освѣдомился Фридрихъ.

— Наши еврейскія поселенія, - отвѣтилъ старый господинъ.

— Вы и объ этомъ ничего не знаете,—д-ръ? Это вѣдь одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ современной жизни евреевъ. Въ различныхъ европейскихъ и американскихъ городахъ образовались общества такъ называемыхъ „Любителей Сіона"; цѣль ихъ заключается въ томъ, чтобы въ нашей старой родинѣ обратить евреевъ въ земледѣльцевъ. Есть уже нѣсколько подобныхъ еврейскихъ деревень. Нѣсколько богатыхъ благотворителей пожертвовали крупныя суммы на это дѣло. Наша старая земля снова приноситъ плоды. Посѣтите эти поселенія, прежде чѣмъ вы оставите Палестину!— Кингскуртъ проворчалъ:

— Мы можемъ это сдѣлать, если вамъ угодно, Левенбергъ! —

Фридрихъ поспѣшилъ изъявить свое согласіе. На слѣдующій день въ обществѣ Эйхенштамма и Саши они предприняли прогулку на Масличную гору. У самой подошвы ея они прошли мимо краснваго дома какой-то англичанки.

— Видите,—сказалъ русскій,—и на старой землѣ можно сооружать новые дворцы. Чудная мысль—жить здѣсь. Это—моя мечта!—

По крайней мѣрѣ нужно было бы устроить здѣсь клинику глазныхъ болѣзней,—замѣтила съ милой улыбкой Саша.

Съ Масличной горы восторженнымъ взорамъ ихъ открылся холмистый городъ; каменистые гребни горъ тянулись вплоть до мертваго моря, опоясывая городъ широкимъ кольцомъ.

Фридрихъ задумался.

— Должно быть Іерусалимъ нѣкогда былъ очень красивъ! Поэтому, быть можетъ, наши отцы не могли забыть его. Потому, быть можетъ, они постоянно мечтаютъ о возвращеніи!

Эйхенштаммъ увлекался:

— Мнѣ это напоминаетъ Римъ. На холмахъ можно-бы снова создать міровой городъ, нѣчто величественное. Вообразите себѣ видъ, который тогда открывался-бы отсюда, великолѣпиѣе, чѣмъ съ Яникульскаго холма. Ахъ, если-бы моимъ старымъ глазамъ суждено было еще увидѣть это!...—

— До этого мы не доживемъ!—печально замѣтила Саша.

Кингскуртъ молча удивлялся ихъ мечтаніямъ. Очутившись снова наединѣ съ Фридрихомъ, онъ замѣтилъ.

— Удивительная пара этотъ д-ръ отецъ и д-ръ дочь. Такъ практичны и въ тоже время такъ наивны. Я представлялъ себѣ евреевъ иначе.—

На слѣдующій день, простившись съ ними, Кингскуртъ и Фридрихъ послѣдовали ихъ совѣту и отправились въ колоніи. Они осмотрѣли поселенія Ришонъ-ле-Ціонъ, Рехобатъ и другія разбросанныя въ пустынной окрестности, подобно оазисамъ. Много прилежныхъ рукъ должны были здѣсь трудиться для того, чтобы снова пробудить къ жизни истощенную почву. Они видѣли хорошо обработанныя поля, великолѣпную виноградную культуру и пышные оранжевые сады.

— Все это образовалось за послѣдніе 10—15 лѣтъ,— пояснилъ имъ старшина колоніи Рехобатъ, которому ихъ отрекомендовалъ Эйхенштаммъ. Послѣ преслѣдованій въ Россіи въ началѣ 80-хъ годовъ возникло

движеніе въ Сіонъ. Есть однако еще болѣе благоустроенныя колоніи. Напримѣръ, колонія Катра. Она основана образованными людьми, которые бросили свои книги, переселились сюда, и отдались земледѣлію. Подобныхъ крестьянъ вѣрно нигдѣ нельзя встрѣтить.— Ученные люди и работаютъ на поляхъ!—

— Да, это дѣйствительно рѣдко!— воскликнулъ Кингскуртъ. Онъ былъ изумленъ еще больше, когда мальчуганы колоніи Рехобатъ по приказанію старшины мигомъ вскочили на лошадей, и предъ гостями былъ изображенъ своего рода арабскій танецъ. Мальчики мчались вихремъ въ поле, пускали лошадей во всѣ стороны, возвращались съ радостными кликами обратно, на полномъ ходу подбрасывали вверхъ свои шапки и ружья и снова ловили ихъ. Въ заключеніе, выстроивши лошадей въ одинъ рядъ, они пропѣли еврейскую пѣсню.

Кингскуртъ былъ плѣненъ.

— Сто тысячъ чертей... Этакіе бѣсенята! Мальчишки эти гарцуютъ вѣдь, какъ самъ діаволъ.—

Но Фридрихъ мало интересовался проявленіемъ здороваго жизненнаго пыла и былъ радъ, когда они оставили колоніи съ тѣмъ, чтобы возвратиться въ Яффу.

Яхта была готова къ отплытію. Въ послѣднихъ числахъ декабря они покинули берегъ Палестины, озаренный солнечнымъ свѣтомъ, и направились въ Портъ-Саидъ. Въ этой гавани они оставались два дня, потомъ Суэцкимъ каналомъ поплыли дальше. Вечеромъ 31 Декабря 1902 года они вступили въ Красное море.

На Фридриха снова напала хандра. Въ такомъ состояніи ему все казалось безразличнымъ.

Послѣ захода солнца Кингскуртъ позвалъ его на палубу.

— Сегодня, д-ръ, давайте мы съ вами особенно весело проведемъ время. Взгляните-ка вотъ на карту кушаній. Я приказалъ поставить на ледъ много бутылокъ шампанскаго.—

— Что же сегодня за день, м-ръ Кингскуртъ?—

— Эхъ, Вы! И этого вы не знаете?... Послѣдній день года. Это не банальное число, если въ числахъ вообще кроется какой либо смыслъ.—

— Для насъ это не имѣетъ значенія, сказалъ Фридрихъ устало. Для насъ теперь только начинается безвременіе.—

— Да, да! Но все-жъ это чертовски куріозный день. Въ полночь мы его потопимъ въ морѣ, въ Вашемъ Красномъ морѣ. Когда-же минетъ безсмысленный годъ, въ которомъ мы должны были жить, мы съ Вами подумаемъ о чемъ нибудь великомъ!..

Я приказалъ уже приготовить намъ славный пуншъ. Это самое реальное въ общей безсмыслицѣ нашего существованія.

Такъ они и поступили. Поваръ сдѣлалъ все отъ него зависящее. Вина оказались превосходными. Кингскуртъ, завзятѣйшій кутила, пилъ въ три раза больше Фридриха и оставался при этомъ довольно трезвымъ въ то время, какъ его молодой товарищъ чувствовалъ, что глаза его застилаются туманомъ.

Когда пробило 12 часовъ, Фридрихъ какъ сквозь сонъ услышалъ громовой голосъ Кингскурта:

— Полночь! Время,—умирай! Я пью за твою смерть! Позоръ, кровь, подлость и прогрессъ. Чокнемтесь, мужъ, представитель рода человѣческаго, изолированный современникъ!—

— Не могу болѣе,—бормоталъ Фридрихъ.

— Жалкій родъ!... Здѣсь вы должны-были бы подняться!... Классическая страна! здѣсь вашъ старый Мойсей показалъ міру одинъ изъ величайшихъ фокусовъ. Евреи прошли чрезъ море не омочивъ свои стопы... Очевидно какъ разъ было время отлива. А эта скотина Фараонъ въ погонѣ за нимъ попадаетъ прямо въ пучину. Волшебства въ этомъ, разумѣется, нѣтъ. Но именно естественное въ этомъ и импонируетъ. Простѣйшія средства! Нужно ихъ однако знать и умѣть ими пользоваться. Подумайте только, въ какое время жилъ Мойсей и что онъ все-же совершилъ. Явись онъ теперь снова, онъ ничего-бы не понималъ во всѣхъ современныхъ чудесахъ—желѣзныхъ дорогахъ, телеграфахъ, телефонахъ, машинахъ, въ этой винтовой яхтѣ съ электрическимъ свѣтовымъ рефлекторомъ. Нужно было-бы, быть можетъ, цѣлыхъ три дня безпрерывно объяснять ему. Но чрезъ три дня онъ все понялъ-бы. И знаете ли Вы, что сдѣлалъ бы онъ тогда? онъ бы смѣялся страшно, злобно смѣялся бы. Смѣялся бы потому, что люди при всѣхъ сказочныхъ успѣхахъ своихъ ничего не могутъ сдѣлать толкомъ. Судьба отдѣльныхъ лицъ показываетъ намъ, какъ люди злы. Но при общемъ обзорѣ приходишь къ заключенію, что люди глупы, безгранично глупы, глупы и глупы. Никогда еще міръ не былъ такъ богатъ и никогда еще не было въ немъ такъ много бѣдныхъ.

Люди погибаютъ съ голоду въ то время, какъ непотребленное зерно гніетъ. По мнѣ пусть будетъ такъ: чѣмъ больше погибаютъ, тѣмъ меньше остается на свѣтѣ неблагодарныхъ, лгуновъ и вѣроломныхъ.—Фридрихъ сказалъ заплетающимся языкомъ:

— Не думаете-ли вы, м-ръ Кингскуртъ, что люди стали-бы лучше, если-бы имъ лучше жилось.—

— Нѣтъ! Если если бы я держался этого взгляда, то не переселялся-бы на мой одинокій островъ, а оставался бы среди людей. Я указалъ бы имъ, что они должны дѣлать, чтобы устроиться возможно лучше. Не нужно было-бы ожидать ни 1000, ни 100, ни 50 лѣтъ. Теперь! Съ тѣми идеями, знаніями, средствами, которыми располагаетъ человѣчество, сегодня-же 31 Декабря 1902 года, оно могло-бы помочь себѣ. Не нуженъ камень мудрости, не нуженъ совершенный аэростатъ. Все необходимое для того, чтобы улучшить жизнь человѣческую, имѣется на лицо. И знаете, кто могъ-бы указать дорогу? Вы! Вы евреи! Именно потому, что вамъ плохо. Вамъ нечего терять. Вы могли-бы устроить образцовую страну для человѣчества—тамъ, гдѣ мы были съ Вами, на старой почвѣ создать новую страну. Новый міръ на развалинахъ стараго!—

Фридрихъ Левенбергъ слышалъ это какъ сквозь сонъ. Онъ задремалъ и, убаюкиваемый сновидѣніями, мчался по волнамъ Краснаго моря навстрѣчу будущности.

Книга 2.

Хаифа 1903 годъ.

Глава I.

— —

Яхта Кингскурта опять плыла по Красному морю, но въ обратномъ направленіи. Волосы и борода Кингскурта побѣлѣли. И Фридрихъ, глядя въ зеркало своей каюты, замѣтилъ уже на своихъ вискахъ первыя серебряныя нити. Старикъ позвалъ его на палубу.

— Эй, Фридрихъ! Подите-ка сюда!—

— Что вамъ угодно, м-ръ Кингскуртъ?—сказалъ тотъ, выходя изъ каюты.

— Рѣшительно не понимаю, чортъ меня возьми! Съ тѣхъ поръ, какъ мы плывемъ по Красному морю, я видѣлъ мало пассажирскихъ пароходовъ. Грузовыхъ, правда, много. А помните-ли вы, какъ было 20 лѣтъ тому назадъ, въ 1902 году? Тогда здѣсь царило оживленіе. Ость-Индскія суда, Китайскіе корабли! Эти жалкіе пароходы, которые мы встрѣчаемъ теперь, направляются только въ Африканскія гавани и на Мадагаскаръ. Я вотъ освѣдомился у этой бестіи лоцмана о проходящихъ корабляхъ. Въ эти воды не заходятъ уже ни Ость-Индскіе, ни японскіе, ни китайскіе корабли. Все только грузовые, какъ я уже замѣтилъ. Чего добраго со времени нашего отѣзда Англія потеряла

свои владѣнія въ Индіи, сто тысячъ чертей! Но кому же онѣ достались?.

— Спросите у лоцмана, если это васъ интересуетъ!—

— Ни о чемъ я спрашивать не стану! Пусть все это будетъ неизвѣстнымъ до тѣхъ поръ, пока мы не возвратимся въ Европу,—я не любопытенъ. Быть можетъ, Фрицъ, вы любопытны? —

— Нѣтъ, Кингскуртъ, для меня все безразлично. Въ эти 20 лѣтъ я утратилъ всякій интересъ ко всему, что выходитъ за предѣлы нашего чуднаго острова. Нѣтъ у меня болѣе ни друга, ни близкаго родственники—о чемъ-же мнѣ освѣдомляться?

Кингскуртъ, развалившись въ креслѣ, покуривалъ большую гаванну.

— Ну, Фрицъ, островъ нашъ пошелъ вамъ въ прокъ. Я вспоминаю, какимъ вы были тщедушнымъ еврейскимъ мальчикомъ съ впалой грудью; теперь вы стали богатыремъ! Мнѣ кажется, что вы могли-бы теперь быть опаснымъ для женщинъ.—

— Вы окончательно спятили, Кингскуртъ,—смѣялся Фридрихъ.—Къ чести вашей, я склоненъ думать, что вы не для женитьбы отсылаете меня въ Европу.—

Кингскуртъ покатился со смѣху:—Васъ женить!

— Не считайте же вы меня такимъ осломъ! Что бы я послѣ сталъ съ вами дѣлать?—

— Но, быть можетъ, это самый удобный способъ отдѣлаться отъ меня, мое общество, пожалуй, надоѣло вамъ...

— Ну вотъ вы и напрашиваетесь на комплименты—закричалъ старикъ, добродушіе котораго легко выливалось въ брань. Вы вѣдь хорошо знаете, Фрицъ, что

безъ васъ я не могъ бы жить; все это путешествія предпринялъ только ради васъ, для того, чтобы потомъ у васъ снова хватило терпѣнія провести нѣсколько лѣтъ со мной.—

— Послушайте, Кингскуртъ, вамъ извѣстно, что я не могу быть грубымъ, по крайней мѣрѣ такимъ, какъ вы, но, выражаясь даже мягко, это...

— Глупость?—

— Нѣчто подобное. Когда я обнаруживалъ нетерпѣніе? Я былъ счастливъ на нашемъ островѣ, вполнѣ счастливъ; эти 20 лѣтъ протекли для меня, какъ сонъ. Какъ будто вчера еще вы здѣсь произносили прощальную рѣчь отходящему XIX столѣтію. Я-бы никогда болѣе не оставилъ нашего блаженнаго острова... Нѣтъ! А вы вотъ пытаетесь одурачить меня, и говорите, что ѣдете въ Европу изъ за меня. Стыдитесь прибѣгать къ такимъ неостроумнымъ отговоркамъ! Вамъ интересно узнать, что творится тамъ; вы стремитесь туда, а не я. Да вотъ вамъ наилучшее доказательство полнаго моего равнодушія къ вселенной: въ продолженіе всѣхъ этихъ лѣтъ я не бралъ ни одной газеты въ руки.—

— Удивительная штука, ихъ и не было на нашемъ островѣ... Это была моя крайняя мѣра для охраненія здоровья: Ни одной газеты!—

— Такъ-ли? Нѣсколько лѣтъ тому назадъ прибыла посылка изъ Раратонги. Всѣ предметы въ ящикѣ были обернуты въ англійскія и французскія газеты. На одно мгновеніе я поддался было искушенію прочесть ихъ; хотя со дня ихъ появленія прошли мѣсяцы и годы, они мнѣ все же могли сообщить много новаго. Это было въ 1917 году. Я не слыхалъ ничего о внѣшнемъ мірѣ

въ теченіе 15-ти лѣтъ. Но все таки я скомкалъ газеты и сжегъ ихъ, не просмотрѣвъ даже. И послѣ этого вы говорите, что мнѣ хочется вернуться ..

Старикъ самодовольно ухмылялся.

— Ну ужъ если вы меня попрекаете ложью, то признаюсь; мнѣ хочется знать, что сталось съ подлымъ міромъ. Все-ли еще люди также дурны и глупы, какъ раньше.—

— Мой добрый Кингскуртъ, мы съ радостью возвратимся на нашъ тихій островъ.—

— Возражать на это я не стану; я утверждаю то же, что и вы.—

Яхта прошла чрезъ Суецкій каналъ. Въ Портъ-Саидѣ они сошли на берегъ. Въ гавани шла оживленная нагрузка товаровъ, но на приходящихъ въ упадокъ городскихъ базарахъ уже нельзя было болѣе встрѣтить пестрой, разноязычной толпы, столь характерной нѣкогда для этого мѣста. Здѣсь скрещивались когда-то дороги путешественниковъ съ запада на востокъ и съ востока на западъ. Здѣсь нѣкогда вы встрѣчали элегантныхъ путниковъ, а теперь предъ грязными кофейнями помимо туземцевъ шатались только полупьяные матросы.

Кингскуртъ и Фридрихъ вошли въ лавку купить сигаръ. Они потребовали лучшій сортъ.

—Не держимъ, нѣтъ ужъ болѣе покупателей,—сѣтовалъ торговецъ-грекъ,—никто не является за такими хорошими сигарами, только матросы требуютъ табакъ и плохія сигары.

— Какъ же такъ?—спросилъ Кингскуртъ.

— Гдѣ же путешественники, направляющіеся въ Индію, Австралію и Китай?—

— „О, ихъ давно уже нѣтъ, они теперь отправляются другимъ путемъ.—

— Другимъ путемъ?—спросилъ Фридрихъ. Какой-же путь? Это вѣдь не черезъ мысъ Доброй Надежды?

— Вы потѣшаетесь надо мной, г-динъ,—раздраженно сказалъ торговецъ. Каждый ребенокъ знаетъ теперь, что въ Азію не ѣдутъ больше чрезъ Суецкій каналъ.—

Фридрихъ и Кингскуртъ изумленно переглянулись. Кингскуртъ проворчалъ:

— Разумѣется, это знаетъ каждое дитя. Вы вѣдь не станете принимать насъ за такихъ неучей, которымъ не было бы извѣстно объ этомъ проклятомъ новомъ каналѣ!—Грекъ сердито ударилъ кулакомъ по прилавку:—Пошли вонъ!—Сначала вы вышучиваете меня дорогими сигарами, а потомъ отпускаете эти глупыя остроты! Пошли вонъ!—

Кингскуртъ потянулся впередъ, что бы дать греку пощечину, но Фридрихъ удержалъ вспыльчиваго старика.

— Кажется, въ наше отсутствіе произошло что-то значительное, о чемъ мы не знаемъ, Кингскуртъ!—

— Чортъ возьми! мнѣ это тоже приходитъ въ голову. И такъ прежде всего нужно бы намъ выяснить это!—

Въ гавани они освѣдомились у капитана одного нѣмецкаго торговаго судна: существовало новое сообщеніе между Европой и Азіей, оно шло черезъ Палестину.

— Да, развѣ тамъ имѣются гавани, желѣзныя дороги?—спросилъ Фридрихъ. Капитанъ добродушно засмѣялся:

— Имѣются-ли въ Палестинѣ гавани и желѣзныя дороги? Сударь, откуда вы явились? Неужто вы никогда не видѣли газеты или росписанія поѣздовъ?—

— Никогда... этого я не могу сказать, но нѣсколько лѣтъ прошло уже... Палестину мы впрочемъ знаемъ какъ пустынную страну.—

— Пустынную страну!... Ну коли вы её называете пустыней, ужъ какъ вамъ будетъ угодно... Въ такомъ случаѣ вы очень избалованы!—

— Послушайте, капитанъ, воскликнулъ Кингскуртъ, —мы вамъ откроемъ всю правду. Передъ вами два чертовски неосвѣдомленныхъ молодца. Въ теченіи 20 лѣтъ мы ни о чемъ кромѣ собственнаго удовольствія не заботились. Итакъ что сталось со старой Палестиной?—

- Мнѣ придется разсказывать вамъ очень долго; лучше поѣзжайте туда сами. Если нѣсколько дней для васъ ничего не значатъ, то сдѣлайте этотъ маленькій кругъ. Впрочемъ въ Хайфѣ и въ Яффѣ вы найдете самые лучшіе пароходы, они идутъ во всѣ европейскія и американскія гавани. Оставьте вашу яхту.—

— Нѣтъ, яхту свою мы не оставимъ; но сдѣлать кругъ мы пожалуй можемъ, Фрицъ? Какъ вы думаете? Не осмотрѣть ли намъ еще разъ страну вашихъ предковъ?

— Меня туда такъ же мало влечетъ, какъ и въ Европу. Мнѣ совершенно безразлично!—

Они направились въ Хайфу. Весною, раннимъ утромъ, послѣ столь мягкой въ этихъ моряхъ ночи, показался берегъ Палестины. Оба они стояли на капитанской площадкѣ и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ пристально смотрѣли черезъ бинокли въ даль.

-- Можно бы побиться объ закладъ, что тамъ виднѣется бухта Аки,—сказалъ Фридрихъ.

-- Можно утверждать и противоположное, -замѣтилъ Кингскуртъ. Въ моемъ воспоминаніи запечатлѣлась

картина бухты; 20 лѣтъ тому назадъ она была совершенно пустыня. Но вотъ справа, — это вѣдь Кармель, а° лѣвѣе — Ака?

— Какъ все измѣнилось?! воскликнулъ Фридрихъ. Здѣсь произошло чудо!

Они приближались къ берегу. Чрезъ хорошіе бинокли можно было уже различить части берега. На рейдѣ, между Акой и подошвой Кармела, стояли на якорѣ огромные пароходы, какіе обыкновенно строились еще на исходѣ XIX столѣтія. За этой флотиліей вырисовывались красивыя очертанія бухты. У сѣверной вершины Аки виднѣлись въ стилѣ величественной древневосточной архитектуры сѣрыя укрѣпленія, большіе куполы, грандіозные минареты, которые красиво выдѣлялись на чудномъ фонѣ утренняго неба. Въ очертаніяхъ этихъ зданій измѣнилось немногое. Но на набережной, съ южной стороны, на ближнемъ концѣ славнаго города, пережившаго тяжелыя испытанія, создалося истинное великолѣпіе.

Тысячи бѣлыхъ виллъ сіяли, утопая въ зелени пышныхъ садовъ. Отъ Аки до Кармела, казалось, былъ раскинутъ большой садъ, и гора была увѣнчана сверкающими на солнцѣ строеніями.

Такъ какъ они подошли съ юга, то выступъ горы сперва заслонялъ имъ видъ на гавань и на городъ Хайфа. Но вотъ онъ весь открылся передъ ними, и восторженнымъ проклятьямъ Кингскурта не было больше счету. Величественный городъ раскинулся у темно-синяго моря. Огромные, каменные молы покоились въ водѣ, и при первомъ взглядѣ на нихъ чужеземцамъ стало понятно истинное значеніе обширной гавани.

Это былъ самый надежный и удобный портъ въ Средиземномъ морѣ. Пароходы всевозможныхъ величинъ, различныхъ конструкцій, всѣхъ націй укрывались въ этомъ убѣжищѣ. Кингскуртъ и Фридрихъ были ошеломлены... На ихъ старой картѣ морей, составленной двадцать лѣтъ тому назадъ, эта гавань, не была отмѣчена и теперь она встала передъ ними какъ волшебное явленіе. За это время все преобразилось и подвинулось впередъ.

Яхта стала на якорь. Они пробирались на своей шлюпкѣ къ пристани среди массы кораблей. Въ короткихъ и отрывистыхъ фразахъ они обмѣнивались впечатлѣніями. Шлюпка причалила къ каменнымъ ступенямъ набережной. Они вышли на берегъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ какой-то господинъ сходилъ по ступенямъ къ электрическому катеру, очевидно ожидавшему его. Когда этотъ господинъ замѣтилъ ихъ, онъ остановился какъ вкопанный. Онъ глядѣлъ на Фридриха съ широко-раскрытыми глазами. Старикъ первый замѣтилъ его и проворчалъ:—Что ему нужно? неужели онъ не видалъ никогда цивилизованныхъ людей?—

— Ну, этого нельзя предположить,—улыбнулся Фридрихъ.—Здѣсь, на берегу люди выглядятъ цивилизованнѣе насъ. Вѣроятнѣе всего мы кажемся ему людьми отсталыми. Вглянитe-ка сюда, вверхъ... Какое движеніе на улицѣ! Какъ въ міровыхъ центрахъ... а какое множество прекрасно одѣтыхъ людей. Я полагаю, наши костюмы вышли уже изъ моды.—

Они приказали лоцману ожидать ихъ на томъ же мѣстѣ, а сами направились по каменнымъ ступенямъ къ подымавшейся вверхъ улицѣ, на которой они уже съ

берега наблюдали большое движеніе. На незнакомца, пристально на нихъ смотрѣвшаго, они сначала не обращали вниманія; но тотъ шелъ за ними. Онъ видимо старался услышать языкъ, на которомъ они говорили.

Вотъ онъ поровнялся съ ними, прошелъ мимо нихъ и остановился предъ ними.

— Сударь!—вспылилъ Кингскуртъ,—что вамъ собственно угодно отъ насъ?—

Незнакомецъ ему не отвѣтилъ, но обратился къ Фридриху мужественнымъ, мягкимъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Вы докторъ Фридрихъ Левенбергъ?—

Глубоко пораженный тѣмъ, что услышалъ свое имя въ незнакомомъ мѣстѣ, Фридрихъ отвѣтилъ:

— Да, меня такъ зовутъ...—

Тогда незнакомецъ порывисто прижалъ его къ своей груди и поцѣловалъ его въ обѣ щеки. Наконецъ онъ выпустилъ Фридриха изъ своихъ объятій и началъ вытирать слезы.

Это былъ молодой, сильный и стройный мужчина лѣтъ тридцати, съ загорѣвшимъ, окаймленнымъ короткой, черной бородкой лицемъ.

— А вы кто такой?—спросилъ Фридрихъ, оправившись отъ такого бурнаго привѣтствія.

— Я... вы, вѣроятно не припоминаете,—имя мое Давидъ Литвакъ.—

— Тотъ маленкій мальчикъ, у кофейни „Биркенрайсъ?“—

— Да, г-нъ докторъ! Тотъ самый, котораго вы спасли вмѣстѣ съ его родителями и сестрой отъ голодной смерти.—

— Пожалуста, не говорите объ этомъ,—протестовалъ Фридрихъ.—

— Напротивъ, объ этомъ мы еще много будемъ говорить. Всѣмъ я обязанъ вамъ, и своимъ положеніемъ и своимъ состояніемъ! Прежде всего вы мой гость; и если этотъ господинъ вашъ другъ, то мой домъ открытъ и для него.

— „Это мой единственный, мой лучшій другъ,—мистеръ Кингскуртъ".—

Глава II.

Не успѣли еще Фридрихъ и Кингскуртъ отдать себѣ отчетъ въ происшедшемъ, какъ Давидъ Литвакъ велъ ихъ уже вверхъ по лѣстницѣ мола. Только очутясь на улицѣ, они могли составить себѣ полное представленіе объ этомъ замѣчательномъ городѣ и объ его уличной жизни. Предъ ними открылась большая площадь, окруженная стройными рядами величественныхъ зданій. По срединѣ былъ разбитъ пальмовый садъ, обнесенный рѣшеткой. Пальмы, какъ обычное здѣсь дерево, виднѣлись всюду, направо и налѣво, по угламъ всѣхъ улицъ, сходившихся у этой площади. Сразу было видно, что пальмы эти несли двойную службу: днемъ давали тѣнь, а ночью свѣтъ, такъ какъ электрическія лампы висѣли на нихъ въ видѣ стеклянныхъ грушъ. Это было первое, на что Кингскуртъ указалъ съ восхищеніемъ. Потомъ онъ освѣдомился о назначеніи дворцовъ, окружавшихъ большую площадь. Давидъ Литвакъ отвѣтилъ, что это бюро различныхъ европейскихъ обществъ морской торговли и колоні-

альныхъ банковъ; потому эта площадь и называется интернаціональной: таковой она была и въ дѣйствительности. Это обнаруживали не только зданія, но и ея населеніе. Левенбергъ и Кингскургъ съ удивленіемъ смотрѣли на уличную суету. Очевидно здѣсь было мѣсто сношенія всѣхъ народовъ, такъ какъ повсюду видны были самые пестрые костюмы востока въ перемѣшку съ костюмами запада: Китайцы, Персы, Арабы бродили въ суетящейся толпѣ. Преобладающими, конечно, были костюмы запада, да и вообще городъ этотъ носилъ вполнѣ европейскій характеръ. Можно было подумать, что находишься въ большомъ итальянскомъ портовомъ городѣ. Синева неба и моря и яркость красокъ напоминали счастливую Ривьеру; только строенія были болѣе новаго стиля и содержались значительно чище и на улицѣ, при всемъ оживленіи, не было такъ шумно. Это объяснялось болѣе умѣреннымъ темпераментомъ находящагося здѣсь въ достаточномъ количествѣ восточнаго элемента, а также и тѣмъ, что на улицахъ не встрѣчались вьючныя животныя. Не слышно было ни лошадинаго топота, ни щелканья бичей, ни грохота колесъ. Мостовыя были такъ-же гладки, какъ и троттуары. Автомобили пролетали на своихъ резиновыхъ шинахъ почти безъ шума, подавая лишь порѣдка сигналы. Гулъ надъ самой головой заставилъ ихъ посмотрѣть вверхъ.

— Что это, чертъ возьми? вскрикнулъ Кингскуртъ, указывая на большой желѣзный вагонъ, промчавшійся надъ верхушками пальмъ; изъ оконъ вагона выглядывали пассажиры. Вагонъ имѣлъ колеса не снизу, а

сверху надъ крышей; онъ висѣлъ и покачивался на крѣпкомъ желѣзномъ мосту.

— Это висячая электрическая дорога,—пояснилъ Литвакъ.—Ее вы должны были видѣть и въ Европѣ.

— Мы не были въ теченіи 20 лѣтъ въ Европѣ!—

— Висячая желѣзная дорога не представляетъ собой ничего новаго; она существовала въ 90 годахъ минувшаго столѣтія между Барменомъ и Эльберфельдомъ. Въ нашихъ городахъ мы устроили ее въ самомъ началѣ, т. к. массовое сообщеніе такимъ путемъ можетъ быть обезпечено болѣе легко и безопасно; да и сооруженіе ея обошлось гораздо дешевле обыкновенной конки или электрической конки, идущей между крышами зданій.—

— Позвольте, позвольте, вы говорите о городахъ, развѣ въ Палестинѣ существуютъ еще и другіе подобные города?—воскликнулъ Кингскуртъ.

— Этого вы не знаете, господа?—

— Нѣтъ,—сказалъ Фридрихъ,—мы не знаемъ ни этого ни чего-либо другого, мы ничего не знаемъ; мы были мертвыми 20 лѣтъ.—

— Да, я дѣйствительно считалъ васъ мертвымъ, дорогой д-ръ,—сказалъ Давидъ Литвакъ, пожимая еще разъ руку Фридриха.

— Развѣ вы освѣдомлялись обо мнѣ? Да и откуда вы знаете мое имя? кажется я вамъ тогда не называлъ его.—

— Послѣ того, какъ вы укрылись отъ нашей благодарности, мы пришли въ полное отчаяніе. Я думалъ, что вы, вѣроятно, постоянный посѣтитель кофейни Бпркенрейзъ. Не одну ночь я стоялъ тамъ передъ дверью и ожидалъ васъ и отецъ мой тоже.—

— Вашъ отецъ живъ еще?—

— Да, онъ живъ, и мать, и Міріамъ, которую вы видѣли еще въ пеленкахъ.... Наконецъ мнѣ пришло на мысль описать вашу варужность кельнеру кофейни; онъ узналъ васъ тотъ часъ по моему описанію и назвалъ ваше имя. Но какъ безгранична была моя печаль, когда онъ прибавилъ, что вы погибли въ горахъ Швейцаріи и что газеты оповѣстили о вашей смерти... Могу вамъ сказать, д-ръ, мы не мало плакали о васъ, мы всегда точно соблюдали годовщину вашей смерти въ день, извѣстный намъ изъ газетъ.—

— Годовщину? это что еще?—спросилъ Кингскуртъ.

— Обычай у евреевъ —пояснилъ Фридрихъ;—въ день смерти усопшихъ родственники въ его память зажигаютъ свѣчи.—

— О, мнѣ еще многое, многое нужно разсказать вамъ, дорогой д-ръ, -сказалъ Давидъ Литвакъ,—но намъ незачѣмъ здѣсь стоять. Прежде всего я снезу васъ въ свой домъ, который вы можете считать своимъ, съ этой минуты.

Пожалуйте, господа!—

— А наша шлюпка? наша яхта?—

Давидъ Литвакъ обернулся къ одѣтому въ ливрею негру, который слѣдовалъ за нимъ на почтительномъ разстояніи, и тихо отдалъ приказанія. Слуга удалился. Давидъ обратился къ своимъ гостямъ:

— Все улажено, лодка будетъ возвращена на яхту. За вашими приказаніями явятся въ Фридрихсгеймъ.

— Куда?—

— Въ Фридрихсгеймъ, такъ называется мой домъ;

ни, вѣроятно, догадываетесь въ честь кого. Пойдемте, господа, т. е. ѣдемте!—

При всей его любезности въ тонѣ слышалось нѣчто увѣренное. Кингскуртъ пробормоталъ не безъ удовольствія:—Фрицъ, онъ умѣетъ командовать!—

Давидъ Литвакъ подалъ знакъ, подъѣхалъ автомобиль. Давидъ пригласилъ ихъ сѣсть. Когда онъ самъ хотѣлъ послѣдовать за ними, одинъ господинъ окликнулъ его:

— Господинъ Литвакъ, господинъ Литвакъ!—

Онъ обернулся.

А это вы?—Что вамъ угодно?—

— Утренній номеръ газеты сообщаетъ, что вы сегодня устраиваете собраніе въ Акѣ. Развѣ это не вѣрно?—

— Я хотѣлъ только-что ѣхать туда, но теперь принужденъ отложить собраніе, у меня очень важное дѣло: кстати я сейчасъ протелефонирую туда.—

— Позвольте мнѣ сдѣлать это господинъ Литвакъ!—

— Пожалуйста, будьте такъ любезны!

- Вѣроятно у васъ гости, г. Литвакъ?—настойчиво допытывался господинъ, указывая чрезъ плечо большимъ пальцемъ лѣвой руки на коляску.

Давидъ засмѣялся, но не отвѣтилъ, а только ограничился кивкомъ головы.

— Въ Фридрихсгеймъ!—сказалъ онъ, сидящему сзади на возвышеніи истопнику.

— Это лицо мнѣ кажется знакомо!—замѣтилъ Фридрихъ, когда коляска укатила; -я вѣроятно встрѣчалъ его въ другомъ видѣ, безъ этихъ сѣдыхъ бакенбардовъ, безъ пенснэ на носу!—

— Да, онъ тоже изъ Вѣны; ему часто приходилось разсказывать мнѣ о васъ. Я только не хотѣлъ, что-бы онъ подошелъ къ вамъ: сегодня вы принадлежите только мнѣ одному.... Это одинъ изъ бывшихъ посѣтителей кофейни Биркенрейзъ. Вотъ догадайтесь....

У Фридриха мелькнуло воспоминаніе:

— Шиффманъ — сказалъ онъ. — Какъ онъ тоже здѣсь?—

— Онъ, и еще много много другихъ евреевъ изъ всѣхъ городовъ и странъ міра!—

Кингскуртъ, глядѣвшій съ любопытствомъ по сторонамъ, задалъ Давиду вопросъ:—Быть можетъ, вы хотите сказать, что состоялось переселеніе евреевъ въ Палестину?—

— Конечно я хочу это сказать.—

— Чудеса, да и только! —воскликнулъ старикъ.

— Васъ выгнали изъ Европы?—Давидъ пояснилъ съ любезной улыбкой:—Ну.... Вы не должны себѣ представлять средневѣковыхъ изгнаній! По крайней мѣрѣ въ культурныхъ странахъ это явленіе не носило такого характера. Это была безкровная операція! На исходѣ XIX и въ началѣ настоящаго столѣтія дальнѣйшее пребываніе евреевъ на мѣстахъ ихъ осѣдлости стало невыносимымъ.—

— Ага! выжили!—

— Преслѣдованія носили соціально-экономическій характеръ. Бойкотъ въ торговомъ мірѣ, преслѣдованія рабочихъ, вытѣсненіе изъ свободныхъ профессій, не говоря уже о моральныхъ страданіяхъ, которыя должень быль переносить на исходѣ XIX вѣка еврей обладающій болѣе тонкой психологіей. Юдофобство про-

являлось какъ въ старыхъ такъ и въ новыхъ формахъ. Снова появилась на свѣтъ сказка о ритуальномъ убійствѣ. Одновременно съ этимъ говорилось о томъ, что евреи отравляютъ прессу, какъ отравляли нѣкогда въ средніе вѣка—колодцы. Рабочіе ненавидѣли евреевъ за то, что они были причиной пониженія заработной платы, хотя евреи рабочіе шли рука объ рукъ съ христіанами; они ихъ ненавидѣли какъ эксплоататоровъ, когда они являлись въ роли предпринимателей, ихъ ненавидѣли, были-ли они бѣдны, богаты или изъ средняго класса. Имъ ставилось въ упрекъ какъ трата денегъ, такъ и пріобрѣтеніе. Они не должны были ни производить, ни потреблять. Ихъ отстранили отъ государственныхъ должностей. Въ судахъ они наталкивались на предубѣжденія, каждый шагъ въ гражданской жизни приносилъ страданія. При такихъ условіяхъ было ясно, что они должны были стать смертельными врагами общества, основаннаго на несправедливости, или же должны были искать убѣжище. Произошло послѣднее. И вотъ мы здѣсь; мы спаслись!—

— Новый міръ на старой почвѣ!—пробормоталъ Фридрихъ.

— Да, именно такъ,—серьезно и съ глубокимъ чувствомъ сказалъ Давидъ Литвакъ. —На нашей старой, дорогой землѣ мы устроили новое общество. Вы ознакомитесь съ нимъ г-да!-

— Чертъ возьми,—это страшно интересно. Здѣсь можно ознакомиться со многимъ! Не хотѣлось мнѣ мѣшать вамъ въ вашемъ обвиненіи противъ дряхлой Европы, иначе я спросилъ-бы васъ что это за зданія? -

— Я вамъ все покажу!—

— Послушайте-ка, уважаемый мужъ и еврей, я хочу сначала повѣдать вамъ свое признаніе, иначе вы еще раскаитесь въ вашей любезности. Дѣло въ томъ, что я не еврей... Теперь вы меня выбросите вонъ, или выживете? А?

— Что вы Кингскуртъ!—протестовалъ Фридрихъ.

— Я узналъ уже по одному изъ вашихъ предыдущихъ вопросовъ, что вы не еврей! спокойно сказалъ Давидъ Литвакъ. –Позвольте вамъ замѣтить, что мы не дѣлаемъ различія между людьми. Мы никого не спрашиваемъ о его вѣрѣ, или о его расѣ. Пусть каждый будетъ только человѣкомъ, этого съ насъ достаточно.—

— И всѣ обитатели этой страны думаютъ такъ какъ вы?—

— Нѣтъ, откровенно сознался Давидъ,—этого я не утверждаю; существуютъ и другія теченія.—

— Ага, я такъ и думалъ, гуманный человѣкъ!—

— Я не хочу наводить на всѣхъ тоску своими разсказами о нашей политической борьбѣ. Она имѣется у насъ какъ и всюду, но я съ увѣренностью могу сказать, что принципы человѣчности чтятся у насъ всѣми. Что касается религіи, то вы найдете у насъ рядомъ съ нашими молельнями,—и храмы христіанъ, буддистовъ, браминовъ. Послѣднія двѣ религіи имѣются, правда, только въ приморскихъ городахъ какъ напримѣръ здѣсь въ Хаифѣ, въ Тирѣ, Сидонѣ и въ болѣе значительныхъ городахъ вдоль желѣзной дороги ведущей къ Ефрату, къ Дамаску, къ Тадморѣ.—

— Тадморъ? Городъ Пальмиры снова живетъ? удивился Фридрихъ.

Давидъ утвердительно кивнулъ головой:—Вы насладитесь величественной картиной всеобщаго божественнаго мира только въ Іерусалимѣ!—

— Головушка моя, куда сразу вмѣстить все это!—жаловался Кингскуртъ.

Они доѣхали до перекрестка, гдѣ оживленная ѣзда вызвала минутное замѣшательство. Автомобиль долженъ былъ остановиться. Тутъ они поняли, на сколько практична висячая желѣзная дорога. Вверху надъ серединой улицы подъ тяжелыми двойными желѣзными рельсами, не мѣшая пѣшеходамъ, безпрепятственно со свистомъ пролетали вагоны, казавшіеся большими ящиками. Съ мѣста, гдѣ они вынуждены были остановиться открывался видъ на цѣлый рядъ улицъ. Разнообразіе архитектурныхъ стилей ласкало ихъ взоръ. Далѣе они ѣхали по оживленнымъ частямъ города. Дома были большей частью невелики, но красиво отдѣланы. Очевидно они предназначались только для отдѣльныхъ семей, какъ это встрѣчается въ бельгійскихъ городахъ. Тѣмъ величественнѣе выдѣлялись легко распознаваемые торговые дома и общественныя зданія. Проѣзжая мимо нихъ, Давидъ Литвакъ называлъ нѣкоторыя: Адмиралтейство, торговое вѣдомство, посредническое бюро труда, вѣдомство народнаго просвѣщенія, управленіе электрическими сооруженіями. Большой привѣтливый дворецъ, фасадъ котораго былъ снабженъ балконами и украшенъ фресками, приковалъ ихъ вниманіе.

— Это зданіе управленія общественными работами!—сказалъ Давидъ.—Здѣсь живетъ Штейнекъ нашъ первый архитекторъ. Имъ составленъ планъ города.

— Не легкая задача выпала на долю этого человѣка!—замѣтилъ Фридрихъ.

— Тяжелая; это вѣрно, но все же пріятная. Онъ могъ творить совершенно свободно, какъ впрочемъ и мы всѣ. Никогда еще въ исторіи такъ быстро и превосходно не устраивались города какъ у насъ; прежде не обладали такими техническими средствами. Созидательная способность культурнаго человѣчества уже на исходѣ XIX столѣтія была велика. Стоило только воспользоваться всѣми изобрѣтеніями. Я вамъ послѣ разскажу какъ это произошло.—Они очутились въ части города, застроенной виллами. Дорога шла въ гору. Это была гора Кармель. Посреди благоухающихъ садовъ, были раскинуты небольшіе красивые замки. Передъ окнами нѣкоторыхъ домовъ мавританскаго стиля они замѣтили деревянныя рѣшетки.

Давидъ предупредилъ ихъ вопросъ.

— Здѣсь живутъ знатные магометане. Кстати, вотъ и другъ мой Решидъ-Бей!—Передъ желѣзной калиткой сада, мимо котораго они проѣзжали, стоялъ красивый мужчина лѣтъ 35-ти. При темномъ европейскомъ костюмѣ онъ носилъ красную феску. Магометанинъ привѣтствовалъ ихъ по восточному обычаю движеніемъ руки. Давидъ крикнулъ ему нѣсколько словъ на турецкомъ языкѣ, а Рашидъ отвѣтилъ съ сѣверо-германскимъ акцентомъ:

— Желаю пріятнаго времяпрепровожденія!—

Кингскуртъ удивился:

— Эго что тамъ за мусульманчикъ? —

Давидъ улыбнулся.

— Онъ получилъ образованіе въ Берлинѣ.

Отецъ его тотчасъ же понялъ значеніе эммиграціи евреевъ. Онъ вмѣстѣ съ нами пережилъ нашъ экономическій ростъ и разбогатѣлъ. Впрочемъ Решидъ состоитъ также членомъ нашего новаго общества.

— Новаго общества?—переспросилъ Фридрихъ,—Что это за общество?

— Высокоуважаемый мужъ, — добавилъ Кингскуртъ.—вы должны просвѣщать насъ, какъ новорожденныхъ. Мы не знаемъ ни стараго ни новаго общества.

— Все же, замѣтилъ Давидъ,—старое общество вы знаете или знали. Съ нашимъ новымъ я васъ познакомлю, когда у насъ будетъ время. Здѣсь не мѣсто. Мы сейчасъ будемъ тамъ, гдѣ вы отнынѣ должны чувствовать себя какъ дома!—

Предъ ними раскрылся видъ на извилистую дорогу. Предъ восхищенными взорами ѣдущихъ лежалъ городъ Хаифа и его гавань, далекая бухта, окаймленная пышными садами, а на другомъ концѣ—Акка, на фонѣ высокихъ горъ. Они достигли сѣверной вершины горы Кармель. Направо и налѣво, къ сѣверу и къ югу, простирался чудный берегъ Палестины, и предъ ними безбрежное море отливало золотомъ и бирюзою. Бѣлые гребни пѣны неслись на немъ какъ чайки, по направленію къ свѣтло-коричневому берегу. Давидъ остановилъ коляску, чтобы дать возможность насладиться рѣдкимъ видомъ. Онъ слѣзъ съ коляски самъ, и гости послѣдовали за нимъ.

— Взгляните, д-ръ, вотъ страна нашихъ отцовъ!—

И Фридрихъ не зналъ, почему при этихъ простыхъ словахъ молодого человѣка глаза его наполнились сле-

зами. Но это было иное настроеніе, чѣмъ 20 лѣтъ тому назадъ предъ Іерусалимомъ. Тогда предъ нимъ открылась картина смерти, освѣщенная луною, теперь— сама жизнь, освѣщенная яркимъ блескомъ солнца.

Онъ взглянулъ на Давида... Что стало съ нищимъ еврейскимъ мальчикомъ? Независимый, вдумчивый, здоровый, образованный мужъ, чувствующій подъ собою твердую почву; Давидъ еще не упоминалъ о своемъ положеніи, но ему жилось, должно быть, не дурно въ этой живописной окрестности, гдѣ встрѣчались только виллы и замки. Повидимому онъ былъ знатнымъ гражданиномъ; дорогой они замѣтили массу привѣтствовавшихъ его лицъ. Даже пожилые люди кланялись ему первые. Теперь онъ стоялъ на вершинѣ Кармель и лицо его свѣтилось глубокимъ счастьемъ. Взоръ его, какъ бы оторвавшись отъ суши и моря, устремился въ даль. Только теперь Фридрихъ узналъ въ этомъ свободномъ мужѣ замѣчательнаго мальчика изъ Бригитенауерскаго квартала, который нѣкогда утверждалъ, что возвратится въ страну Израиля.

Глава III-я.

Фридрихсгеймъ представлялъ собой свѣтлый, высокій замокъ въ мавританскомъ стилѣ, окруженный садами. Предъ бѣлымъ крыльцомъ стоялъ высѣченный изъ камня левъ. Снова Фридриху припомнились слова маленькаго сына разносчика о львѣ Іудеи: — «Іудея возвратитъ себѣ то, что потеряла!» «Нашъ Богъ еще живетъ!» воскликнулъ тогда мальчикъ. Мечты его осуществи-

лись.... Привратникъ далъ знать швейцару о приходѣ гостей и хозяина; у крыльца ихъ ожидали два лакея.

— Попросите мою жену и сестру пожаловать въ нижнюю залу!—сказалъ Давидъ Литвакъ одному изъ нихъ.

Лакей сейчасъ-же поспѣшилъ на второй этажъ по устланной коврами лѣстницѣ вестибюля. Другой слуга открылъ дверь салона. Они вступили въ высокую залу, украшенную великолѣпными произведеніями искусства. Стѣны были покрыты розовымъ шелкомъ, мебель была изящнаго англійскаго стиля. У потолка висѣла электрическая люстра, блистѣвшая золотомъ и хрусталемъ. Дверь и 4 окна пропускали въ изобиліи дневной свѣтъ черезъ зеркальныя стекла. Изъ оконъ открывался видъ на мягкій зеленый коверъ и клумбы вплоть до мраморной ограды за которой синѣло море. По обѣ стороны главнаго входа салона стояли высокіе серебряные канделябры, съ семью подсвѣчниками. Въ простѣнкѣ помѣщена была большая картина, изображавшая старика и старуху въ простыхъ темныхъ костюмахъ.

— Это мои родители,—сказалъ Давидъ, замѣтивъ взоръ Фридриха, обращенный на портреты.

— Я навѣрное не узналъ бы ихъ,—улыбнулся Фридрихъ.—А это кто?—Онъ указалъ на писанную масляными красками картину, висѣвшую надъ большимъ каминомъ. Это былъ портретъ очень красивой, стройной молодой особы, съ черными локонами.

— Это моя сестра Мирілм. Вы сейчасъ сами убѣдитесь есть-ли сходство.

Въ это время зашли дамы,—Миріамъ и цвѣтущая молодая женщина,—жена Давида.

— Сарра, Миріамъ!—воскликнулъ хозяинъ слегка дрожащимъ голосомъ.—Я привелъ сюда самаго дорогого и нежданнаго гостя. Этотъ день принесъ мнѣ величайшую радость въ моей жизни. Вы не можете отгадать, вы не можете себѣ представить, кого мы имѣемъ счастье принять въ нашемъ домѣ. Того,—кого мы считали мертвымъ, кто былъ нашимъ благодѣтелемъ, нашимъ спасителемъ.—

Дамы недоумѣвали.

— Неужели... Фридрихъ Левенбергъ? - спросила молодая дѣвушка.

— Онъ самый, онъ самый, Миріамъ, вотъ онъ стоитъ! Она подбѣжала къ гостю, протянула ему обѣ руки и сіяя радостью привѣтствовала его какъ стараго друга.

Какъ то странно и отрадно стало ему на душѣ, когда онъ услышалъ свое имя, произнесенное этимъ милымъ голосомъ. Онъ чувствовалъ себя очарованнымъ въ этомъ чудномъ городѣ, въ кругу этихъ чудныхъ людей.

— А это м-ръ Кингскуртъ, другъ доктора, слѣдовательно нашъ другъ и дорогой гость!—

Давидъ кратко разсказалъ о встрѣчѣ съ ними въ гавани. Фридриха онъ узналъ сейчасъ-же, черты его лица глубоко запечатлѣлись въ памяти ребенка. Съ тѣхъ поръ Фридрихъ почти не измѣнился. Конечно, гости не должны были и думать о гостиницѣ; они должны были остановиться здѣсь. Сарра хотѣла было распорядиться, чтобы гостей сейчасъ же проводили въ

ихъ комнаты, но Давидъ взялъ это на себя. Онъ пригласилъ ихъ слѣдовать за собой.

— Пойдемте наверхъ, я хотѣлъ-бы представить вамъ одного молодого человѣка, который носитъ популярное здѣсь имя—«Фридрихъ».

Всѣ они направились по лѣстницѣ на 1-й этажъ. Давидъ шелъ впереди и остановился передъ послѣдней дверью корридора; открывъ ее съ счастливой улыбкой онъ сказалъ:

Вотъ гдѣ живетъ эта личность!—Это была комната, окрашенная въ бѣлый цвѣтъ. На высокомъ дѣтскомъ стулѣ сидѣлъ какъ на тронѣ толстощекій мальчуганъ. Онъ стянулъ съ своихъ ногъ ботинки и, настойчиво упираясь большимъ пальцемъ въ упругія икры, старался сбросить чулочки. Предъ нимъ стояла старая няня и держала въ рукахъ тарелку молочной каши. Дитя весело било ложкой по кашѣ и, казалось, считало это занятіе болѣе важнымъ, чѣмъ ѣду.

— Этотъ дурачекъ и есть мой сынъ.—

— Фридрихъ! —сказалъ Давидъ, и впервые въ словахъ его прозвучало чтото въ родѣ гордости.

Маленькій Фридрихъ выпустилъ изъ рукъ ложку. Его занимала сѣдая борода Кингскурта. Ребенокъ громко засмѣялся и простеръ обѣ руки къ старику. Кингскуртъ протянулъ ему большой палецъ и мальчишка уцѣпился за него. Всѣ собирались уйти, только одинъ Кингскуртъ не двигался съ мѣста.

— Развѣ вы не пойдете съ нами?—обратился къ нему Фридрихъ, стоя у двери.

— Этотъ хлопецъ не отпускаетъ меня! отвѣтилъ польщенный Кингскуртъ.

И дѣйствительно онъ оставался послѣ этого еще цѣлый часъ у маленькаго Фридриха. Съ этого момента между старымъ мизантропомъ и младшимъ Литвакомъ завязалась дружба. Никто не могъ узнать содержанія ихъ разговоровъ, т. к. маленькій Фрицъ еще не умѣлъ говорить, а Кингскуртъ при страшныхъ клятвахъ отрицалъ свою любовь къ ребенку. Между тѣмъ впослѣдствіи изъ разсказовъ прислуги выяснилось, что Кингскуртъ часто заходилъ въ дѣтскую, когда тамъ никого не было, и тогда отдавался самымъ уморительнымъ шалостямъ. Онъ сажалъ ребенка на свои плечи или ложился плашмя на землю, чтобы мальчикъ могъ ползать по немъ. Когда же Фрицхенъ начиналъ плакать,—Кингскуртъ, пускался въ плясъ и пѣлъ ребенку нѣмецкія пѣсни, пытаясь при этомъ придать мягкость своему суровому голосу. Въ первый день своего знакомства съ мальчикомъ Кингскуртъ явился къ обѣду нѣсколько сконфуженнымъ. Но среди массы разспросовъ и разсказовъ внезапная слабость его къ мальчику осталась незамѣченной. Они сидѣли за изысканнымъ обѣдомъ въ салонѣ съ паркетомъ. Вина вызвали особое одобреніе Кингскурта. Онъ узналъ что все это были Палестинскія вина, частью даже собственнаго производства Давида. Съ виноградной культуры и началась колонизація этой страны еще въ 80 годахъ прошлаго столѣтія. Лучшіе сорта винограда были посажены здѣсь и дали большой урожай. Миріамъ встала изъ-за стола предъ концомъ обѣда. Она должна была итти въ школу. Когда она вышла, Давидъ отвѣтилъ Левенбергу на его вопросъ:

— Да, Миріамъ учительница, она преподаетъ въ женской гимназіи, ея предметы—французскій и англій-

скій языкъ Кингскуртъ ворчалъ: -несчастная дѣвушка, должна мучиться на урокахъ!—

Въ словахъ этихъ слышался тайный упрекъ на который Давидъ смѣясь отвѣтилъ:

— Она дѣлаетъ это не для того, чтобы добывать себѣ средства пропитанія. Слава Богу я въ состояніи оградить свою сестру отъ необходимости биться изъ-за куска хлѣба. Но у нея есть обязанности и она исполняетъ ихъ, такъ какъ обладаетъ и правами. Въ нашемъ обществѣ женщины пользуются равноправіемъ.

— Вотъ штука, чертъ возьми!—

— Разумѣется, онѣ обладаютъ активнымъ и пассивнымъ выборнымъ правомъ. Онѣ вѣдь вмѣстѣ съ нами дружно работали надъ созданіемъ нашихъ учрежденій. Ихъ воодушевленіе окрыляло энергію мужчинъ. Было-бы величайшей неблагодарностью, еслибы мы предоставили имъ только домашній очагъ, или же стыдливый сераль.

— По дорогѣ вы сказали намъ,—вставилъ Левенбергъ,—что Решидъ-Бей тоже членъ вашего общества. Упоминаніе ваше о сералѣ побуждаетъ меня спросить васъ...

— Догадываюсь о чемъ, г-нъ д-ръ. Никто не принужденъ вступать въ наше новое общество. Членамъ его въ свою очередь предоставляется возможность не пользоваться своими правами. Это зависитъ отъ личнаго усмотрѣнія. Развѣ вы не знали въ старой Европѣ людей, которые не интересовались выборами, никогда не подходили къ урнѣ, и ни за что не приняли бы мандатъ. Точно также обстоитъ и въ нашемъ обще-

ствѣ съ активнымъ и пассивнымъ избирательнымъ правомъ женщинъ. Не думайте, что изъ-за этого страдаетъ семья. Моя жена, напримѣръ, никогда не ходитъ на собранія.

– Въ этомъ виноватъ только Фрицхенъ!—улыбнулась Сарра.

Кингскуртъ перенесся мысленно въ дѣтскую и растерянно пробормоталъ:

— Это мнѣ понятно.—

— Да,--продолжалъ Давидъ,—она выкормила нашего мальчика и при этомъ немного забыла свои неотъемлемыя права. Прежде она принадлежала къ радикальной опозиціи; я познакомился съ ней какъ съ противницей. Теперь она устраиваетъ мнѣ опозицію только дома. Разумѣется это опозиція самой преданной жены.—

Кингскуртъ громко смѣялся.

— Это чертовски разумный способъ устранять опозицію, онъ очень упрощаетъ политическую борьбу.—

Давидъ продолжалъ:

— Я долженъ сказать вамъ, что наши женщины достаточно разумны для того, чтобы не отдаваться общественнымъ дѣламъ въ ущербъ своему личному благу. Къ достигнутой цѣли относишься равнодушно: это общая черта не однѣхъ женщинъ, а людей вообще. Настоящій общественный строй былъ уже подготовленъ въ прошломъ столѣтіи. Въ отдѣльныхъ странахъ существовали представительныя учрежденія мѣстнаго и профессіональнаго характера: женщины допускались въ нихъ какъ избиратели и кандидаты на избраніе. Онѣ заявили себя умными и дѣльными работниками. Онѣ

убивали на болтовню не болѣе времени, несли не больше ерунды, чѣмъ мужчины. Не было основанія не использовать этого благопріятнаго опыта. Впрочемъ политика не является у насъ спеціальнымъ дѣломъ или занятіемъ ни для мужчинъ, ни для женщинъ. Отъ этой язвы мы сумѣли оградить себя. Лицъ, пытающихся жить не трудомъ, а декламаціей своихъ убѣжденій, у насъ скоро узнаютъ и начинаютъ презирать. Суды въ случаяхъ оскорбленія чести не разъ опредѣляли, что «Политикъ по профессіи» есть бранное слово. Этотъ фактъ уясняетъ вамъ многое.

— Какъ же вы распредѣляете общественныя должности?— спросилъ Фридрихъ Левенбергъ.—Строенія, которыя вы намъ проѣздомъ показывали, даютъ основаніе предполагать, что и у васъ имѣются общественныя должности.—

— Разумѣется, у насъ должности платныя и почетныя... Платныя однако поручаются только соискателямъ съ спеціальными знаніями. Ставленники партій, какого-бы направленія они ни были, заранѣе встрѣчаютъ предубѣжденіе. Активные чиновники вообще не имѣютъ права принимать участіе въ какихъ-бы то ни было публичныхъ преніяхъ. Другое-дѣло съ почетными должностями. При замѣщеніи ихъ мы возстановили простой принципъ нашихъ старыхъ мудрецовъ, и осуществляемъ его во всѣхъ случаяхъ. Кто домогается почестей, тому не слѣдуетъ ихъ доставлять. Выскочекъ мы просто отстранили. Мы стремимся найти истинную нравственность, хотя бы въ лачугѣ. Мы видимъ въ этомъ залогъ того, что наше дорогое общественное устройство не сдѣлается добычею

честолюбцевъ. Вотъ нашъ теперешній президентъ,— старый русскій окулистъ Эйхенштаммъ... Онъ неохотно подчинился выборамъ, т. к. ему жалко было бросить свою практику.—

— Она приноситъ ему большой доходъ?—спросилъ Кингскуртъ.

— О нѣтъ, онъ большею частью имѣлъ дѣло съ бѣдняками.—

— Теперь онъ передалъ практику своей дочери. Она тоже прекрасный врачъ!—

— Теперь она завѣдуетъ обширной глазной клиникой. Энергичная женщина! Она не вышла замужъ, и посвящаетъ свою жизнь и знанія страждущему человѣчеству. Это поучительный примѣръ того, насколько можетъ быть полезна дѣятельность старыхъ дѣвицъ и одинокихъ женщинъ въ разумно организованномъ обществѣ. Когда то ихъ высмѣивали или считали бременемъ. У насъ онѣ приносятъ пользу и себѣ и обществу. Департаментъ общественной благотворительности находится цѣликомъ въ рукахъ подобныхъ дамъ. Но и въ этомъ отношеніи мы не изобрѣли ничего новаго, мы только осуществили старые планы, привели въ систему, централизировали прежнія учрежденія. Госпитали, больницы, дѣтскіе слады, дѣтскія колоніи въ каникулярное время, народныя кухни, короче, всѣ гуманныя учрежденія, которыя вамъ уже были знакомы въ Европѣ, соединены у насъ въ одно цѣлое и подлежатъ одному общему управленію. При помощи этой организаціи явилась возможность оказывать помощь всѣмъ нуждающимся и больнымъ. Правда, теперь къ общественной благотворительности обращаются мень-

ше чѣмъ при прежнихъ порядкахъ потому, что наши условія, я осмѣливаюсь утверждать это, болѣе здоровы; нуждающіеся однако имѣются и у насъ, мы не могли измѣнить природы людей. Слабость, беззаботность, несчастье по своей винѣ или помимо нея привели къ гибели многихъ и у насъ. Больнымъ мы помогаемъ хорошимъ уходомъ, здоровымъ—работой. Мы не изобрѣли все это, а только усвоили себѣ и усовершенствовали давно извѣстное. Вы навѣрно и въ прежнее время слыхали о биржѣ и о бюро труда. У насъ всякій имѣетъ право на работу, а отсюда и на хлѣбъ. Зато, на каждомъ лежитъ обязанность работать. Нищенства мы не терпимъ: здоровый человѣкъ, принимающій подаяніе, приговаривается у насъ къ самымъ тяжкимъ работамъ. Больной, лишенный средствъ долженъ только заявить о себѣ въ вѣдомствѣ благотворительности: никому не отказываютъ. Отдѣльные госпитали соединены разумѣется съ центральнымъ, и при помощи своевременныхъ мѣръ избѣгаютъ возможнаго недостатка въ мѣстахъ. Намъ пришлось бы стыдиться, если бы страждущему приходилось и у насъ бродить изъ одной больницы къ другой, какъ это было нѣкогда. Если случается, что въ какой либо больницѣ всѣ мѣста заняты, то во дворѣ ея стоятъ кареты, и немедленно доставляютъ вновь прибывшихъ пацієнтовъ въ ближайшую готовую къ пріему лечебницу.—

— Но это должно быть связано съ страшными расходами?—сказалъ Фридрихъ.

— Нѣтъ, пріймите во вниманіе, что при планомѣрной организаціи расходы уменьшаются. Старое общество уже на исходѣ XIX столѣтія было достаточно богато,

оно страдало только поразительнымъ неблагоустройствомъ. Это была переполненная драгоцѣнностями сокровищница, въ которой нельзя было найти супной ложки, когда въ ней нуждались. Люди ни въ какомъ случаѣ не были глупѣе и хуже насъ, или, если хотите, мы не умнѣе и не лучше ихъ. Причина удачи нашихъ соціальныхъ начинаній иная. Мы устроили свое общество, освободивъ его въ самомъ началѣ отъ наслѣдственныхъ пороковъ. Правда, и мы опирались на прошлое; — старая почва, старый народъ, — мы только обновили учрежденія. Народы съ непрерывающейся исторіей должны были нести бремя, которое еще отцы ихъ взяли на себя; мы — нѣтъ! Яснѣе всего вы можете увидѣть это на примѣрѣ любого извѣстнаго вамъ раньше государственнаго хозяйства. Тогда гигантскую сумму составляли проценты и амортизаціи долговъ далекаго прошлаго; было только два пути: постыдное банкротство, или долголѣтняя тягостная обуза обременительныхъ старыхъ долговъ. Новое общество съ самаго начала находилось въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Я поясню это на частныхъ примѣрахъ. Теперь отвѣчу вамъ только на вопросъ объ издержкахъ благотворительныхъ учрежденій. Хотя таковыхъ у насъ совершенно достаточно для того, чтобы во всѣхъ необходимыхъ случаяхъ оказывать слабымъ и больнымъ цѣлесообразную помощь, тѣмъ не менѣе они обходятся намъ значительно дешевле. Зданія и сооруженія, какъ это и прежде наблюдалось во всякомъ цивилизованномъ обществѣ, устраиваются на общественный счетъ, но сколько обычныя уже съ давнихъ поръ у насъ, евреевъ, храмовые взносы и суммы

по завѣщанію оказываются недостаточными. О служебномъ персоналѣ мы позаботились, установивъ опредѣленную систему членскихъ повинностей: всѣ члены новаго общества, какъ мужчины такъ и женщины, обязаны посвящать два года своей жизни общественной службѣ. Обыкновенно время это приходится на возрастъ отъ 18—20 лѣтъ, совпадая съ окончаніемъ образованія. При случаѣ не могу не обратить вашего вниманія на то обстоятельство, что преподаваніе на всѣхъ ступеняхъ, включая и университетское, производится для дѣтей нашихъ членовъ безвозмездно. Въ двухлѣтней обязательной службѣ мы имѣемъ такимъ образомъ неисчерпаемый источникъ вспомогательныхъ силъ для всѣхъ тѣхъ учрежденій и работъ, общая польза коихъ признана обществомъ. Руководятъ этими учрежденіями платные чиновники,—

— Понимаю, сказалъ Фридрихъ,—армія ваша состоитъ изъ профессіональныхъ оффицеровъ и добровольцевъ.—

— Принимаю это сравненіе,—замѣтилъ Давидъ,—это не болѣе какъ сравненіе. Арміи въ настоящемъ смыслѣ слова нѣтъ въ нашемъ новомъ обществѣ.—

— Ой-ой-ой! —подтруниваль Кингскуртъ.

— Что вы хотите, м-рь Кингскуртъ?—смѣялся Давидъ.—Ничего нѣтъ совершеннаго на землѣ, не совершенно и наше общество. У насъ вѣдь нѣтъ государства, подобно европейскимъ государствамъ. Мы образуемъ союзъ гражданъ, стремящихся въ трудѣ и образованіи обрѣсти счастье и довольство. Мы стараемся сдѣлать нашу молодежь физически сильной. На ряду съ разумомъ мы развиваемъ и тѣло. Гимнастическія

общества и общества стрѣлковъ оказываются у насъ для этого достаточными, какъ нѣкогда въ Швейцаріи. Игры англійскаго образца, какъ крокетъ, мячъ, рѣчной спортъ имѣются у насъ тоже. Эти испытанныя вещи мы позаимствовали, теперь онѣ служатъ намъ. Нѣкогда еврейскія дѣти были блѣдны, тщедушны, хилы, запуганы. Взгляните теперь на нихъ! Ключъ къ этому чудесному превращенію самый простой въ мірѣ. Изъ удушливыхъ погребовъ, ямъ, изъ жалкихъ лачугъ, изъ пролетарскихъ жилищъ мы вывели ихъ на свѣтъ Божій. Безъ солнца гибнутъ растенія, и съ людьми бываетъ тоже самое. Растенія можно спасти, пересадивъ ихъ на другую почву, и людей также. И это случилось!—

— Когда слушаешь васъ (да и все то, что вы уже намъ показали и обѣщаете еще показать, подтверждаетъ ваши слова), когда слушаешь Васъ, то вѣришь, что все это фактъ, а не утопія!—размышлялъ Фридрихъ Левенбергъ. И все же мнѣ что-то непонятно. Я начинаю представлять себѣ новое общество во всемъ его объемѣ и значеніи.

Вы несомнѣнно познакомите насъ съ нимъ еще ближе... Оно не пугаетъ меня.

Меня смущаетъ иное... я признаюсь, что вы намъ разсказали о давно минувшихъ уже дѣлахъ. Знали ихъ въ Европѣ, правда внѣ общаго порядка и общей гармоніи. Но хотя я все вижу, слышу и ощущаю, я рѣшительно не могу понять, одного: какъ образовалось это общество? Новые порядки, поскольку я ихъ до сихъ поръ знаю, мнѣ понятны, только я не уясняю себѣ ихъ возникновенія, переходъ отъ знакомыхъ мнѣ старыхъ условій къ новымъ. Появись я теперь на свѣтъ,

все это мнѣ казалось-бы естественнымъ, своевременнымъ. Несомнѣнно, что и тогда многое показалось-бы мнѣ удивительнымъ и невѣроятнымъ, если-бы я посмотрѣлъ на это непривычнымъ взоромъ человѣка, отсутствовавшаго двадцать лѣтъ. Если бы мы сокрылись отъ міра отъ 1880 до 1900 года, то электрическій свѣтъ, телефонъ и передача силы по проволокѣ представляли бы для насъ еще большую неожиданность. Вы, напротивъ, съ технической стороны намъ не указываете ничего новаго, а все же мнѣ кажется, что я вижу все это во снѣ. Перехода я себѣ не представляю.—

— Я объясню вамъ и это!—сказалъ Давилъ.—Я разскажу вамъ свою собственную исторію, въ которой вы сами сыграли столь видную роль, но не здѣсь и не теперь. Вы несомнѣнно устали съ дороги, —прежде всего отдохните! Вечеромъ, если у васъ есть желаніе, пойдемъ въ оперу, или въ какой нибудь театръ: нѣмецкій, англійскій, французскій, итальянскій, испанскій.—

— Батюшки мои!—воскликнулъ Кингскуртъ. Все это вы здѣсь имѣете? слѣдовательно также, какъ въ мое время въ Америкѣ? Тамъ тоже были артисты изъ всѣхъ странъ міра... Но то, что вы здѣсь все это имѣете...

— Въ этомъ ужъ, разумѣется, ничего удивительнаго нѣтъ. Изъ Европы сюда значительно ближе, чѣмъ въ Америку, да и для лицъ, подверженныхъ морской болѣзни, удобнѣе направиться въ Палестину. Начатая еще въ прошломъ столѣтіи сѣть малоазіатскихъ дорогъ уже закончена. Теперь изъ Константинополя ѣдутъ по желѣзной дорогѣ прямымъ сообщеніемъ въ Дамаскъ,

Багдадъ, Іерусалимъ. Если-бы только не переѣздъ черезъ Босфоръ, можно было бы безъ пересадки ѣхать въ Іерусалимъ изъ Петербурга или Одессы, Берлина или Вѣны, Амстердама, Кале, Парижа, Мадрида и Лиссабона. Большіе европейскіе курьерскіе поѣзда согласованы всѣ съ движеніемъ поѣздовъ на Іерусалимъ, и Палестинскія желѣзныя дороги согласуются съ поѣздами на Египетъ и въ сѣверную Африку. Сѣверно-южная африканская линія, которой еще въ 90-хъ годахъ интересовался германскій императоръ, и сибирскій путь къ границамъ Китая дополняютъ сѣть желѣзныхъ дорогъ стараго свѣта. Мы находимся на перекрестномъ пунктѣ этой сѣти.—

— Чертъ побери! Вотъ это такъ такъ!—

— Станете-ли вы удивляться желѣзнымъ дорогамъ, которыя вы сами видѣли, м-ръ Кингскуртъ? Въ этомъ нѣтъ ничего сверхъестественнаго. Русско-китайская желѣзная дорога была уже закончена 20 лѣтъ тому назадъ, линія Багдадская строилась тогда, Нилъ-Капская проектировалась. Пришлось бы просто недоумѣвать, если-бы Палестина, находясь какъ разъ въ географическомъ центрѣ между Европой, Азіей и Африкой, оставалась бы внѣ этой связи.—

— Нѣтъ, дорогой хозяинъ, не это меня удивляетъ, а... если позволите сказать?—то, что вы, евреи, все это сдѣлали. Вы вѣдь не поставите мнѣ этого въ укоръ?—

Фридрихъ замѣтилъ:

— Откровенно говоря, это удивляетъ и меня. Я не ожидалъ этого отъ евреевъ.—

Давидъ спокойно возразилъ: —одни евреи могли это сдѣлать. Только мы одни. Только мы были въ состояніи создать это новое общество, этотъ центральный пунктъ мірового сообщенія. Все благопріятствовало этому. Лишь при посредствѣ насъ, только благодаря нашимъ судьбамъ могло все это свершиться. Нужны были для этого наши страданія, наши экономическія бѣдствія и нашъ космополитизмъ.

Но на сегодня довольно объ этомъ. Теперь вы отдохните, потомъ развлечетесь. Завтра въ Тиверіи я продолжу свой разсказъ.

Глава IV.

О путешествіи въ Европу нечего было и думать. Фридрихъ Левенбергъ полагалъ, что ему слѣдуетъ предложить это своему другу, такъ какъ Кингскуртъ врядъ ли могъ интересоваться судьбами еврейскаго народа. Но старикъ рѣшительно объявилъ, что намѣренъ остаться здѣсь, пока ихъ не прогонятъ. Очень ужъ курьезна исторія, происшедшая съ евреями. И, если онъ, докторъ Фридрихъ Левенбергъ, не обнаруживалъ ни малѣйшаго участія къ своей же націи, то онъ, Кингскуртъ, наоборотъ.

Словомъ, когда штурманъ яхты явился къ нимъ, ему было объявлено, что они остаются въ Хаифѣ. Въ Фридрихсгеймъ было имъ прислано платье и бѣлье, а экипажъ могъ отдохнуть и погулять нѣсколько дней. Комнаты, отведенныя для гостей, соприкасались. Кингскуртъ стоялъ безъ сюртука на порогѣ двери, веду-

щей въ комнату Фридриха, и, оживленно жестикулируя, комментировалъ все видѣнное ими до сихъ поръ. Фридрихъ отдыхалъ въ креслѣ и мечтательно смотрѣлъ чрезъ открытую дверь террасы на море. Нельзя было себѣ представить болѣе прекрасной мѣстности... И что за чудные люди! При высокомъ положеніи и благосостояніи они жили такъ свободно. Давидъ—жизнерадостный, энергичный, увѣренный въ себѣ и все-же скромный!.. Подлѣ него супруга его—умилительный образъ молодой, дышащей жизнью матери!..

А эта миловидная, благородная дѣвушка Миріамъ, преданная серьезнымъ обязанностямъ, чего небыло прежде въ богатыхъ еврейскихъ семьяхъ... Послѣ долгихъ лѣтъ онъ снова вспомнилъ объ Эрнестинѣ. Леффлеръ, которую такъ безумно любилъ, и которая облегчила ему разлуку съ жизнью.

Могла бы Миріамъ вступить въ такой бракъ, какъ нѣкогда Эрнестина?

Онъ самъ не зналъ, отчего этотъ странный вопросъ пришелъ ему въ голову. Нѣтъ! Предъ нимъ была иная дѣвушка, иные люди, не той затхлой Леффлерской среды. Быть можетъ, тогда не слѣдовало бѣжать отъ жизни! Нужно было мужественно бороться, стремиться не падать духомъ!

— Кингскуртъ, — вздохнулъ онъ подъ тяжестью этихъ мыслей, — я вотъ спрашиваю себя, не былъ-ли нашъ корабль на ложномъ пути, когда мы тогда плыли къ блаженному острову. На что потратилъ я двадцать лѣтъ своей жизни? На охоту, рыбную ловлю, на ѣду и сонъ, на игру въ шахматы!—

— Къ тому еще со старымъ осломъ, а? обиженно ворчалъ Кингскуртъ.

— Ну, стараго осла вы ужъ сами вкладываете мнѣ въ уста, — смѣялся Фридрихъ. — Безъ васъ я не могъ-бы больше жить! — Жалко, что не удалось принести больше пользы. Вотъ теперь культура пошла впередъ безъ нашего участія, безъ малѣйшей заслуги съ нашей стороны. —

— Вотъ-тебѣ разъ... Этотъ человѣкъ, пробывъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ въ моей школѣ, все еще отдается подобнымъ мыслямъ! Скажите прямо, что вамъ хочется сдѣлаться членомъ новаго общества! —

— Я этого не говорю, такъ какъ еще не знаю его; правда, оно мнѣ представляется менѣе отталкивающимъ, чѣмъ прежнія...

— Менѣе отталкивающимъ, менѣе отталкивающимъ?! кипятился старикъ. Прошу васъ, вступите въ это прекрасное общество, я вѣдь самъ могу отправиться дальше и позаботиться о томъ, какъ покончить съ собой...

— Не волнуйтесь, Кингскуртъ, я не останусь здѣсь дольше, чѣмъ вы сами. —

— Это ваше слово? —

— Мое честное слово... Я не вступлю въ новое общество Давида, развѣ только...

— Что? —

Фридрихъ улыбнулся при этой мысли.

— Развѣ только въ томъ случаѣ, если и вы вступите. —

Кингскуртъ давно уже такъ не хохоталъ.

— Фридрихъ! Ха-ха-ха... Что у васъ за наивныя идеи... Ха-ха-ха! Во мнѣ вы видите члена еврейскаго

общества... во мнѣ, Адальбертѣ фонъ Кенигсгорфѣ, прусскомъ дворянинѣ-христіанинѣ? Нѣтъ Фрицъ, это право слишкомъ забавно!...

— Юнкеръ говоритъ въ васъ.—

— Вотъ вы и пускаете шпильки! Въ моихъ глазахъ вы исключеніе... Одинъ человѣкъ не имѣетъ значенья! —

— Ну, а что вы имѣете противъ Литвака?—

— Пока ничего. Должно быть *славный парень!*...

Ихъ бесѣда была прервана хозяиномъ, который пришелъ ихъ провѣдать.

Онъ освѣдомился, не желаютъ ли они пойти въ концертъ или въ театръ, и положилъ предъ ними объявленія одной газеты. Кингскуртъ, не читая, указалъ на газетный листъ:

— Все еще такъ много лжи на свѣтѣ! —

— Какъ разъ столько, сколько, желаетъ читатель! — возразилъ Давидъ.

— Слѣдовательно безконечно много,! ухмылялся Кингскуртъ.

— Разно бываетъ. Въ общемъ товарищескія газеты правдивы и порядочны.

— Какія газеты?—

— Товарищескія. При нашемъ кооперативномъ хозяйственномъ строѣ (Mutualistische Wirtschaftsordnung) и газеты носятъ соотвѣтствующій характеръ.

— Стойте, стойте,—не такъ скоро, въ какомъ хозяйственномъ строѣ вы живете?—

— Въ товарищескомъ. Не представляйте себѣ однако подъ этимъ непреложныхъ основныхъ законовъ, чего-либо твердаго, неподвижнаго, доктринерскаго,—а мирный и безвредный порядокъ. И это существовало уже

въ ваше время, какъ и все остальное. Существовали промышленныя и хозяйственныя товарищества различныхъ типовъ. Все это вы найдете и у насъ. Заслуга новаго общества сводится лишь къ тому, что оно ускорило развитіе, расцвѣтъ товариществъ при посредствѣ кредита и, что еще важнѣе, привлеченіемъ сочувствія массъ. Наукой прошлаго столѣтія было выяснено значеніе товариществъ. На практикѣ они проводились въ жизнь съ большимъ трудомъ. Члены товариществъ оказывались во многихъ случаяхъ слишкомъ слабыми, чтобы продержаться до успѣшныхъ результатовъ.

Имъ приходилось бороться съ тайнымъ и съ явнымъ противодѣйствіемъ соперниковъ. Купцы не были довольны потребительными союзами, фабриканты мебели не были тронуты производительнымъ союзомъ столяровъ. Все инертное, устарѣлое шло противъ товариществъ, и все-же они представляютъ нѣчто среднее между индувидуализмомъ и коллективизмомъ. Каждый отдѣльный членъ не лишенъ тутъ поощряющаго вліянія и радостей частной собственности, и въ тоже время въ союзѣ съ членами товарищества онъ въ состояніи противостоять силѣ капитализма. Наши бѣдняки не знаютъ ужаса и бѣдствій голода. При производствѣ они зарабатываютъ не меньше чѣмъ богачи, а при потребленіи они платятъ за продукты не больше ихъ. У насъ хлѣбъ бѣдняка такъ-же дешевъ какъ хлѣбъ богача. У насъ нѣтъ ростовщичества съѣстными продуктами. Въ старомъ обществѣ при этомъ погибли бы сотни тысячъ торговцевъ. Мы-же не допустили самаго возникновенія купцовъ стараго образца, а съ самаго

начала завели потребительные союзы. Вотъ вамъ снова преимущества освобожденія отъ прежняго гнета. Мы никого не разорили чтобы помочь бѣднякамъ —

— Ну, а газеты? —спросилъ Фридрихъ--Мы говорили о газетахъ. Какимъ образомъ онѣ могутъ быть учреждены на товарищескихъ началахъ? Всякій принимаетъ участіе въ ихъ редакціи, или какъ это? -

-— Очень просто. Товарищеская газета принадлежитъ подписчикамъ. Взносъ подписчиковъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и вкладъ членовъ, которые имъ и отвѣчаютъ. Чѣмъ больше кругъ читателей, тѣмъ значительнѣе доходы по отдѣлу объявленій и публикацій разнаго рода. Доходъ этотъ принадлежитъ читателямъ, или по меньшей мѣрѣ подписчикамъ, которымъ онъ и возвращается къ концу года. При благопріятныхъ условіяхъ подписчики получаютъ весь взносъ, иногда и больше взноса.

— Баснословно! баснословно!—воскликнулъ Кинскуртъ. -Тутъ просто получаютъ преміи за прилежное чтеніе.—

-- Да развѣ вы въ Европѣ и въ Америкѣ ничего не слыхали о томъ, какіе доходы получали тамъ большія газеты? При этомъ онѣ становились все дешевле, хотя издержки на телеграммы и авторскій гонораръ повышались. Самыя большія газеты предлагались по цѣнамъ, равнымъ расходамъ печати, а доходы предпринимателей росли. И здѣсь осуществлялся уже принципъ раздѣла прибыли между абонентами; его вы найдете и у насъ, львиная доля дохода предпринимателя уже раздѣляется между членами газетнаго товарищества. Редакція выборная, и, смѣю васъ увѣрить, что ея почтенные работники, которые руководятъ напра-

вленіемъ газеты, находятся въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ прежде. Они-то и зарабатываютъ деньги для подписчиковъ, а подобную услугу въ состояніи оцѣнить и самый обыденный человѣкъ; сюда присоединяется еще благодарность за хорошія, изящныя и правдивыя статьи, съ помощью которыхъ поддерживается и расширяется общее образованіе. Наши газеты безустанно пополняютъ народное образованіе; онѣ поучаютъ и развлекаютъ насъ; онѣ служатъ практическимъ потребностямъ общежитія, торговли и промышленности не менѣе усердно, чѣмъ искусству и наукѣ. А съ какимъ чувствомъ удовлетворенія отдаются работѣ журналисты въ сознаніи общественной важности труда своего и ожидающей ихъ общественной благодарности; на сколько серьезнѣе они понимаютъ свои задачи, связанныя съ опредѣленной отвѣтственностью...—

— Это звучитъ заманчиво,!—замѣтилъ «Фридрихъ» но такая товарищеская газета должна, мнѣ кажется, рабски подчиняться настроенію массы; редакція, всецѣло зависящая отъ читателя, будетъ льстить и угождать публикѣ, потворствовать страстямъ подписчиковъ.—

— Если-бы это и было такъ, то что здѣсь новаго? Развѣ и прежде не наблюдались такія же явленія? Существовали редакторы, которые, со страхомъ слѣдили за настроеніемъ публики, умалчивали объ одномъ и раздували иное. При этомъ они не знали никогда, взяли-ли они вѣрный тонъ. Теперь не такъ. Въ годичныхъ собраніяхъ отдается отчетъ, и членами газеты устанавливаются общіе принципы, которыхъ газета впредь должна придерживаться.—

— Ужасно!—воскликнулъ Кингскуртъ, собранія сотенъ тысячъ подписчиковъ!—

— Что вы! подписчики избираютъ сто или двѣсти довѣренныхъ, которые и исполняютъ ихъ порученія. Процессъ самъ по себѣ очень простъ. Въ самой газетѣ намѣчены кандидаты на эту кратковременную обязанность. Абонементная квитанція снабжена купономъ, который служитъ избирательнымъ листкомъ. Пятьсотъ или тысяча человѣкъ передаютъ свои избирательныя записки довѣренному лицу для генеральнаго собранія; довѣренный этотъ обыкновенно объявляетъ въ самой газетѣ: я намѣренъ въ генеральномъ собраніи защищать такую-то точку зрѣнія; кто со мной солидаренъ, пусть пришлетъ мнѣ свой избирательный листокъ!—

— Прекрасно—сказалъ Фридрихъ, съ публикой у насъ считаются достаточно; но въ этомъ я не вижу еще никакого преимущества для народа. Новыя мысли и направленія рѣдко оцѣниваются сейчасъ-же. Съ одинаковымъ успѣхомъ вы могли-бы предоставить усмотрѣнію дѣтей, учиться-ли имъ, или нѣтъ: публика не можетъ сама улучшить, обновить и расширить свои взгляды. Вашъ коллективный способъ мышленія долженъ неизбѣжно привести къ народному отупѣнію въ самыхъ крайнихъ его формахъ, къ реакціи или революціи. Люди станутъ глухи къ достоинству новаго, или-же слѣпы къ заслугамъ стараго. Преимущество духовнаго воздѣйствія, которое можетъ исходить отъ одареннаго индивидуума, у васъ теряется.—

— Вы не дали мнѣ договорить, докторъ, я не утверждалъ, что товарищеская газета—есть единственная существующая у насъ форма публицистики. Эта форма

заняла мѣсто тѣхъ публицистическихъ предпріятій, которыя по объему своихъ изданій, по излержкамъ на техническую сторону дѣла, и по дорого стоющему отдѣлу извѣстій носили характеръ большихъ промышленыхъ предпріятій; но у насъ имѣются также газеты, созданныя и руководимыя отдѣльными лицами. Мнѣ вотъ самому принадлежитъ такая газета; она необходима мнѣ въ борьбѣ, которую я въ настоящее время долженъ довести до успѣшнаго исхода въ нашемъ новомъ обществѣ. Мой главный противникъ, раввинъ докторъ Гейеръ, издаетъ также собственную газету. Я по окончаніи спора перестану выпускать въ свѣтъ свой органъ. Гейеръ вѣроятно поступитъ иначе: онъ живетъ на счетъ своего бумажнаго тряпья. Такъ существуетъ у насъ еще много разныхъ газетъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ лицамъ и извѣстныхъ читателямъ по ихъ различнымъ направленіямъ. Когда появляется новое направленіе и выступаетъ новый творческій умъ, вы имѣете полную возможность работать въ сферѣ общественной мысли. Какъ и въ прежнія времена, несомнѣнно и теперь вамъ прійдется вылержать упорную борьбу. Вы должны будете глубоко усвоить себѣ серьезность вашихъ положеній. укрѣпить вашъ духъ, вашу настойчивость.—и это не дурно. При нашемъ коллективизмѣ мы, повѣрьте мнѣ, не потеряли сильныхъ личностей. Напротивъ, мы стали богаче въ этомъ отношеніи. Отдѣльная личность у насъ не затирается жерновами капитализма, и не уравнивается съ другими согласно идеаламъ соціализма. Мы высоко ставимъ развитіе индивидуальности и мы цѣнимъ его экономическую основу,—частную собственность.

— Слава Богу! - воскликнулъ Кингскуртъ.—Я думалъ, что у васъ уже не признаютъ частной собственности!—

— Тогда не возникло бы все то, что вы видѣли, и что вамъ еще предстоитъ увидѣть,—объяснилъ Давидъ.—Нѣтъ, мы не безумцы! Мы не уничтожили стимула труда, открытій, изобрѣтеній. Денежное вознагражденіе находится въ прямомъ отношеніи къ степени таланта и прилежанія. Богатство намъ необходимо какъ приманка для дѣятельныхъ и предпріимчивыхъ натуръ и какъ извѣстнаго рода пища для высшаго искусства. Я самъ принадлежу къ состоятельнымъ лицамъ. Я управляю пароходною пристанью. Мое дѣло принадлежитъ къ тѣмъ предпріятіямъ, которыя могутъ вестись успѣшно только единичнымъ лицомъ или акціонернымъ обществомъ. Главное преимущество нашего коллективизма заключается въ томъ, что онъ не исключаетъ возможности существованія и дальнѣйшаго развитія другихъ хозяйственныхъ формъ. Напр. у меня вы найдете интересное смѣшеніе различныхъ хозяйственныхъ формъ. Я—собственникъ фирмы, между тѣмъ мои рабочіе образуютъ между собою товарищество, которое по отношенію ко мнѣ становится все самостоятельнѣе; и это—не противъ моей воли, а съ моего согласія, и при моемъ содѣйствіи. Въ первые годы существованія моего предпріятія и ихъ товарищества, - рабочіе имѣли лишь потребительныя лавки и кассу взаимопомощи. Не забывайте, что помимо этой кассы рабочіе, какъ члены новаго общества, застрахованы на случай болѣзни, смерти, старости и увѣчія. По этому касса взаимопомощи не обременяетъ ихъ. Я добровольно

но увеличиваю суммы этой кассы извѣстнымъ процентомъ прибыли. Я сдѣлалъ это не изъ благородства, а ради собственной выгоды, т. к. рабочіе мнѣ преданы и я смогу продать свое предпріятіе по хорошей цѣнѣ, когда мнѣ захочется освободиться отъ всякихъ дѣлъ: тогда я превращаю свое предпріятіе въ акціонерное общество и даю товариществу моихъ рабочихъ возможность стать членами этого акціонернаго общества; они даже заранѣе могутъ обезпечить за собой право стать членами акціонернаго общества; имъ стоитъ только вносить небольшой процентъ. Но этому мои рабочіе со мной въ большой дружбѣ. Между нами нѣтъ никакихъ споровъ. Отношенія между нами патріахальныя, конечно въ формахъ современнаго общежитія. Если-бы среди моихъ рабочихъ появился бунтовщикъ, —они высмѣяли-бы его; мнѣ не нужно было-бы силою удалить его. Мои рабочіе знаютъ въ чемъ ихъ благо, и этимъ самымъ положенъ конецъ туманному соціализму.—

Кингскуртъ добродушно проворчалъ:

— Вы молодой человѣкъ и занимаете такое высокое положеніе!—

— Я рано началъ свою карьеру. Мы были одними изъ первыхъ переселенцевъ. Я добился всего не личными заслугами, или лишь отчасти благодаря личнымъ заслугамъ. Общая волна меня подхватила и подняла. Но объ этомъ я разскажу вамъ въ Тиверіи.—

— Отчего въ Тиверіи?—спросилъ Фридрихъ

— Вы тамъ узнаете причину; вы даже и не представляете себѣ, какое насъ тамъ ожидаетъ торжество. Но теперь, господа, рѣшите, наконецъ, куда вы жела-

ете пойти вечеромъ. Хотите слышать чрезъ газету-телефонъ программу нынѣшнихъ представленій?

Онъ взялъ двѣ слуховыя трубки, висѣвшія на стѣнѣ и подалъ ихъ гостямъ.

Кингскуртъ засмѣялся:

— Ваше Высокородіе, Вы мнѣ не импонируете этимъ! Это чудо намъ извѣстно. Уже 25 лѣтъ тому назадъ въ Будапештѣ была такая газета-телефонъ.—

– Ничего новаго я не хотѣлъ показать вамъ; впрочемъ и газета-телефонъ принадлежитъ товариществу.—Но вѣрно эта газета не приноситъ дохода, т. к. въ ней нѣтъ объявленій?—

— Напротивъ. Такія объявленія оплачиваются лучше всего. Отдѣлъ объявленій въ печатныхъ газетахъ читатель легко можетъ пропустить; но предъ рекламами, исходящими изъ этихъ трубокъ,—онъ обезоруженъ. Послушайте, быть можетъ, вы услышите какъ разъ одну изъ нихъ.—

Кингскуртъ и Фридрихъ приложили трубки къ ушамъ. Сначала они услышали извѣщеніе о пожарѣ доковъ въ Іокоганѣ, затѣмъ краткое сообщеніе о постановкѣ новой піесы въ Парижскомъ театрѣ, послѣдній курсъ цѣнъ хлопчатой бумаги въ Нью-Іоркѣ, а потомъ внятно, съ болѣе сильной интонаціей чѣмъ прежде, прозвучало: „У Самуила Кона вы можете получить драгоцѣнные камни, какъ настоящіе, такъ и подѣльные съ гарантіей по дешевымъ цѣнамъ. У Самуила Кона, Большая галлерея. 47“.—

Они отъ души смѣялись. Давидъ сказалъ:

— Эти—объявленія часто составляются въ формѣ шутки: слушатель не замѣчаетъ, какъ они вставляются

въ рекламу. Доходъ газеты колоссаленъ. Вначалѣ абоненты ежемѣсячно вносили одинъ шекель, а получали обратно больше. Газета эта не имѣетъ вѣдь расходовъ по печатанію, по бумагѣ и доставкѣ. Только вотъ городъ Хаифа и новое общество подчинили себѣ это предпріятіе. Впрочемъ газета эта и поставлена подъ особый надзоръ. Чиновники новаго общества слѣдятъ въ центральномъ управленіи за тѣмъ, чтобы не было злоупотребленій, чтобы не говорилось въ аппаратъ лживыхъ, тревожныхъ свѣдѣній, неприличныхъ словъ.—

Фридрихъ обратилъ вниманіе на одно выраженіе.

— Общество подчинило себѣ газету. Какимъ образомъ можетъ городъ, или ваше новое общество, со строемъ котораго вы еще ознакомите насъ, просто-напросто подчинить себѣ частное предпріятіе,когда оно становится выгоднымъ.—

— Здѣсь совершенно исключительный случай! Газета-телефонъ должна провести свои кабели. У насъ подъ улицами устроены своды, предназначенныя для прокладки различныхъ уже существующихъ и возможныхъ въ будущемъ проводниковъ и трубъ для газа, воды и канализаціи. Подъ мостовой тянется тунель съ развѣтвленіями къ каждому дому. Этотъ въ свою очередь снабженъ подземнымъ ходомъ для подобныхъ трубъ и проводовъ. Въ случаѣ надобности дополнить проводы, не приходится разрушать мостовой. Въ этомъ, если хотите, вы можете усмотрѣть символическую черту нашихъ учрежденій. Знакомые вамъ большіе города образовались случайно безъ опредѣленнаго, предначертаннаго плана. Устройство газоваго освѣщенія, водопроводовъ, канализаціи, электрическихъ проводовъ со-

провождалось всякій разъ вскрытіемъ больныхъ внутренностей улицъ. При этомъ прежде никогда не знали точно, въ какомъ состояніи находились отдѣльные проводы, и узнавали объ этомъ обыкновенно только послѣ какой либо порчи, взрыва. Мы же, приступая къ сооруженію своихъ городовъ, были знакомы съ потребностями уже существующихъ и разбивали поэтому наши улицы планомѣрно, съ подземными сводами. Устройство обошлось, правда, довольно дорого, но теперь оно оплачивается превосходно. Если вы сравните бюджетъ Хаифы съ бюджетами Парижа и Вѣны, то убѣдитесь, какъ много мы выигрываемъ, благодаря подземнымъ ходамъ. Тамъ проложены и проводы телефонной газеты; и за это ей приходится уплачивать аренду, растущую вмѣстѣ съ доходомъ газеты. Вѣдь это опять-таки идетъ въ пользу общины! —

— Прежде всего мнѣ нравится у васъ то, что благороднѣйшіе металлы Самуила Кона идутъ на мощеніе улицъ, — сказалъ Кингскуртъ. Вы, право, хитрый народъ! Я-бы никогда не додумался до этого. —

— Комплименты ваши неособенно лестны, м-ръ Кингскуртъ, — любезно сказалъ Давидъ, но, быть можетъ, вы измѣните свое мнѣніе, когда побудете у насъ еще нѣкоторое время. —

— Прекрасно! Изъ принципа готовъ сознаться въ томъ, что я старый оселъ; требую однако сему доказательствъ... а теперь ведите насъ, чертъ возьми, — въ театръ. —

— Въ какой хотите, милый Литвакъ, — добавилъ Фридрихъ.

– Разъ вы, господа, отказываетесь сами отъ выбора, то, я полагаю, лучше всего предоставить это дамамъ.—

Гости согласились.

Глава. V.

Дамы были уже въ вечернихъ туалетахъ.

— Врядъ-ли, господа, вы пожелаете видѣть здѣсь то, чѣмъ съ одинаковымъ успѣхомъ можете насладиться въ Лондонѣ, въ Берлинѣ или въ Парижѣ,— сказала Сарра.—Хотя теперь у насъ въ Хайфѣ прекрасная французская и превосходная итальянская драматическая труппа, я полагаю все-же, что еврейская драма должна интересовать васъ больше. —

— Существуютъ и еврейскія драмы? —удивился Фридрихъ. Кингскуртъ пошутилъ:

— Развѣ вы никогда не слышали и не читали что театръ оевреился?—

Сарра мелькомъ взглянула въ газету:

— Сегодня въ національномъ театрѣ даютъ библейскую драму „Мойсей“.—

— Вдохновенное твореніе!—пояснилъ Давидъ.

— Все-же она слишкомъ серьезна. Въ оперѣ ставятъ „SabataJ-Z'wi“. Въ нѣкоторыхъ народныхъ театрахъ идутъ фарсы на жаргонѣ, но они не совсѣмъ красивы. Я рекомендовала-бы оперу. За это стояла и Миріамъ: Эта опера наилучшее музыкальное произведеніе послѣднихъ лѣтъ, столь богатыхъ музыкальными

твореніями; слѣдуетъ однако поторопиться, такъ какъ поѣздка къ оперному театру длится полъ часа. —

— А достанемъ ли мы еще мѣста? спросилъ Кингскуртъ.

— Въ кассѣ пожалуй въ этотъ часъ не достанете, такъ какъ значительная часть членовъ товарищества вѣроятно воспользовалась сегодня своимъ абонементомъ; но у меня съ самаго основанія театра имѣется своя ложа. —

— И опера-тоже на товарищескихъ началахъ?— воскликнулъ Левенбергъ.

— Абонементъ, Фрицъ. Они здѣсь называютъ это товариществомъ,—то-же самое, что и съ газетой.

— Совершенно одно и тоже!—Злемѣялся Давидъ:

Не слушайтесь, м-ръ Кингскуртъ! У насъ нѣтъ ничего новаго, все только кажется такимъ.—

Онъ вынулъ изъ кармана пару бѣлыхъ перчатокъ и началъ натягивать ихъ на пальцы.

Перчатки! и еще бѣлыя!... Ни у Кингскурта, ни у Фридриха не было ихъ. На островѣ въ тихомъ океанѣ они впродолженіи двадцати лѣтъ не имѣли дѣла съ такими тряпками! но считаясь снова со своимъ отчаяннымъ положеніемъ, съ необходимостью сопровождать дамъ въ театръ, имъ хотѣлось вести себя, какъ цивилизованнымъ людямъ. Кингскуртъ освѣдомился, нельзя-ли по дорогѣ въ оперу проѣхать мимо перчаточнаго магазина.

— Нѣтъ. Такихъ магазиновъ вообще здѣсь не существуетъ —

— Что вы меня выпучиваете, что-ли? Вы вотъ сами натянули уже на свои пальцы кожаныя гильзы! Сами

вы ихъ дѣлаете? участвуете вѣроятно въ товариществѣ перчаточниковъ, не такъ-ли?—почти было разсердился старикъ.

Это было недоразумѣніе, которое тутъ-же разъяснилось при общемъ веселіи.

Дѣло въ томъ, что спеціальныхъ перчаточныхъ магазиновъ здѣсь дѣйствительно не было: перчатки, какъ и другіе предметы туалета, имѣлись въ продажѣ въ большихъ торговыхъ домахъ. Предъ крыльцомъ Фридрихсгейма ихъ уже ждали два автомобиля. Въ первомъ помѣстились Сарра, Міріамъ и Фридрихъ; во второмъ Кингскуртъ и Давидъ. Былъ южный вечеръ, напоминающій мягкія ночи Ривьеры. Подъ ними разстилалось море огней Хайфы. Въ гавани и на рейдѣ вплоть до Акки виднѣлись цѣлыя вереницы мерцающихъ въ зеркальной водѣ огней—это были фонари кораблей. Проѣзжая мимо дома Решидъ-Бея, они услышали прекрасный женскій голосъ. Міріамъ сказала:

— Это поетъ нашъ другъ, супруга Решидъ-Бея. Милое образованное существо! Мы часто встрѣчаемся съ ней, но только въ ея домѣ: магометанскіе обычаи, которыхъ Решидъ твердо держится, не позволяютъ ей приходить къ намъ.—

— Не думайте однако, что Фатмэ чувствуетъ себя нехорошо,—прибавила Сарра.—Бракъ ихъ вполнѣ счастливъ; у нихъ чудныя дѣти. Супруга только не выходитъ изъ своего мирнаго уединенія,—это несомнѣнно тоже одна изъ формъ блаженства. Я ее вполнѣ понимаю, хотя и состою полноправнымъ членомъ общества. Безъ дальнѣйшаго согласилась-бы и я вести

образъ жизни Фатмэ, если-бы только этого желалъ мой мужъ.

Могу подтвердить это,—прибавила Мирiамъ, нѣжно гладя руку сидящей подлѣ нея невѣстки.

— Понимаю,—задумавшись сказалъ Фридрихъ. Здѣсь, въ вашемъ Новомъ Обществѣ, каждый можетъ жить по своему, и по своему обрѣсти царство небесное.—

— Именно такъ, г-нъ докторъ, каждый, рѣшительно каждый!—

Они снова проѣзжали по ярко освѣщеннымъ улицамъ города. Оба экипажа остановились предъ большимъ зданiемъ, изъ широкихъ оконъ котораго лились потоки свѣта, не опера-ли? Нѣтъ пассажъ на манеръ Парижскихъ большихъ магазиновъ.

— Настоящiй „Bon-Marché“—воскликнулъ Фридрихъ. Давидъ улыбнулся.

— Да, нѣчто подобное, у насъ только такiе торговые дома; маленькихъ магазиновъ здѣсь совсѣмъ нѣтъ.—

— Что? вы уничтожили ихъ? Несчастныхъ торгашей вы извели, какъ мышей?—

— Да нѣтъ-же, м-ръ Кингскуртъ. Намъ не нужно было изводить ихъ, такъ какъ мы не допустили вовсе ихъ появленiя!—

Фридрихъ, осматривавшiй вмѣстѣ съ дамами тысячи выставленныхъ модныхъ предметовъ, присоединился къ разговору.

— Какъ, вы запретили мелкую торговлю?

Вотъ она ваша свобода?...—

— У насъ всѣ волны поступать, какъ имъ угодно. Наказуются только тѣ преступленiя и проступки, за

которые мстили и въ культурныхъ странахъ Европы. У насъ не запрещено ничего, что было дозволено тамъ. Мы вовсе не считаемъ мелкую торговлю предосудительной; она только не выгодна. Это была одна изъ проблемъ, которыя должно было разрѣшить наше общество. Въ высшей степени важно было взяться за неё въ самомъ началѣ, такъ какъ наши народныя массы были оторваны отъ мелкой торговли. Мой добрый отецъ самъ, вы навѣрное припоминаете, зарабатывалъ себѣ кусокъ своего чернаго хлѣба въ качествѣ разносчика: а это вѣдь самый жалкій злосчастный родъ мелкой торговли. Онъ бродилъ съ своимъ лоткомъ отъ трактира къ трактиру.—

— Послушайте, г-нъ Литвакъ, пробормоталъ Кингскуртъ,—вы видимо вовсе не стѣсняетесь этого?

— Я? я далекъ отъ этого. Для меня онъ труженикъ, тянулъ свою лямку... Самымъ низкимъ человѣкомъ нужно быть...—

— Позвольте пожать вашу руку! Это мнѣ нравится... —Кингскуртъ сильно пожалъ правую руку молодого человѣка.

Они подходили къ перчаточному отдѣленію; Фридрихъ все еще продолжалъ разспрашивать:

— Какъ-же вы разрѣшили вопросъ о мелкой торговлѣ, безъ помощи запретительныхъ законовъ?—

Очень просто. Посредствомъ того, что вы здѣсь видите, при помощи крупныхъ торговыхъ предпріятій. Гигантскіе базары, экспедиціонныя предпріятія во многихъ мѣстахъ должны были возникнуть во времена паровыхъ машинъ и желѣзныхъ дорогъ. Нельзя было приписать это ни случайности, ни генію какого либо

умнаго купца. Въ развитіи этомъ коренился желѣзный законъ необходимости. Способъ массового производства требовалъ такого же массового сбыта. Естественно, что при этомъ мелкіе торговцы безпадежно и безповоротно гибли точно также, какъ при появленіи желѣзной дороги извощики на трактахъ. Только кучера угадывали обыкновенно свой жребій скорѣе, чѣмъ торговцы съ ихъ близорукой хитростью. Они были впрочемъ далеко безпомощнѣе тѣхъ, такъ какъ ихъ дѣло держалось на небольщомъ капиталѣ, да и тотъ часто былъ уже потерянъ, когда они начинали постигать грозящую имъ опасность. Эти безобидные торгаши неповинны въ собственной гибели, ибо они подверглись нападенію со стороны условій новаго вѣка безъ предварительнаго объявленія войны. Увасъ-же (и въ этомъ одинъ изъ залоговъ нашего успѣха,) дѣло не дошло вовсе до возникновенія пережитыхъ хозяйственныхъ формъ. Мы сразу начали съ новаго вѣка. Никто не былъ на столько глупъ, чтобы открытъ рядомъ съ крупнымъ торговымъ предпріятіемъ небольшую лавочку. Никто уже не бродилъ болѣе изъ дома въ домъ, съ товаромъ на спинѣ разъ онъ зналъ, что его предупредили крупныя предпріятія разсылкой прейскурантовъ, образцовъ и газетными рекламами. Мелкая торговля и промыслъ разносчика не сулили выгодъ. Поэтому, очутившись среди новыхъ условій, наши переселенцы совсѣмъ не обращались къ этимъ источникамъ заработка. Въ старой Европѣ, вынужденной охранять возникшія въ различное время разнохарактерныя правовыя нормы, этотъ вопросъ былъ однимъ изъ наиболѣе жгучихъ. Съ появленіемъ большихъ магазиновъ

низшая часть средняго купеческаго сословія очутилась въ смертельной опасности. Что было дѣлать? Запрещать административнымъ путемъ крупныя торговыя предпріятія?—но при какомъ условіи считать торговлю крупной? Ослаблять ихъ силу, быть можетъ, налогами? Фискъ отъ этого выигрывалъ мало, а мелкіе торговцы не много. Между тѣмъ публика жаждала, такихъ предпріятій, гдѣ бы она могла найти безъ потери времени разнообразные предметы, по цѣнамъ, возможнымъ лишь при массовомъ оборотѣ. Фабрикантъ можетъ поставлять товары большимъ предпріятіямъ дешевле, чѣмъ мелкимъ. Короче,—производство и потребленіе требовали современнаго „торговаго дома“. У насъ изъ-за этого никто не былъ раззоренъ, такъ какъ общежитіе только еще возникало. Напротивъ для насъ съ этимъ связывалась соціально-политическая задача: мы могли такимъ путемъ излѣчить душу и тѣло нашихъ мелкихъ торгашей отъ извѣстныхъ устарѣлыхъ, антихозяйственныхъ, вредныхъ формъ торговли.—

Обстоятельныя объясненія Давида вызвали нетерпѣніе дамъ; опасавшихся, какъ-бы не опоздать въ оперу. Кингскуртъ, протянувъ свои большія красныя руки продавщицѣ, которая натягивала на нихъ бѣлыя перчатки, пытался выяснить себѣ еще одно обстоятельство:

— Мнѣ что-то не все ясно, ваше высокоблагородіе! теперь вотъ, я вижу, у васъ большое оживленіе, но вѣдь не сразу же стало такъ. Не поставили-же вы эти дворцы на пустой мѣстности, не разомъ же нахлынули покупатели?. Это вы, пожалуй, втолкуете вашему Фрицику, а не мнѣ, старому пилигримму! —

— Нѣтъ, м-ръ К и н г с к у р т ъ, этого дѣйстви-

тельно и не было. Все развивалось вполнѣ естественно и понятно. Когда началось въ большихъ размѣрахъ переселеніе евреевъ въ Палестину, изо дня въ день ощущалась колоссальная потребность въ товарахъ. Нічего не производя еще, мы нуждались во всемъ. Это положеніе вещей было извѣстно повсюду, такъ какъ переселеніе евреевъ происходило на глазахъ у всего міра. Въ виду этого владѣльцы торговыхъ предпріятій поспѣшили основать въ разныхъ пунктахъ Палестины свои отдѣленія. Не только евреи воспользовались этими условіями для того, чтобы сбыть свои склады, но въ мигъ были выстроены и нѣмецкіе, французскіе, англійскіе и американскіе торговые дома. Въ началѣ это были желѣзные бараки. Когда-же вмѣстѣ съ массовымъ переселеніемъ потребности все увеличивались, и становились утонченнѣе, когда, далѣе, бѣдняки уже пристроились, бараки мало-по-малу преобразились въ каменные дворцы.

Новое Общество не притѣсняло ихъ, наоборотъ, эти магазины поощрялись т. к. они доставляли двойную выгоду; они дешево и быстро поставляли громадное количество товаровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удерживали мелкихъ торговцевъ отъ невыгодныхъ, мелкихъ предпріятій. Мы не хотѣли быть народомъ мелкихъ торгашей.—

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросилъ Фридрихъ,—неужели здѣсь нѣтъ лавокъ кромѣ этихъ большихъ магазиновъ?—

— Конечно есть; вѣдь люди у насъ не всѣ по одному шаблону. У насъ нѣтъ ни монархической, ни соціалистической тиранніи. Каждый поступаетъ по

своему. Очень цѣнные и очень дешевые предметы, драгоцѣнности и старый хламъ продаются единичными личностями; но это не только евреи; есть и греки, армяне, персіяне, лавентинцы; евреевъ сравнительно мало. Члены Новаго Общества не занимаются мелкой торговлей.

— Развѣ есть евреи, которые не принадлежатъ къ Новому Обществу?

— Конечно!... Но теперь пойдемте скорѣй!—Давидъ обратился къ продавщицѣ:—Сколько стоятъ перчатки этихъ господъ?—

— Шесть шекелей.—

Кингскуртъ удивился:—Чортъ возьми что это такое?—Давидъ улыбнулся:—Это наши денежные знаки; мы вернулись къ древне-еврейской монетной системѣ. Шекель,—это около французскаго франка, у Васъ вѣрно нѣтъ шекелей, позвольте заплатить за Васъ. —

Онъ бросилъ на прилавокъ золотую монету, ему дали сдачи серебромъ, и всѣ направились къ выходу.

Кингскуртъ игриво ущипнулъ Давида въ руку и весело шепнулъ ему:—Вы не уничтожили денегъ въ Вашемъ обществѣ? это очень бы удивило меня!—Давидъ успѣлъ привыкнуть къ манерамъ старика и отвѣтилъ ему въ тонъ:

— Да, съ деньгами мы никакъ не могли разстаться; во-первыхъ мы корыстолюбивы; во-вторыхъ,—деньги —это хорошая штука! Если бы ихъ еще не было, то ихъ навѣрное изобрѣли бы теперь!—

— Молодой человѣкъ, Вы выражаете мои мысли! я всегда говорилъ это! Деньги,—прекрасная вещь! Только люди её испортили.--

---

Глава VI.

Когда они появились въ театральной ложѣ, увертюра уже кончилась. Дамы поспѣшили занять мѣста: изъ зрительнаго зала многіе уже смотрѣли на сцену. Фридрихъ и Кингскуртъ были поражены великолѣпіемъ опернаго театра. Постройка его длилась правда пять лѣтъ въ кредитъ Новаго Общества. Въ тѣхъ случаяхъ, когда товарищество было организовано заранѣе, постройка театра длилась не больше года.

Въ сосѣдней ложѣ сидѣли двѣ разряженныя дамы, далеко не въ мѣру увѣшанныя драгоцѣнностями: одна пожилыхъ лѣтъ, другая молодая; между ними пожилой господинъ. Они поклонились Литвакамъ очень подобострастно. Фридриху показалось, что Литваки отклонили ихъ привѣтствіе. Лицо дамы и господина было ему знакомо; онъ видѣлъ ихъ когда то, очень давно.

— Кто эти люди?—тихо спросилъ онъ Давида:

Давидъ повелъ плечами:

— Нѣкій Ляшнеръ съ супругой и съ дочерью--

— Ляшнеръ! Богатый биржевикъ изъ Вѣны!—

Фридрихъ вспомнилъ вдругъ вечеръ помолвки Эрнестины Леффлеръ. Это было горестное и вмѣстѣ съ тѣмъ комичное воспоминаніе.

— Долженъ признаться, я никакъ не ожидалъ встрѣтить ихъ здѣсь.—

— Они тоже прибыли сюда, только послѣ того, какъ все уже было устроено.—Замѣтилъ Давидъ.—Вѣдь теперь здѣсь всѣ удобства, крупныхъ европейскихъ центровъ. Но тутъ, какъ и тамъ, люди подобные Ляш-

неру, встрѣчаютъ только презрѣніе. Мы, дорогой Кингскуртъ, не вывели изъ употребленія денегъ, но онѣ у насъ—далеко не все. Члены Новаго Общества въ экономическомъ отношеніи настолько независимы, что прежнее отвратительное преклоненіе предъ богачами естественно должно было исчезнуть. Господинъ Ляшнеръ можетъ обладать деньгами, расходовать ихъ, какъ ему вздумается, никто предъ нимъ за это шапки не сниметъ. Будь онъ порядочный человѣкъ, мы охотно уважали бы его. Отъ каждаго мы требуемъ прежде всего сочувственнаго отношенія къ намъ и солидарности съ нами. Этотъ господинъ даже не потрудился, вступить въ члены Новаго Общества. Онъ не пожелалъ принять на себя обязанностей нашей общины. Онъ намъ чужой. Дѣйствія его свободны, какъ и дѣйствія каждаго чужеземца; уваженіемъ онъ однако не пользуется,—Вамъ это, я думаю, ясно...!—

— Ясно-ли?! пробормоталъ Кингскуртъ и бросилъ презрительный взглядъ въ сосѣднюю ложу.

Занавѣсъ взвился: Сцена изображала Смирну, показались группы народа и пророкъ въ кругу своихъ приверженцевъ. Кингскуртъ обратился къ своей сосѣдкѣ Миріамъ съ просьбой объяснить ему, кто герой оперы.

— Саббатай Цви, шепотомъ излагала молодая дѣвушка,—это былъ ложный Мессія; Онъ появился въ Турціи въ началѣ XVII стол. Ему удалось вызвать броженіе среди евреевъ Востока. Но онъ самъ потомъ измѣнилъ еврейству и конецъ его позорный.—

Кингскуртъ кивнулъ головой, какъ-бы желая показать, что теперь ему все стало ясно:—Это, под-

ходящій сюжетъ для оперы: онъ былъ отвратительнымъ человѣкомъ!—

Сцена представляла площадь предъ синагогой въ Смирнѣ. Толпа возбужденныхъ противъ Саббатая раввиновъ хоромъ пѣла гнѣвную пѣснь противъ ложнаго Мессіи. Послѣдній со своими приверженцами скрылся. Очарованная Саббатаемъ молодая дѣвушка смѣло предстала предъ возбужденной толпой. Ярость толпы обратилась тогда противъ дѣвушки, защищавшей пророка, и ей несомнѣнно грозила-бы гибель, если-бы не возвратился пророкъ. Даже на враговъ личность обольстителя народа производила чарующее впечатлѣніе. Предъ лицомъ его робко скрылись враги. Дѣвушка бросилась къ ногамъ пророка. Онъ поднялъ и обласкалъ ее. Послѣдовалъ столь обычный въ операхъ дуэтъ; затѣмъ—эффектный финалъ акта. На Саббатая было призвано проклятіе раввиновъ и въ финалѣ Мессія выражалъ намѣреніе покинуть Смирну въ сопровожденіи своихъ друзей. Молодая дѣвушка молитъ его позволить ей слѣдовать за нимъ и служить ему повсюду, гдѣ-бы онь ни былъ. Занавѣсъ опустился. Небольшое общество въ ложѣ Литвака оживленно бесѣдовало въ антрактѣ объ интересномъ героѣ оперы.

- Этотъ плутъ, навѣрное добьется своего!—сказалъ Кингскуртъ. Маламъ Сарра сказала:

— Сначала онъ повидимому былъ мечтателемъ; только когда въ него увѣровали онъ сталъ обманщикомъ.

Миріамъ съ улыбкой привела слова Гете:—мечтателя распинаютъ на тридцатомъ году его жизни; когда же онъ во время узнаетъ міръ,—онъ становится плутомъ.—

— Странно,—замѣтилъ Фридрихъ,—что авантюристамъ вѣрятъ.—

Давидъ возразилъ:

— Это имѣетъ глубокое обоснованіе. Авантюристы говорятъ то, во что вѣритъ народъ, поэтому народъ вѣритъ авантюристамъ. Они идутъ на встрѣчу его тоскѣ; вѣрнѣе, тоска народная рождаетъ пророковъ; да, да, она родила Мессію! Теперь вы представьте себѣ какіе это были ужасные времена, какая тьма, должна была создать Саббатая и т. п. лжепророковъ. Нашъ народъ еще не могъ на себя положиться и потому восторгался такими личностями. Лишь въ концѣ девятнадцатаго столѣтія, когда всѣ цивилизованные народы достигли извѣстной степени самосознанія и активно проявляли его, и нашъ забитый народъ пришелъ къ заключенію, что его спасеніе въ его собственной силѣ, а не въ фантазерахъ и чудотворцахъ. Не единичная личность, а пробудившійся отъ сна народъ долженъ совершить актъ спасенія! Даже вѣрующіе пришли наконецъ къ убѣжденію, что въ этомъ міровоззрѣніи не заключается ничего противнаго Богу. «Gesta Dei per Francos» говорили когда-то французы Дѣла Божьи чрезъ евреевъ! говорятъ у насъ истинно вѣрующіе, не полдающіеся вліянію фанатиковъ раввиновъ. Въ рукахъ Господа Бога находится выборъ средствъ для достиженія Его невѣдомыхъ цѣлей. Таково было просвѣтленное разсужденіе нашихъ вѣрующихъ, когда они восторженно присоединились къ національному дѣлу. И такимъ образомъ еврейскій народъ вновь поднялся.—

— Браво!—проворчалъ Кингскургъ.

Въ эту минуту постучались въ дверь ложи.

— Войдите,—сказалъ Давидъ, и въ ложу юркнулъ съ подобострастной улыбкой сѣдой господинъ во фракѣ. Это былъ тотъ самый господинъ, котораго Фридрихъ при своемъ пріѣздѣ видѣлъ на молу, Шиффманъ изъ café Биркенрейсъ.

— Я осмѣливаюсь, безпокоить васъ г-нъ Литвакъ, - сказалъ онъ извиняясь,—я снизу увидѣлъ стараго знакомаго. Я не знаю, помните-ли вы меня еще, господинъ докторъ—

— Конечно, господинъ Шиффманъ, —улыбаясь сказалъ Фридрихъ и протянулъ ему руку.

— Вотъ странно, ей Богу! Вы значитъ не умерли?—

— Какъ видите нѣтъ. И вы меня тотчасъ узнали? -

— Честное слово, нѣтъ! Мнѣ кто-то пришелъ на помощь. Одна дама, которую вы когда-то хорошо знали. Угадайте, кто?—и онъ многозначительно улыбнулся.

Фридрихъ испугался. Онъ вдругъ сообразилъ, кто это былъ, но не рѣшился произнести имени.

— Ну, что-же? Не можете отгадать? Вы значитъ забыли своихъ старыхъ пріятелей и пріятельницъ? —

Фридрихъ сказалъ немного рѣзко: -Я никакихъ друзей здѣсь не знаю—кромѣ вотъ этихъ.—

— Ея имя Эрнестина,—улыбнулся Шиффманъ.

— Какъ? M-lle Лефлеръ?—

— Нѣтъ, госпожа Вейнбергеръ! Вы вѣдь знаете? Вы вѣдь присутствовали на ея обрученіе. Это былъ тотъ вечеръ, когда я васъ въ послѣдній разъ видѣлъ. Тотчасъ вслѣдъ за этимъ вы исчезли.—

— Да, да, я помню. И M-lle т. е. госпожа Вейнбергеръ живетъ здѣсь?—

— Конечно! Вотъ она сидитъ рядомъ со мной, внизу. Я вамъ покажу ее.—Онъ нагнулся къ уху Фридриха, такъ что-бы другіе не могли слышать его:—Между нами будь сказано, ей живется не сладко. Ея мужъ, Вейнбергеръ, порядочный разиня. Въ Брюннѣ онъ потерпѣлъ банкротъ, затѣмъ онъ былъ агентомъ въ Вѣнѣ а въ заключеніе онъ пріѣхалъ сюда, но также не удачникомъ. Если-бы я не покровительствовалъ ей, имъ пришлось-бы худо. Вы вѣдь знаете, что она привыкла къ шелковымъ платьямъ, ложамъ и выѣздамъ. Теперь-же, если-бы я не посылалъ ей отъ времени до времени билетовъ въ театръ, ей пришлось бы сидѣть дома и тосковать.

Да, обстоятельства мѣняются!—

Фридриху было противно слушать эту болтовню и ему захотѣлось прекратить конфиденціальныя рѣчи Шиффмана.

— Мнѣ конечно интересно повидаться съ госпожей Эрнестиной. Гдѣ она сидитъ?—

— Въ предпослѣднемъ ряду, въ углу. Перегнитесь немного и Вы увидите ее. Впрочемъ, я спускаюсь самъ къ нимъ; рядомъ со мной сидитъ ея дочь, а за тѣмъ она. Благодарю Васъ за удовольствіе, господинъ докторъ. Надѣюсь, что Вы останетесь у насъ? Во всякомъ случаѣ пробудете нѣкоторое время? -

— Не знаю еще, это зависитъ отъ обстоятельствъ.—

— Ну, вотъ прекрасно. Если я Вамъ понадоблюсь вызовите меня по телефону... Честь имѣю кланяться, милостивыя государыни и государи. И онъ бокомъ вышелъ изъ ложи.

— Этотъ субъектъ мнѣ не нравится,— сказалъ Кинг-

скуртъ вполголоса Фридриху, который только поморщился.

Второй актъ начался. Саббатай со своимъ дворомъ находился въ Эшитѣ. Сцена изображала блестящее пиршество съ пѣснями и плясками. Но Фридрихъ ничего почти не видѣлъ и не слышалъ. Онъ былъ погруженъ въ воспоминанія. Вотъ она сидѣла рядомъ съ Шиффманомъ. Сначала онъ поддался странной иллюзіи. Эрнестина Леффлеръ казалась ему такой-же какъ 20 лѣтъ тому назадъ. Тѣ-же молодые, тонкія черты, тотъ-же нѣжный станъ. Возможно-ли, что двадцать лѣтъ ее такъ мало измѣнили? Но затѣмъ онъ замѣтилъ свое заблужденіе. Молодая дѣвушка была не Эрнестина, а дочь ея; госпожа Вейнбергеръ это та полная, немолодая дама, одѣтая въ слишкомъ яркое платье. Она также взглянула на него, привѣтливо улыбнулась и стала оживленно кивать ему головой, когда онъ ей поклонился.

Въ этотъ моментъ распалось въ прахъ то, что жило въ немъ 20 лѣтъ. Въ своемъ одиночествѣ на островѣ Кингскурта, онъ иногда съ тоскою вспоминалъ объ Эрнестинѣ; первый гнѣвъ смѣнился болѣе мягкимъ настроеніемъ, и въ концѣ концовъ вся его любовь казалась ему окутанной разовой дымкой воспоминаній. Но когда онъ мечталъ о ней, то всегда представлялъ ее себѣ такой, какой она была въ то время, и вдругъ естественный процессъ увяданія поразилъ его съ необычайной силой. Онъ испытывалъ стыдъ и вмѣстѣ съ тѣмъ облегченіе. Изъ за этой женщины онъ горевалъ! Возможно-ли это?

Ласковый, теплый голосъ вернулъ его къ окружающей дѣйствительности.

— Какъ Вамъ это понравилось?—спросила Миріамъ.

— Слава Богу, что кончилось;—отвѣтилъ онъ разсѣянно.

— Какъ? Неужели второй актъ былъ такъ плохъ? — Онъ смутился.—Нѣтъ, я говорилъ не о второмъ актѣ, M-lle Миріамъ! я думалъ о чемъ-то, что считалъ еще живымъ. Но оно умерло!—Она взглянула на него съ удивленіемъ, но ничего не спросила.

Какой-то господинъ вошелъ въ ложу. Его представили какъ секретаря президента, по имени д-ръ Виркинъ. Это былъ худощавый мужчина съ короткой бородкой, въ которой сквозила сѣдина и съ проницательными глазами, скрывавшимися за блестящими очками. Д-ръ Виркинъ передалъ привѣтъ президента, который приглашалъ къ себѣ въ ложу Кингскурта и Левенберга. Кингскуртъ былъ пораженъ.

— Какъ это? Онъ насъ приглашаетъ? Что это за президентъ и откуда онъ знаетъ насъ, странниковъ пустыни?—

Давидъ объяснилъ съ улыбкой:

— Это президентъ нашего Новаго Общества. Онъ сидитъ вотъ тамъ, въ первой ложѣ; видите старый господинъ съ бѣлоснѣжной бородой?—Они взглянули въ ту сторону.

— Чертъ возьми—мнѣ кажется, что я его знаю, но какимъ образомъ? сказалъ Кингскуртъ. Фридрихъ вспомнилъ: Глазной врачъ изъ Іерусалима—докторъ...

— Докторъ Айхенштаммъ! -дополнилъ Давидъ, - онъ президентъ, котораго мы избрали.

— Неужели онъ узналъ насъ черезъ 20 лѣтъ? недоумѣвалъ Кингскуртъ.

Д-ръ Виркинъ сказалъ:—Его дочь узнала Васъ, господа, и обратила на Васъ вниманіе президента. Давидъ обратился къ секретарю:

— Можно присоединиться къ Вамъ, докторъ?

— Милости просимъ, господинъ Литвакъ. Президентъ желалъ-бы узнать отъ Васъ кое-что о Вашей борьбѣ съ Гейеромъ.

И Д-ръ Виркинъ отправился съ ними въ ложу президента. Старый президентъ ожидалъ ихъ стоя, опираясь на палку, въ элегантномъ маленькомъ салонѣ отдѣленномъ портьерой отъ зрительной залы.

— Вотъ такъ встрѣча, господа! сказалъ старикъ слегка дрожащимъ голосомъ, пожимая руку вошедшимъ одному за другимъ.

— Да, чертъ меня побери, если я ожидалъ что нибудь подобное, господинъ президентъ!

— Сядемте, господа—Вы видите, я уже не такъ крѣпокъ на ноги какъ въ былое время! Президентъ улыбнулся и опустился въ кресло, поданное ему лакеемъ. Да, да для нашего народа настало теперь лучшее время, но мое лучшее время прошло. Вы вѣдь знаете: senectus ipsa morbus.... Впрочемъ, мы должны быть довольны тѣмъ, что есть.

Затѣмъ онъ указалъ на стоявшую рядомъ съ нимъ даму, одѣтую очень просто въ черное шелковое платье:—Моя дочь,—Саша васъ узнала и напомнила мнѣ день, проведенный у скорбной стѣны. О, это было давно, господа!—Да, да, тогда существовала скорбная стѣна.

— Какъ существовала? сказалъ Фридрихъ. Развѣ ея уже нѣтъ? Неужто даже слѣдовъ не осталось?

Президентъ взглянулъ на него и покачалъ головой.

— Вы вѣрно еще не были въ Іерусалимѣ, если вы такъ спрашиваете?

Тогда Давидъ скромно приблизился къ президенту:

— Господинъ президентъ! Эти господа только что пріѣхали и не успѣли еще ничего осмотрѣть. Президентъ ласково положилъ ему руку на плечо:—очень радъ васъ видѣть, милый Литвакъ, я всегда доволенъ вами въ особенности теперь. Доведите борьбу до конца Вы правы, Гейеръ неправъ. Мое послѣднее слово здѣшнимъ евреямъ: пусть чужестранецъ чувствуетъ себя хорошо у насъ. А насъ пусть Богъ сохранитъ такимъ, какъ вы есть. Вы, господа, еще мало знакомы съ нашей страной? О нѣтъ, вы знаете одного изъ ея лучшихъ сыновъ. Вотъ этимъ Давидомъ Литвакомъ я горжусь, какъ будто-бы я причастенъ къ его честности и дѣльности.

Давидъ густо покраснѣлъ. Онъ опустилъ глаза какъ школьникъ и бормоталъ:—господинъ президентъ!

— Отчего-же мнѣ не похвалить васъ въ глаза, Литвакъ! Я старый человѣкъ и не желаю задобрить васъ. Видите-ли, дорогіе гости, я волна, которая убѣгаетъ, она волна, которая набѣгаетъ... Дай мнѣ чашку чаю, Саша! Чай былъ поданъ по русски. Когда во время разговора мужчины упомянули о томъ, что 20 лѣтъ жили вдали отъ культурнаго міра, д-рь Саша замѣтила:

— Не жалѣете-ли вы о потеряномъ времени? Вы могли бы участвовать въ великихъ событіяхъ, оказать столько добра людямъ.

— Совсѣмъ не жалѣю, сударыня! замѣтилъ Кингскуртъ, мы два завзятыхъ врага человѣчества. Мы желаемъ дѣлать добро только себѣ. Это наша старая программа. Правда, Фрицъ?

— Вы шутите! сказала Саша, конечно вы шутите! Дѣлать добро такое счастье, съ которымъ ничто не сравнится.

Давидъ сказалъ: —Госпожа Саша говоритъ по опыту, такъ какъ она знакома съ этимъ счастьемъ. Она во главѣ величайшей въ мірѣ глазной клиники. Если позволите сударыня, я поведу туда этихъ господъ, когда мы пріѣдемъ въ Іерусалимъ. Тамъ спасли и возвратили зрѣніе многимъ людямъ. Это прямо благодѣяніе для восточныхъ странъ, отовсюду стекаются больные, изъ Азіи и Сѣверной Африки. Польза, которую принесли наши лѣчебныя заведенія, доставила намъ въ Палестинѣ и въ сосѣднихъ странахъ больше друзей, чѣмъ всѣ наши технические и промышленныя учрежденія.

Д-ръ Саша уклонилась отъ похвалы: —господинъ Литвакъ преувеличиваетъ мои заслуги. Я не создала ничего новаго. Но у насъ имѣется великій ученый, это Штейнекъ, бактеріологъ. Вы должны познакомиться съ институтомъ Штейнека; онъ внушитъ вамъ удивленіе.

— Вы уже составили планъ путешествія, милые гости? спросилъ старикъ Айхенштаммъ.

— Прежде всего я поведу своихъ гостей въ Тиверію, г. президентъ. Мы завтра ѣдемъ къ моимъ родителямъ.

— Встрѣчать Пасху, не правда-ли? Поклонитесь вашимъ родителямъ отъ меня, Литвакъ! И когда эти господа пріѣдутъ въ Іерусалимъ, приведите ихъ ко мнѣ. Я на это расчитываю. Онъ снова пожалъ каждому руку и они распростились, такъ какъ долетающіе звуки оркестра возвѣщали о началѣ 3-яго акта.

Когда они проходили черезъ пустое фойе, Кингскуртъ воскликнулъ.

— Вашъ президентъ кажется славный малый, но немного старъ и немощенъ. Отчего вы выбрали именно его?

— Это я могу вамъ объяснить въ двухъ словахъ. сказалъ Давидъ, мы его выбрали потому, что онъ этого не желалъ.

— Ого, это оригинально.

— Да, мы нашли слѣдующій принципъ у нашихъ мудрецовъ: оказывай честь тому, кто этого не добивается.

Книга III.

Цвѣтущая страна.

Глава I.

Былъ чудный весенній день, когда жители Фридрихсгейма собрались выѣхать въ Тиверію.

Огромный дорожный автомобиль стоялъ у воротъ; онъ вмѣщалъ 12 персонъ.

— Чортъ возьми! —вскрикнулъ Кингскуртъ всего-то. Это вѣдь настоящій „Ноевъ ковчегъ!“ Въ немъ вмѣстятся всѣ грѣшныя животныя и люди.

— Насъ будетъ всего 11 душъ, сказалъ Давидъ.

— Одинадцать? Я вижу всего девять, сосчиталъ Кингскуртъ,—вы вѣрно считаете Фрицхенъ за троихъ. Впрочемъ отличная мысль, что вы берете мальчика съ собой.

Казалось что Фрицхенъ, находившійся на рукахъ у своей няни, понималъ, что рѣчь шла о немъ; съ громкимъ смѣхомъ онъ протягивалъ ручки къ бѣлой бородѣ Кингскурта.

— Мы заберемъ по пути еще двухъ друзей, сказала госпожа Сарра,—Решидъ Бея и архитектора Штейнека.

Между тѣмъ прислуга вынесла ручной багажъ и уложила его подъ сидѣньями. Только одна корзинка съ съѣстными припасами и бутылками съ молокомъ для Фрицхенъ была поставлена наверхъ. Позади усѣлись истопникъ и лакей -негръ. На переднихъ сидѣніяхъ помѣстились Міріамъ, Сарра и Фридрихъ. Кингскуртъ хотѣлъ непремѣнно сидѣть въ отдѣленіи со стеклянной стѣнкой, будто для того, чтобы защититься отъ вѣтра, но на самомъ дѣлѣ по другой причинѣ: онъ слыхалъ, что это мѣсто было предназначено для Фрицхенъ. Онъ первый забрался туда и велѣлъ подать себѣ ребенка. Но когда Фрицхенъ очутился у него на рукахъ, онъ крѣпко прижался къ нему и ни за что не захотѣлъ пойти обратно къ своей нянѣ.

Давидъ, вошедшій послѣднимъ, попробовалъ отцовскою строгостью подѣйствовать на ребенка, но напрасно.

Кингскуртъ очень сердился: „Вотъ ужъ негодный мальчикъ! Уходи сейчасъ!“ Давидъ попросилъ его:

— Дайте мнѣ его, пускай покричитъ.

Но Кингскуртъ и не думалъ отдавать мальчика. Онъ посадилъ его къ себѣ на колѣни и щекоталъ ему шейку, пока ребенокъ не засмѣялся.

— Вотъ какой негодяй! ему нѣтъ дѣла до того, что старый Кингскуртъ сдѣлается посмѣшищемъ всей Хаифы. Къ счастію меня здѣсь никто не знаетъ!

И такъ они выѣхали изъ воротъ Фридрихсгейма. Позади негръ -лакей трубилъ веселыя пѣсни на своей жестяной трубѣ. Фрицхенъ хлопалъ радостно въ ладоши.

— Посмотрите, сказалъ Кингскуртъ, вѣдь это совсѣмъ какъ въ старыя времена, почтальонъ съ трубой!

Давидъ замѣтилъ: „Онъ трубитъ чтобы предупредить Решида о нашемъ пріѣздѣ, и чтобы намъ не терять напрасно времени“.

Они ѣхали по извѣстной имъ уже кармельской дорогѣ. Решидъ Бей стоялъ уже предъ своимъ домомъ готовый къ отъѣзду. Привѣтствіе было сердечное и радостное. За деревянной рѣшеткой окна въ первомъ этажѣ показалась красивая бѣлая женская рука, махавшая платкомъ.

Госпожа Сарра, улыбаясь, крикнула невидимкѣ:

— Здравствуй, Фатмэ! Мы вернемъ тебѣ мужа невредимымъ, будь совершенно спокойна!

И Миріамъ прибавила:—Поцѣлуй отъ меня своихъ дѣтей, Фатмэ!

Багажъ Решида былъ тоже помѣщенъ въ автомобиль. Бей сидѣлъ около Давида. Еще одно послѣднее привѣтствіе бѣлой женской ручкѣ за рѣшеткой и „ковчегъ“ двинулся дальше. Фридрихъ обратился къ своей сосѣдкѣ Миріамъ: Бѣдная женщина, она должна теперь сидѣть дома одна!

— Она такая счастливая и веселая женщина, отвѣтила Миріамъ. Я убѣждена, что она отъ души рада, что эта поѣздка доставитъ удовольствіе ея мужу. И онъ не поѣхалъ-бы съ нами, если бъ это огорчило жену. Онъ и она—дѣйствительно хорошіе люди.

— А я все-таки удивляюсь женщинѣ, которая покорно остается за рѣшеткой—въ такое чудное утро!

— Не правда-ли? сказала Сарра съ сіяющимъ ли-

номъ, такіе весенніе дни бываютъ только въ нашей странѣ! Жизнь здѣсь милѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Фридрихъ тоже чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ и самъ не зналъ, какъ объяснить себѣ это счастіе. Онъ былъ опять молодъ и веселъ и въ такомъ настроеніи ему захотѣлось подразнить свою сосѣдку.

— А какъ же съ вашей школой м-ль Миріамъ? Кажется вы сегодня пренебрегли немного своими обязанностями?

Миріамъ засмѣялась.

— Онъ ровно ничего не знаетъ о еврействѣ!... Такъ знайте же, милостивый государь, что сегодня у насъ начались пасхальныя каникулы. Потому мы и ѣдемъ къ родителямъ въ Тиверію, чтобы тамъ справлять сейдеръ. Развѣ Давидъ не сказалъ вамъ этого?

Вашъ братъ нѣсколько разъ намекалъ намъ на то, что въ Тиверіи мы узнаемъ многое о переселеніи евреевъ. Вѣрно онъ подразумѣвалъ это, хотя исторію выхода изъ Мицраима я еще помню съ дѣтства.

— А можетъ быть онъ подразумѣвалъ иное,—сказала Миріамъ съ задумчивымъ видомъ.

Между тѣмъ автомобиль, доѣхавъ до конца Кармельской дороги, не направился къ центру города, а свернулъ направо. Это было предмѣстіе, гдѣ протекалъ Кизонъ. Они остановились на молу, усаженномъ деревьями, передъ очаровательнымъ маленькимъ дворцомъ.

У дверей стоялъ господинъ съ сѣдыми усами; сильно жестикулируя, съ откинутой назадъ головой, онъ смотрѣлъ на пріѣзжихъ черезъ край своего pince-nez, сползавшаго съ носа.

— На вашемъ мѣстѣ я бы совсѣмъ не пріѣхалъ, крикнулъ онъ имъ: вотъ уже полъ часа какъ я стою на этомъ мѣстѣ, никогда больше я не буду аккуратнымъ.

Вмѣсто отвѣта, Давидъ протянулъ ему свои часы.

— Это ничего не доказываетъ, крикнулъ Штейнекъ, ваши часы отстаютъ. Я вообще не довѣряю часамъ... Вотъ берите мои планы! но пожалуйста не мните ихъ! А теперь все готово, ѣдемъ. Онъ протянулъ Давиду три свертка, которые держалъ въ рукахъ, а затѣмъ влѣзъ самъ въ автомобиль. Но какъ только автомобиль тронулся съ мѣста, Штейнекъ закричалъ жалобнымъ голосомъ:

— Остановитесь! Назадъ! я забылъ свой чемоданъ!

— Вамъ перешлютъ его съ багажомъ, успокаивалъ его Давидъ.

— Вы знаете, что я отправляю багажъ по желѣзной дорогѣ прямо въ Тиверію, такъ какъ мы дѣлаемъ небольшой кругъ.

— Это невозможно! отвѣтилъ архитекторъ, моя рѣчь въ чемоданѣ, мы должны вернуться.

Они должны были вернуться, забрать забытыя вещи, и тогда только Штейнекъ вздохнулъ свободно и повеселѣлъ. Но съ этого момента, въ сравнительно тѣсномъ помѣщеніи автомобиля очутилось два наибольшихъ крикуна: —Кингскуртъ и Штейнекъ. Подобно старому мизантропу, Штейнекъ имѣлъ также обыкновеніе говорить съ крикомъ о самыхъ индиферентныхъ вещахъ. Какъ только ихъ познакомили, они начали перекрикивать другъ друга. Давидъ и Решилъ слушали ихъ и забавлялись этимъ. Но вдругъ Кингскуртъ

поднесъ палецъ къ губамъ, и заставилъ Штейнека замолчать.

— Господинъ Штейнекъ, шепнулъ старикъ, хотя вы говорили очень громко, но Фрицхенъ все-таки заснулъ. Онъ поднялъ ребенка, заснувшаго у него на рукахъ, и передалъ его бережно нянѣ, сидѣвшей позади.

— Господинъ Кингскуртъ, отвѣтилъ Штейнекъ обиженно, мнѣ кажется, что я говорилъ не громче васъ!

Дорога, по которой они ѣхали, представляла много интереса для обоихъ гостей и возбуждала ихъ любопытство.

Здѣсь было меньше движенья, чѣмъ въ городѣ, но все-таки и здѣсь было замѣтно оживленіе. Велосипеды и автомобили мелькали предъ ихъ глазами. По сторонамъ дороги на тропинкѣ виднѣлись всадники, нѣкоторые въ пестрыхъ, арабскихъ костюмахъ, другіе въ европейской одеждѣ. Виднѣлись часто верблюды и караваны, интересные пережитки прошлаго. Дорога была прекрасная и ѣздилось по ней мягко и пріятно. Съ обѣихъ сторонъ виднѣлись маленькіе домики, окруженные садами, а вдали разстилались засѣянныя поля, покрытыя молодой зеленью.

Кингскурту бросилось въ глаза, что проволоки, протянутыя чрезъ дорогу, пересѣкались съ другими, входившими въ каждый домъ.

— Это телеграфныя проволоки? спросилъ онъ, и какое населеніе преобладаетъ здѣсь?

Решидъ Бей объяснилъ ему:—здѣсь живутъ большей частью ремесленники, это деревня сапожниковъ. Чрезъ эти проволоки проводится электрическій токъ

для ихъ маленькихъ машинъ. Развѣ это новость для васъ?

— О нѣтъ, это было уже извѣстно и въ мое время, но рѣдко примѣнялось на практикѣ. А откуда берется токъ? позвольте узнать!

— У насъ есть электрическія общества; а въ этомъ мѣстѣ токъ берется изъ горныхъ рѣчекъ Гермона и Ливана или изъ канала Мертваго моря".

Эти ремесленники вмѣстѣ съ тѣмъ и—крестьяне, и связаны товариществомъ, какъ сельскіе хозяева, и какъ промышленники. Продукты артельнаго труда доставляются большимъ торговымъ домамъ и экспортерамъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ они образуютъ и сельско-хозяйственные союзы самаго разнообразнаго свойства. Вблизи большихъ городовъ преобладаетъ промышленность и полевыя работы незначительны, такъ что ремесленникъ, кромѣ своихъ собственныхъ нуждъ, занимается садоводствомъ и огородничествомъ для городскихъ рынковъ. У берега моря, который носитъ характеръ Ривіеры, культивируются, какъ въ окрестностяхъ Ницы, баклажаны, артишоки, дыни, зеленый горошекъ и т. д. Наши первыя весеннія овощи посылаются по желѣзной дорогѣ во всѣ части свѣта: въ Парижъ, въ Берлинъ, въ Москву и Петербургъ. Есть другія мѣстности, гдѣ, наоборотъ, процвѣтаетъ сельское хозяйство, а промышленность играетъ лишь второстепенную роль. Напримѣръ тамъ, въ деревняхъ равнины Есдрелля. Вы конечно не должны думать, что это грязныя гнѣзда, которыя въ былыя времена именовались деревнями. Мы еще сегодня будемъ имѣть случай увидѣть типъ новой деревни, встрѣчающейся теперь вездѣ въ

Палестинѣ, по правую и по лѣвую сторону Іордана.

Они переѣхали черезъ мостъ, переброшенный чрезъ рѣку Кизонъ, и автомобиль помчался быстрѣе среди чудныхъ оранжевыхъ садовъ. Красные и желтые плоды блестѣли въ густой зелени.

— Чортъ побери, да это вѣдь Италія! сказалъ Кингскуртъ.

— Культура—это все! крикнулъ Штейнекъ, какъ будто бы кто-нибудь ему противорѣчилъ,—мы, евреи, внесли культуру въ эту страну.

Решидъ Бей дружески улыбнулся.

— Извините, мой милый, эта культура была здѣсь и раньше, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени; эти оранжевыя деревья посадилъ еще мой отецъ.— Онъ обратился къ Кингскурту и, указывая направо, сказалъ: Это я знаю лучше нашего друга Штейнека: вотъ садъ моего отца! теперь онъ мой.

Чудныя лимонныя деревья красовались предъ ними; на ихъ вѣчно цвѣтущихъ вѣткахъ виднѣлись цвѣты рядомъ съ зелеными и желтыми плодами.

Штейнекъ крикнулъ:—Я не отрицаю, что у васъ и раньше были плантаціи, но только теперь онѣ пріобрѣли значеніе!

Решидъ Бей кивнулъ головой.—Это вѣрно. Наши доходы значительно повысились. Вывозъ апельсиновъ удесятерился съ тѣхъ поръ, какъ мы имѣемъ хорошее сообщеніе со всѣмъ міромъ. Все поднялось въ цѣнѣ благодаря иммиграціи евреевъ.

Одинъ вопросъ, Решидъ Бей! прервалъ Кингскуртъ.

— Эти господа слишкомъ умны, что-бы обидѣться. Не

отразилось-ли поселеніе евреевъ пагубнымъ образомъ на прежнихъ жителяхъ Палестины? Не были-ли они принуждены удалиться? Я конечно имѣю ввиду общую сложность, ибо выгоды отдѣльныхъ личностей ничего не доказываютъ.»

— Что за вопросъ, возразилъ Решидъ. Для насъ всѣхъ это было великимъ благомъ. Понятно болѣе всего для землевладѣльцевъ, которые могли продавать еврейскому Обществу свои участки по высокой цѣнѣ, или же сохранять ихъ, расчитывая на повышеніе ихъ стоимости. Что касается меня, то я продалъ свои участки Новому Обществу, такъ какъ это было для меня выгоднѣе.

— Не сказали-ли Вы только-что, что сады, мимо которыхъ мы проѣзжали, принадлежатъ вамъ?

— Конечно! Продавъ ихъ Обществу, я ихъ снова арендовалъ.

— Зачѣмъ-же Вамъ было продавать ихъ въ такомъ случаѣ?

— Потому что это было выгодно для меня, такъ какъ я желалъ присоединиться къ Новому Обществу, то пришлось подчиниться его уставу. Члены не имѣютъ права обладать частной земельной собственностью.

— Значитъ Фридрихгеймъ принадлежитъ не Вамъ, господинъ Литвакъ?

— Земля — нѣтъ. Я только арендовалъ ее до слѣдующаго юбилейнаго года, также какъ и мой другъ Решидъ.

— До юбилейнаго года? Пожалуйста объяснитесь. Мнѣ иногда кажется, что я проспалъ много интересныхъ событій на своемъ островѣ.

— Юбилейный годъ, сказалъ Давидъ, не новое, а весьма старое учрежденіе нашего учителя Мойсея. Черезъ каждые 7×7 лѣтъ, т. е. каждые 50 лѣтъ приблизительно, проданная земля возвращалась даромъ первоначальному ея владѣльцу. Мы нѣсколько видоизмѣнили это. У насъ земля переходитъ къ Новому Обществу. Мойсей хотѣлъ достигнуть этимъ соціальной справедливости въ распредѣленіи земель. Вы увидите, что нашъ образъ дѣйствій ведетъ къ этой цѣли. Повышеніе цѣнности земли служитъ на пользу «Общества,» а не на пользу отдѣльныхъ лицъ.

Предвидя возраженія со стороны Кингскурта, Штейнекъ пожеллалъ предупредить его:—Вы можетъ быть, скажете, что никто не пожелаетъ производить улучшеній и возводить зданія на землѣ, не принадлежащей ему?

— О нѣтъ, сударь, этого я не скажу. Прошу васъ не считать меня такимъ дуракомъ. Я знаю, что въ Лондонѣ люди строятъ свои дома на чужихъ участкахъ, которые арендованы ими на 99 лѣтъ. Это вѣдь то-же самое... но я хотѣлъ спросить васъ, любезный Бей, что сталось съ прежними безземельными жителями—съ многочисленными арабскими магометанами?

— Г. Кингскуртъ, на этотъ вопросъ легко отвѣтить, сказалъ Решидъ,—тѣ, которые ничѣмъ не владѣли, которымъ стало-быть терять было нечего, конечно остались въ выигрышѣ. Они пріобрѣли: заработокъ, пропитаніе, благосостояніе. Трудно себѣ представить нѣчто болѣе ниценское и плачевное, чѣмъ арабская деревушка въ Палестинѣ въ концѣ 19-го столѣтія. Крестьяне ютились въ ужасныхъ гнѣздахъ, слѣплен-

ныхъ изъ глины, которыми не удовлетворились бы и животныя. Дѣти лежали голые, безъ присмотра на улицахъ и росли какъ Божья скотина. Теперь все это измѣнилось. Они невольно извлекли пользу изъ гуманіозныхъ общественныхъ учрежденій, независимо отъ того, присоединились-ли они къ Новому Обществу или нѣтъ. Когда приступили къ осушенію болотъ, когда провели каналы и посадили евкалиптовыя деревья, оздоравливающіе почву,—тогда мѣстныя выносливыя работники нашли примѣненіе своему труду и хорошее вознагражденіе. Взгляните-ка на поле! Я помню еще со временъ своего дѣтства, что здѣсь были болота. Новое Общество дешевле всего пріобрѣло эту почву и обработало её.

Поля принадлежатъ чистой деревушкѣ, которую вы видите тамъ на холмѣ. Это-арабская деревня. Вы видите маленькую мечеть? Эти бѣдные люди стали гораздо счастливѣе, они могутъ хорошо прокормиться, ихъ дѣти здоровѣе и учатся кой-чему. Ихъ вѣра и древніе обычаи нисколько не пострадали, а благосостояніе возросло.

— Какіе вы, магометане, странные! Развѣ вы не смотрите на евреевъ какъ на непрошенныхъ пришельцевъ? —

— Христіанинъ, какъ странно звучитъ твоя рѣчь!— отвѣтилъ привѣтливо Решидъ.—Развѣ вы стали бы считать разбойникомъ того, кто у васъ ничего, ничего не отнялъ, а наоборотъ далъ вамъ многое?—Евреи насъ обогатили, за что же ихъ ненавидѣть? они живутъ съ нами какъ братья, отчего вамъ не любить ихъ? У меня среди моихъ единовѣрцевъ не было никогда лучшаго друга, чѣмъ Давидъ Литвакъ. Онъ можетъ явиться

ко мнѣ днемъ или ночью и потребовать что угодно— я ему все отдамъ. Я знаю также, что и я могу расчитывать на него какъ на брата. Онъ молится въ другомъ храмѣ тому же Богу, который надъ всѣми нами, и мнѣ всегда кажется, что наши молитвы, возносясь къ небу, сливаются въ вышинѣ и продолжаютъ вмѣстѣ свой путь къ Престолу Господа Бога.—Решидъ говорилъ просто и искренно.—Всѣ были тронуты: даже Кингскуртъ. Онъ кашлянулъ:

— Гмъ-гмъ. Это вѣрно, да совершенно справедливо. Но вы человѣкъ образованный, вы учились въ Европѣ. Все это не относится къ простымъ деревенскимъ и городскимъ жителямъ.—

— Напротивъ, скорѣе къ нимъ Мистеръ Кингскуртъ. Извините меня, но вѣротерпимости я научился не на западѣ. Мы магометане, всегда жили дружнѣе съ евреями, чѣмъ вы христіане. Даже въ то время, когда появились здѣсь первые еврейскіе колонисты, въ концѣ прошлаго столѣтія, иногда случалось, что арабы выбирали судьей еврея или обращались къ старшинѣ еврейской колоніи за совѣтомъ, за помощью или за приговоромъ. Тогда не было никакихъ затрудненій. И доколѣ не восторжествуетъ направленіе д-ра Гейера, наша общая родина будетъ процвѣтать.—

— Да, скажите, кто этотъ Гейеръ, про котораго я столько слышу?

Штейнекъ побагровѣлъ отъ злости и закричалъ:

— Это проклятый, кривляка, ханжа и обманщикъ. Этотъ негодяй хочетъ занести къ намъ нетерпимость. Я право смирный человѣкъ, но когда я вижу такого фанатика, мнѣ хочется переломать ему ребра.

— И вы считаете себя «толерантнымъ»,—засмѣялся Кингскуртъ,—воображаю какъ ведутъ себя у васъ «нетолерантные люди!»

— Болѣе кротко!—пошутилъ Давидъ.

Автомобиль тѣмъ временемъ проѣхалъ чрезъ долину и ѣхалъ къ востоку, по холмистой мѣстности, подвигаясь съ одинаковой скоростью на подъемахъ и на спускахъ. Вездѣ склоны холмовъ были обработаны, каждый клочекъ земли былъ использованъ. На болѣе крутыхъ мѣстахъ возвышались террассы какъ во времена Соломона. Здѣсь росли: виноградъ, гранаты и фиги. Многочисленныя школы лѣсоводства указывали на то, какъ заботливо жители относились къ насажденію лѣсовъ въ этой полосѣ, нѣкогда совершенно лишенной растительности. На фонѣ голубого неба обрисовывались контуры кипарисовъ и пиній, ростущихъ на гребняхъ маленькихъ горъ.

Затѣмъ автомобиль спустился въ перелестную долину, поразившую путешественниковъ обиліемъ цвѣтовъ. Предъ ними разстилался блестящій коверъ изъ бѣлыхъ, желтыхъ, красныхъ голубыхъ и зеленыхъ цвѣтовъ. Имъ представилось, что они окунулись въ море благоуханій. Легкій вѣтерокъ доносилъ ароматныя воздушныя волны и гости были очарованы этой игрой природы, которую они не могли себѣ объяснить. Тогда имъ указали на грандіозное садовое заведеніе, предназначенное для производства духовъ. Здѣсь въ громадномъ количествѣ разводили жасминъ, туберозы. геранiумъ, нарциссы, фіалки и розы. Эта долина представляла собою настоящій садъ. Встрѣчающіеся на краю

дороги крестьяне привѣтствовали проѣзжающихъ поклонами, которые относились то къ Литваку, то къ Решиду или Штейнеку. Всѣ трое, казалось, имѣли много знакомыхъ среди видимо довольныхъ поселянъ. Такимъ образомъ они доѣхали до мѣстечка Сефориса, гдѣ экипажъ въ первый разъ остановился. На площади передъ греческой церковью, [illegible] слѣзъ и попросилъ своихъ друзей немного подождать его: онъ долженъ былъ сдѣлать короткій визитъ священнику. И онъ зашелъ въ хорошенькій домъ у самой церкви. Другіе также покинули экипажъ, чтобы пройтись по косогорью до развалинъ старой, разрушенной церкви. Оттуда открывался чудный видъ на плодородную долину до самаго Кармеля. И Маріамъ разсказала, что здѣсь однажды стояла церковь имени Іоахима и Анны, родителей Маріи, Матери Іесуса, жившихъ здѣсь. Новая греческая церковь служила русскимъ христіанамъ, колонія которыхъ была расположена близъ Сефориса. Давидъ былъ друженъ со священникомъ, и приглашалъ его пріѣхать въ Тиверію на сейдеръ. Давидъ вскорѣ появился въ сопровожденіи представительнаго священника. Выразивъ сожалѣніе въ томъ, что онъ не можетъ сейчасъ присоединиться къ нимъ, священникъ обѣщалъ пріѣхать послѣ обѣда электрической конкой, такъ что онъ пожалуй, могъ опередить общество въ Тиверіи и раньше явиться къ родителямъ Литвака. Затѣмъ всѣ распростились и автомобиль покатился къ сѣверу по направленію къ долинѣ.

Глава II.

Стеклянная перегородка между передней и средней частью автомобиля была спущена, чтобы облегчить разговоры между пассажирами, сидящими въ разныхъ концахъ. За предѣлами Сефориса имъ пришлось остановиться на нѣсколько минутъ передъ заставой, такъ какъ ожидался поѣздъ. Дѣйствительно онъ промчался мимо по направленію къ югу. Пріѣзжіе удивились, не замѣтивъ дыма надъ локомотивомъ, но имъ объяснили, что двигатели были здѣсь электрическіе какъ и въ большинствѣ палестинскихъ поѣздовъ. Въ этомъ то и заключалось одно изъ великихъ преимуществъ новой культуры. Благодаря тому, что съ конца 19-го столѣт. въ Палестинѣ все находилось въ запустѣніи, въ какомъ-то первобытномъ состояніи, было легче сразу примѣнить здѣсь всѣ техническія усовершенствованія. Тѣ-же пріемы примѣнялись и при закладкѣ городовъ, при постройкѣ каналовъ и путей сообщенія, въ сельскомъ хозяйствѣ и въ промышленности. Еврейскіе переселенцы, стекавшіеся со всѣхъ концовъ свѣта, имѣли возможность пользоваться опытами культурныхъ народовъ. Окончившіе-же курсъ въ университетахъ, высшихъ техническихъ, сельско-хозяйственныхъ и коммерческихъ училищахъ стояли вполнѣ на высотѣ своего призванія. И вотъ несчастная интелигентная молодежь, не нашедшая примѣненія своимъ способностямъ въ антисемитскихъ странахъ, павшая тамъ до состоянія безнадежнаго, воинствующаго пролетаріята, эта образованная, но отчаяьшаяся еврейская молодежь стала благословеніемъ для Палестины, такъ какъ она занесла сюда

всѣ новости науки съ ея практическими примѣненіями. Вотъ что сообщилъ Давидъ. Фридриху вдругъ вспомнилось слово, сыгравшее большую роль въ его жизни и онъ обратился къ своему другу съ вопросомъ, непонятнымъ для другихъ:

— Образованный, но отчаявшій юношa! -Помните, Кингскуртъ? Не удивительно, что отозвался еврей. Въ то время среди насъ было много такихъ.

Но Кингскуртъ интересовался больше разсказомъ Давида, чѣмъ изліяніями Фридриха:

— Однако вы хитрый народецъ; намъ оставили заржавленное желѣзо, а сами пользуетесь новыми машинами.

Штейнекъ вступился:

— Ужъ не слѣдовало-ли намъ покупать старье, когда за тѣ-же деньги мы могли пріобрѣсти новый и прочный матеріалъ? Впрочемъ, все что вы здѣсь видите, существовало уже въ концѣ прошлаго столѣтія въ Европѣ и въ Америкѣ, особенно въ Америкѣ. Американцы во всемъ опередили выжившихъ изъ ума европейцевъ. Мы у нихъ и научились устройству электрическихъ дорогъ и многому другому.

Намъ этотъ переходъ къ современнымъ усовершенствованіямъ обошелся гораздо дешевле такъ какъ не пришлось амортизировать существующаго и пользоваться дурнымъ старымъ матеріаломъ до полнаго его разрушенія. Наши вагоны имѣютъ всѣ удобства, вентиляцію, освѣщеніе, отсутствіе дыма и пыли, и въ нихъ почти не испытываешь тряски, хотя они движутся очень быстро. Пассажиры рабочихъ вагоновъ не заключаются въ какіе-то отвратительные хлѣвы, какъ въ

былое время. Мы заботимся о народномъ здравіи при такомъ важномъ дѣлѣ, какъ передвиженіе массъ. Вамъ вѣрно будетъ интересно узнать, какая плата взимается у насъ. Мы для пассажирскаго движенія воспользовались тарифомъ, введеннымъ въ Баденѣ, во время правленія мудраго и добраго герцога Фридриха. Мы хотѣли облегчить всѣмъ возможность пріисканія работы. У насъ вы не натолкнетесь на то, чтобы между мѣстностью, гдѣ нуждаются въ рабочей силѣ, и мѣстностью, гдѣ эта рабочая сила остается безъ примѣненія, вагоны были незаняты изъ за высокихъ цѣнъ на проѣздъ. Отъ Ливана до Мертваго моря, отъ береговъ Средиземнаго моря до Джолана и Гаурана проведены рельсы, и онѣ способствуютъ также какъ и канализація оплодотворенію земли. Понятно, что и грузовое движеніе, какъ мѣстное, такъ и вывозное, очень значительно, такъ какъ мы обладаемъ хлѣбными складами и портами, и сообщаемая съ малоазіятскими и африканскими линіями. Однако теперь я не стану говорить о всѣхъ соціальныхъ и экономическихъ выгодахъ нашего желѣзнодорожнаго сообщенія. Эти вещи вамъ знакомы, господа, хоть вы и жили 20 лѣтъ внѣ міра сего. Все это люди знали уже 20 лѣтъ тому назадъ по опыту.

— Несмотря на ихъ ограниченность!—любезно замѣтилъ Штейнекъ.

Давидъ продолжалъ: -Но какъ мало тогда знали о красотѣ нашей дорогой страны! Правда, многое было создано нашей культурой работой, но божественные дары природы много столѣтій существовали нигдѣ не видѣнные, не признанные, забытые. Найдется-ли на всемъ свѣтѣ страна, въ которой, подобно нашей, во

всѣ времена года можно любоваться весной? У насъ существуетъ теплая полоса, умѣренная и холодная и всѣ полосы расположены недалеко одна отъ другой. На югѣ Іорданской долины—почти тропическая растительность, у берега моря великолѣпіе итальянской и французской Ривіеры, и по близости трагически-величественныя горы Ливана и Антиливана и покрытый снѣгомъ великій Гермонъ. И все это можно объѣхать въ нѣсколько часовъ. Да, Богъ благословилъ нашу страну!

— Да,—сказалъ Рашидъ,—у насъ путешествія доставляютъ громадное удовольствіе. Я иногда сажусь въ вагонъ и разъѣзжаю безъ всякой цѣли, просто чтобы любоваться изъ оконъ ландшафтами.

— Многоуважаемый хозяинъ,—замѣтилъ Кингскуртъ,—я нахожу, что вы первымъ дѣломъ должны были ознакомить насъ съ этимъ—не въ обиду будь это сказано вашему „ковчегу", въ которомъ право ѣздится недурно.

Давидъ извинился.—Я по двумъ причинамъ не повезъ васъ, по желѣзной дорогѣ, господа. Вопервыхъ въ „ковчегѣ" можно лучше ознакомиться съ мѣстностью и населеніемъ, а вовторыхъ потому, что я опасался передъ праздниками большого наплыва чужестранцевъ на линіи Хаифа—Назаретъ—Тиверія. Конечно и эта космополитическая сутолока, эта смѣсь всѣхъ націй, эта толпа христіанскихъ богомольцевъ,—представляютъ большой интересъ. Но я желалъ прежде всего познакомить васъ съ органической жизнью нашего общества.

— Да, какъ же вы рѣшили вопросъ относительно святыхъ мѣстъ?—спросилъ Фридрихъ.

— Очень просто,—отвѣтилъ Давидъ.—Когда этотъ вопросъ возникъ въ прошломъ столѣтіи благодаря сіонизму, многіе евреи, подобно вамъ, считали невозможнымъ устранить это затрудненіе. Вслѣдствіе вашего долгаго отсутствія вы повидимому еще придерживаетесь этого устарѣвшаго взгляда. Прежде всего уже 25 лѣтъ тому назадъ, обсужденія печати также какъ и взгляды компетентныхъ государственныхъ и церковныхъ дѣятелей привели насъ къ тому выводу, что эти опасенія существовали только въ воображеніи слишкомъ запуганныхъ евреевъ. Вѣдь христіанскія святыни находились же съ незапамятныхъ временъ въ рукахъ нехристіанъ. Такъ же какъ крестовые походы со временемъ стали невозможными, такъ же со временемъ измѣнился и взглядъ на владѣніе освященными вѣрой мѣстами и смѣнился болѣе возвышеннымъ пониманіемъ вопроса. Готфридъ Бульонскій и его рыцари считали позоромъ то, что Палестина принадлежала мусульманамъ. Найдете ли вы подобное чувство у рыцарей и графовъ 19-го вѣка? А правительства? Развѣ они осмѣлились бы испросить у парламента кредитъ для завоеванія Святой Земли? Подобная война повлекла бы за собой войну съ другими христіанскими державами. Это былъ бы крестовый походъ не противъ полумѣсяца, а противъ креста. Такимъ образомъ пришли къ заключанію, что всѣмъ лучше держаться существующаго status quo. Конечно это была точка зрѣнія утилитарно-политическая. Рядомъ существовала и болѣе возвышенная, —идеально-политическая. если можно такъ выразиться; сообразно этой теоріи религіозныя чувства удовлетворялись гораздо болѣе. когда святыя мѣста,

откуда возносятся молитвы Всевышнему, не принадлежали ни одному изъ властвующихъ государствъ исключительно. По міровозрѣнію, заимствованному изъ римскаго права, эти святыя мѣста составляли какъ бы res sacrae, estra commercium. Это было самое вѣрное, единственное средство, превратить ихъ во вѣки вѣковъ въ достояніе всѣхъ вѣрующихъ. Когда вы пріѣдете въ Назаретъ, Іерусалимъ или Виѳлеемъ, то увидите толпы примиренныхъ паломниковъ. Даже меня, убѣжденнаго еврея, эти картины глубокой вѣры приводятъ въ умиленіе.

— Виѳлеемъ и Назаретъ напоминаютъ мнѣ Лурдъ— сказалъ Штейнекъ,—тоже оживленіе, тѣ-же отели, ночлежные дома и монастыри.

Разговаривая такимъ образомъ они доѣхали до равнины. Она занимала большое пространство, засѣянное пшеницей, рожью, маисомъ и хмѣлемъ, макомъ и табакомъ. Въ долинѣ и на склонѣ горъ были расположены деревни и хозяйственныя постройки, на сочныхъ пастбищахъ мирно паслись овцы и бараны. Мѣстами виднѣлось блестящее на солнцѣ желѣзо сельскохозяйственныхъ машинъ. И въ этотъ солнечный весенній день весь ландшафтъ производилъ впечатлѣніе мира и довольства.

Они проѣзжали мимо маленькихъ мѣстечекъ, заглядывали въ крестьянскіе хутора, видѣли мужчинъ и женщинъ за работой, дѣтей за играми и стариковъ, грѣющихся на солнышкѣ. Чѣмъ дальше они ѣхали, тѣмъ увеличивалось количество пѣшеходовъ. Очевидно всѣ стремились къ общей цѣли, и этой общей цѣлью служило большое селеніе, расположенное на горѣ. На-

ши путешественники обгоняли пѣшеходовъ, которые имъ кричали „Гедадъ", и кланялись имъ. Нѣкоторые однако неохотно брались за шапки, или же совсѣмъ отворачивались отъ нихъ. Автомобиль привлекалъ общее вниманіе. Когда онъ проѣзжалъ, изъ дворовъ выходили люди, которые пускались вслѣдъ за нимъ бѣгомъ. Нѣкоторые сѣли на лошадей и помчались вслѣдъ за нимъ, другіе старались обогнать автомобиль на велосипедахъ. Гостямъ Давида скоро показалось, что ихъ пріѣздъ ожидали. Такъ оно и было въ дѣйствительности. Поселеніе, съ чудными амбарами, съ откормленнымъ скотомъ и засѣянными полями, называлось—„Новая деревня" (Нейдорфъ). Толпа людей ждала ихъ у главнаго общественнаго зданія, и какъ только они подъѣхали, громкое „Гедадъ!" раздалось со всѣхъ сторонъ.

— „Гедадъ" это тоже самое, что „ура!"—пояснилъ Решидъ Кингскурту, когда они слѣзали съ автомобиля.

— Я такъ и думалъ, что это обозначаетъ или „ура" или „долой!"—ухмыльнулся старикъ.

Между тѣмъ они не могли сейчасъ же войти въ домъ потому, что маленькій хоръ школьниковъ подъ управленіемъ учителя, долженъ былъ пропѣть имъ еврейскій привѣтственный гимнъ. Они должны были прослушать его стоя.

Затѣмъ вышелъ представитель общины, Фридманъ, рослый мужикъ сорока лѣтъ, и произнесъ короткую рѣчь, въ которой привѣтствовалъ гостей, особенно вожаковъ партіи,—Литвака и Штейнека. Говорилъ онъ на русско-еврейскомъ діалектѣ.

— Чертъ побери!—проворчалъ Кингскуртъ на ухо Давиду, стоявшему около него,—я совсѣмъ не зналъ что вы вожакъ партіи!

— Только временно, на нѣсколько недѣль, это не моя профессія.

Между тѣмъ вышелъ впередъ другой крестьянинъ, тоже здоровый, загорѣлый малый; онъ смущенно вертѣлъ шапку въ рукахъ и произнесъ неувѣреннымъ голосомъ:

— Господинъ Литвакъ и господинъ Штейнекъ, позвольте высказаться и мнѣ! Нѣсколько кулаковъ поднялось тотчасъ же на нежданнаго оратора, и многіе закричали:

— Пускай Мендель не говоритъ! Ему нечего говорить!

Но Мендель упорно продолжалъ стоять и его рѣшительность росла, несмотря на протесты.

— Я буду говорить!

Поднялся шумъ. „Нѣтъ, нѣтъ!“ кричало большинство. А сторонники Менделя настаивали: „Да, да пускай онъ говоритъ“.

Давидъ поднялъ руку и успокоилъ толпу словами:

— Конечно онъ можетъ говорить! Мендель обратился насмѣшливо къ своимъ противникамъ:—Вотъ видите, господинъ Литвакъ умнѣе васъ всѣхъ; вотъ что я хотѣлъ сказать: Фридманъ не говорилъ отъ имени всей общины.

Опять поднялся шумъ:—„Да, да, онъ вѣдь нашъ представитель!

Мендель продолжалъ, не обращая вниманія на крики:

— Привѣтствовать гостей онъ могъ отъ имени всѣхъ, мы обращаемся вѣжливо съ нашими гостями, но онъ не имѣлъ права привѣтствовать этихъ господъ какъ вожаковъ потому, что въ нашей деревнѣ есть и другая партія, которая не идетъ за господиномъ Литвакомъ. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать вамъ, господа! Во время рѣчи Менделя, шумъ немного стихъ; казалось даже, что многіе были довольны его доводомъ, такъ какъ такимъ образомъ и гостепріимство было соблюдено и права обоихъ партій были сохранены.

— Ого, сказалъ Кингскуртъ Штейнеку,—кажется, мы попали въ враждебный лагерь?

— Не бойтесь, они насъ не съѣдятъ, отвѣтилъ архитекторъ,—на то мы вѣдь и пріѣхали, что-бы привлечь ихъ на нашу сторону. Я берусь справиться съ ними... Боже мой, гдѣ же моя рѣчь? Онъ осмотрѣлъ свой чемоданъ, который принесъ ему лакей.—Моей рѣчи здѣсь нѣтъ.

Госпожа Сарра засмѣялась:- Вѣдь вы ее имѣли съ собой?

— Теперь я припоминаю, что я положилъ ее въ сундукъ.

Міріамъ сказала:—Такъ говорите же экспромптомъ!

Штейнекъ скорчилъ отчаянное лицо: съ экспромптами ему обыкновенно не везло.

Толпа вдругъ зашевелилась:—Ребъ Шмуль идетъ,—послышалось съ разныхъ сторонъ, и всѣ почтительно разступились. Рабби Самуилъ былъ сгорбленый старикъ, очень кроткій и привѣтливый. Онъ пожалъ руку Давида своими дрожащими старческими руками и привѣтствовалъ его сердечно, такъ, что видно было, что онъ

не стоялъ на сторонѣ Менделя. Между тѣмъ Маріамъ разсказала гостямъ, кто былъ этотъ сѣдой раббн: онъ пришелъ въ страну съ первыми переселенцами, когда эта плодородная долина была еще настоящей пустыней, когда долина Азохиса за сѣверными холмами была покрыта болотами, и на югѣ широкая долина Есрееля представляла собой образецъ старыхъ временъ. Рабби Самуилъ былъ духовникомъ и утѣшителемъ жителей Нейдорфа, большей частью пришельцевъ изъ Россіи, которые хотѣли внести культуру въ старую родину. Онъ былъ простымъ деревенскимъ раввиномъ, и не покидалъ никогда своей общины, хотя многія большія городскія общины часто приглашали его къ себѣ. Всѣ его уважали за его религіозный и мудрый образъ жизни. Восточная часть деревни, гдѣ стоялъ домикъ раввина, называлась «садомъ Самуила.» И въ праздничные дни, когда рабби Самуилъ проповѣдывалъ въ храмѣ Нейдорфа, всѣ жители собирались издалека, что-бы внимать его словамъ.

Представитель общины, Фридманъ, велѣлъ подать гостямъ закуску и напитки. На площади предъ домомъ была выстроена палатка изъ высокихъ шестовъ и вѣтокъ, покрытыхъ полотномъ. Вся толпа направилась туда. Для ораторовъ была приготовлена деревянная эстрада; въ первомъ ряду стояли стулья для рабби Самуила и для гостей. Для остальныхъ были скамейки; многіе должны были стоять. Фридманъ говорилъ первый, и увѣщевалъ слушателей, прося не мѣшать оратору, даже если они не будутъ согласны съ его мнѣніемъ; они обязаны соблюсти это правило, чтобы не

испортить добраго имени Нейдорфа. Затѣмъ онъ далъ слово архитектору Штейнеку.

Штейнекъ взошелъ на эстраду, кашлянулъ нѣсколько разъ и началъ сперва заикаясь, оживляясь затѣмъ все больше и больше:

— Дорогіе собратья! Со мной по дорогѣ случилось несчастіе,—я потерялъ—гм—свою рѣчь! Я приготовилъ рѣчь для васъ, очень хорошую, красивую рѣчь,... вы должны мнѣ вѣрить на слово потому, что вы вѣдь ее не услышите больше.

Нѣкоторые засмѣялись, Штейнекъ продолжалъ.

— Наше Новое Общество стоитъ теперь на рубежѣ,—гм—да, на рубежѣ,—гм. Я ничего больше не скажу вамъ какъ—на рубежѣ!

Ораторъ вытеръ лобъ и продолжалъ:

— Въ чемъ-же состоитъ это, друзья мои?

Но раньше чѣмъ заглядывать впередъ... гм... я хочу обратить ваше вниманіе на ваше, на наше прошлое

Что было наше прошлое? гм...

«Гето!»

— Совершенно вѣрно!—раздались голоса изъ толпы.

— Кто васъ вывелъ изъ гето? Кто?

Мендель крикнулъ сильнымъ голосомъ:

— Мы сами!

— Тише, тише!

Штейнекъ началъ горячиться.

— Кто это, мы сами? Мендель-ли это или кто другой?

Мендель крикнулъ опять:—это народъ!

— Я прошу не перебивать меня! гм... впрочемъ я повторяю слова Менделя, — народъ. Да народъ, конечно народъ! Но народъ самъ не былъ въ состояніи совершить это, гм... нашъ народъ былъ разсѣянъ по всему свѣту маленькими безсильными кучками. Раньше чѣмъ онъ могъ самъ помочь себѣ, нужно было его соединить,

Мендель опять перебилъ его:

— Да, да, вожаки! это мы уже знаемъ.

— Замолчи, Мендель, прикрикнулъ на него Фридманъ.

— Пожалуйста, господинъ Штейнекъ, продолжайте.

— Гм, гм, я продолжаю. «Вожаки,» говоритъ Мендель, мнѣ кажется онъ говоритъ это съ насмѣшкой. гм, но это вѣрно.

Гдѣ былъ тогда вашъ Гейеръ, который теперь травитъ васъ на насъ? Я вамъ разскажу: Вашъ докторъ Гейеръ былъ тогда антисіонистомъ, я его зналъ. Онъ и тогда былъ нашимъ ярымъ противникомъ, но приводилъ другія причины, совсѣмъ другія. Только въ одномъ онъ всегда остается вѣренъ себѣ. Я скажу вамъ, чѣмъ онъ былъ, что онъ есть и чѣмъ онъ будетъ: онъ приверженецъ—ближайшей выгоды. Когда мы, первые сіонисты, начали выводить нашъ народъ въ нашу страну, тогда господинъ раввинъ Гейеръ насъ ругалъ дураками и обманщиками.

Молодой крестьянино 25 лѣтъ приблизился къ эстрадѣ и вѣжливо сказалъ:

— Извините, господинъ Штейнекъ, это невозможно. Вѣдь всегда было извѣстно, что мы евреи составляемъ народъ, и что Палестина наша законная страна.

Какъ же господинъ Гейеръ могъ когда либо утверждать противоположное?

— Но онъ это дѣлалъ! прорычалъ Штейнекъ, онъ отрицалъ нашъ народъ и нашу страну. Онъ вычиталъ изъ молитвенника слово «Сіонъ,» и хотѣлъ убѣдить барановъ, которые его слушали, что это означаетъ нѣчто другое. Подъ словомъ «Сіонъ» онъ понималъ что то другое! Все другое понимать подъ этимъ словомъ, только не единственное вѣрное! Сіонъ былъ вездѣ, только не въ Сіонѣ!

Нѣкоторые кричали:—Нѣтъ, нѣтъ, Гейеръ не говорилъ этого! это невозможно! Тогда всталъ рабби Самуилъ. Опираясь дрожащей рукой на палку, онъ поднялъ свободную руку и всѣ замолчали.

— Это правда! сказалъ старикъ,—были и такіе раввины; можетъ быть Гейеръ былъ тоже однимъ изъ нихъ. Этого я не знаю, но долженъ вѣрить Штейнеку. Были и такіе раввины, были,... онъ остановился и сѣлъ въ изнеможеніи. Но Штейнекъ, который самъ себя перекрикивалъ, когда входилъ въ азартъ, продолжалъ:

— Такіе раввины тогда намъ портили дѣло и этотъ раввинъ и продолжаетъ портить намъ его до сихъ поръ. Въ первыя тяжелыя времена, онъ вовсе не хотѣлъ говорить о Палестинѣ. Теперь онъ болѣе ярый приверженецъ Палестины, нежели мы всѣ. Онъ патріотъ, онъ націоналистъ,—а мы друзья инородцевъ. и, судя по его словамъ, мы плохіе евреи, мы чужіе въ его Палестинѣ. Да, онъ хочетъ поссорить насъ съ общиной, онъ сѣетъ раздоръ между вами и нами. Раньше, въ гетто, богачи были самые вліятельные лица въ общинѣ, и тогда онъ говорилъ ихъ словами.

Сіонизмъ былъ неудобенъ богачамъ, и потому онъ въ ихъ духѣ говорилъ о роли еврейства. Тогда онъ говорилъ, что еврейскій народъ не долженъ вернуться въ свою родину, потому, что это могло повредить господамъ банкирамъ. Онъ, и ему подобные люди выдумали тогда басни о «миссіи» еврейскаго народа. Миссія заключалась въ томъ, что-бы учить всѣ другіе народы. И потому мы должны жить въ изгнаніи. Если-бы народы не презирали и не ненавидѣли насъ уже раньше, то они должны были смѣяться надъ нами за такое нахальство. Но вышло, что не мы учили, а что насъ проучили, и что мы такъ настрадались, что начали наконецъ искать исхода изъ нашего положенія и мы нашли еще разъ выходъ изъ Мицраима. Тогда, конечно, и господинъ Гейеръ пошелъ вслѣдъ за нами, съ своимъ прежнимъ нахальствомъ и притворствомъ. Но слава Богу, въ еврейскихъ общинахъ теперь другіе порядки. Не богачи предписываютъ законы,—а всѣ. Почетныя мѣста не раздаются какъ преміи за удачныя дѣла, какъ это дѣлалось раньше. Представителей не выбираютъ теперь по богатству, а по честности и дѣльности. Вотъ онъ и придумалъ новую теорію, что-бы льстить народнымъ инстинктамъ, и показалъ имъ ложную выгоду,—то что народъ считаетъ своей выгодой. Потому онъ и началъ борьбу противъ иностранцевъ, и предлагаетъ не принимать въ нашу общину не евреевъ. Чѣмъ меньше людей за столомъ, тѣмъ больше хлѣба достается каждому. Но вы думаете, что это ваша ближайшая выгода? Это не вѣрно. Страна обѣднѣетъ и придетъ въ упадокъ, если вы будете придерживаться такой узкой и безразсудной

политики. Мы стоимъ за принципъ, сообразно которому каждый, кто служилъ общинѣ два года, (если это установлено), и кто служилъ ей эти два года честно, имѣетъ право сдѣлаться членомъ общины, какой бы онъ не былъ національности и вѣры. И потому я совѣтую вамъ, почитать неуклонно то, что сдѣлало насъ великимъ народомъ, свободу, терпимость и любовь къ ближнимъ. Только тогда Сіонъ булетъ Сіономъ. Вы будете выбирать представителя для конгресса; не выбирайте того, кто думаетъ о непосредственной выгодѣ, а изберите лицо, которое печется о постоянной прочной выгодѣ Сіона. Но если вы изберете сторонника Гейера, то вы не достойны того, что-бы солнце нашей святой земли освѣщало васъ. Я кончилъ.

Успѣхъ рѣчи былъ не великъ. Нѣсколько разъ въ теченіе рѣчи ораторъ успѣлъ произвести впечатлѣніе на своихъ слушателей, но конецъ ихъ замѣтно опечалилъ. Только одному лицу понравились его послѣднія слова, и онъ это сказалъ архитектору, когда тотъ сѣлъ около него, обливаясь потомъ. Этимъ лицомъ былъ никто иной какъ Кингскуртъ, но онъ не имѣлъ права голоса въ Нейдорфѣ.

Глава III.

— Кто еще хочетъ говорить?—спросилъ предсѣдатель

— Я,—крикнулъ Мендель, и вскочилъ на эстраду.

— Господинъ архитекторъ Штейнекъ произнесъ намъ рѣчь; можно сказать красивую рѣчь, но можно сказать и грубую рѣчь. Я говорю, что это была грубая рѣчь.

Фридманъ перебилъ его:

— Послушай, Мендель, обижать я не позволяю.

Но Мендель возразилъ:

— Обижать? кто обижаетъ? онъ насъ обидѣлъ. Онъ сказалъ, что мы не достойны, чтобы солнце насъ освѣщало. Почему мы не достойны? Потому что мы не хотимъ впускать къ себѣ каждаго? Кто трудился и обрабатывалъ землю? Мы! Кто выкапывалъ камни? Мы! Кто осушалъ болота, рылъ каналы, сажалъ деревья? Кто потѣлъ и кто мерзъ, пока все еще не было готово? Мы, мы, мы! И чтобы все это теперь принадлежало другимъ? Когда мы пришли сюда, здѣсь ничего не было, а теперь у насъ образцовое хозяйство. Тутъ нашъ потъ, и наша кровь, и наша работа! Что касается Гейера, то я не знаю, что онъ говорилъ раньше, но теперь онъ правъ; это я знаю. То, что мы выработали своимъ трудомъ, должно принадлежать намъ, и мы никому не уступимъ этого. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать!

Толпа слегка апплодировала, но сдерживала свои порывы изъ уваженія къ гостямъ. Когда Мендель сошелъ, Давидъ Литвакъ направился къ эстрадѣ; его лицо было задумчиво, когда онъ началъ громкимъ, яснымъ голосомъ:

— Друзья мои! Слушайте меня. Вы знаете, что я вышелъ изъ вашей среды. Я работалъ какъ вы на поляхъ около моего отца Я поднялся немного выше, но я знаю радости и горести крестьянина. Я знаю какого намъ на душѣ, но всетаки я говорю, что Мендель— не правъ.

Я долженъ вамъ сказать, что никто и не думаетъ отнимать у васъ того, что вамъ принадлежитъ. Если

кто нибудь попробовалъ-бы сдѣлать это, я самъ первый сражался-бы за васъ до послѣдней капли крови. Рѣчь идетъ вовсе не о томъ, что бы отнять у васъ плоды вашихъ трудовъ и лишить васъ вашихъ правъ. Вопросъ поставленъ совсѣмъ иначе, чѣмъ вамъ его представили. Мендель говоритъ искренно, но онъ ошибается. Вопервыхъ онъ ошибается если думаетъ, что все окружающее—дѣло вашихъ рукъ. Ваши руки работали, но не ваши головы придумали все это. Хотя вы не такъ невѣжественны какъ крестьяне прежнихъ временъ и другихъ странъ, но всетаки вы не знаете происхожденія теперешнихъ счастливыхъ условій существованія. Что такое Нейдорфъ? Кто его видитъ въ первый разъ, тотъ будетъ только удивляться и радоваться, что на старой дорогѣ въ Тиверію, (Води Румане), образовалось такое цвѣтущее поселеніе. Сегодня я ѣздилъ съ двумя иностранцами, и я съ гордостью показывалъ имъ наши зеленѣющія поля, наши цвѣтущіе сады, наши зданія, наши машины, водоснабженіе и высушенныя болота. Я говорю—наши, хотя ни одинъ клочекъ земли не принадлежитъ мнѣ. Все ваше, но я чувствую себя здѣсь какъ дома и потому говорю „наше“. И если вы меня спросите кто сотворилъ все это въ какіе нибудь 20 лѣтъ, то я вамъ отвѣчу какъ Мендель: „Мы, мы и мы“.

Да, но какъ? Развѣ мы просто пришли и принялись за работу, какъ говоритъ Мендель, нашими неумѣлыми руками, непривычными, къ полевымъ работамъ. Какъ могли мы достичь такихъ результатовъ, которыхъ здѣсь раньше никто не могъ достигнуть, по крайней мѣрѣ пока не пришли нѣмецкіе протестанти

крестьяне въ концѣ 19-го столѣтія и не основали здѣсь нѣсколько колоній. И этихъ дѣльныхъ людей мы догнали въ культурѣ, даже опередили ихъ.

Какъ это произошло?

Правда вы работали для нашего святого дѣла съ усердіемъ и вдохновеніемъ, свойственнымъ евреямъ. Для другихъ это была неплодотворная почва, для насъ она была хороша потому, что мы удобряли ее нашей любовью. Наши первые славные колонисты доказали это уже 30 лѣтъ тому назадъ. И всетаки тѣ колоніи не имѣли экономическаго значенія, потому, что онѣ были основаны на ложномъ принципѣ. Несмотря на всѣ новыя машины, прежніе колонисты могли основать только «старую» деревню; вы же создали «новую», но это дѣло не однихъ только вашихъ рукъ, друзья мои!

И вы конечно подумаете, что это шутка, если я вамъ скажу, что Нейдорфъ построенъ вовсе не въ Палестинѣ, а въ другомъ мѣстѣ. Онъ построенъ въ Англіи и въ Америкѣ, во Франціи и въ Германіи. Онъ созданъ опытомъ, книгами и мечтами. Неудачные опыты практиковъ и фантазеровъ послужили вамъ урокомъ; вы даже не сознаете этого. Нѣкогда здѣсь были крестьяне, такіе же трудолюбивые какъ и вы и всетаки они не могли добиться своего. Крестьянинъ стараго закала не зналъ своей собственной земли. Онъ не зналъ, что онъ самъ питаетъ землю, потому, что онъ былъ слишкомъ невѣжественъ, что-бы изслѣдовать ея химическій составъ. Онъ выбиралъ неподходящее мѣсто, или неподходящія средства для обработки земли; крестьянинъ прежнихъ временъ не могъ

работать экономно потому, что онъ, какъ въ туманѣ, не видѣлъ того, что творилось въ трехъ шагахъ отъ него. Когда онъ нуждался въ кредитѣ для усовершенствованія орудій своего труда, онъ попадалъ въ руки ростовщиковъ, такъ что наилучшій урожай пропадалъ для него даромъ. Онъ также не былъ застрахованъ отъ града, отъ саранчи. У него не было приспособленій для водоснабженія.

При неурожаѣ онъ дѣлался нищимъ, и даже хорошій урожай не могъ обогатить его, такъ какъ онъ не зналъ всемірныхъ рынковъ. У него было то слишкомъ мало, то слишкомъ много рабочей силы. Онъ не могъ обучать своихъ голодныхъ дѣтей, и они выростали въ томъ же невѣжествѣ, какъ онъ самъ и его предки. А когда открылись новые пути сообщенія, крестьянамъ стало еще хуже. Съ помощью машинъ, разбогатѣли крупные землевладѣльцы, между тѣмъ какъ мелкіе обѣднѣли. Образовалось новое сословіе. Свободный крестьянинъ превратился въ раба и его дѣти были взяты въ плѣнъ фабрики. Такимъ образомъ крестьянское сословіе было поражено въ самомъ корнѣ. Многіе дѣльные люди горевали объ этомъ, изучали дѣло и думали о томъ, какъ бы помочь бѣдѣ. Было испробовано все, на что указывала наука и опытъ. Всѣмъ было ясно одно, а именно, что въ періодъ машиннаго производства, основныя условія человѣческаго существованія должны были приспособиться къ нашимъ новымъ знаніямъ силъ природы. 19-ое столѣтіе было очень неустойчивымъ столѣтіемъ.

Въ началѣ этого страннаго времени, мечтателей считали практичными людьми, а самыхъ практичныхъ

изобрѣтателей,—сумасшедшими. Великій Наполеонъ не вѣрилъ въ полезность парохода Фультона. За то фантазеръ Фурье нашелъ сразу поклонниковъ своихъ идей, которыми онъ хотѣлъ осчастливить нѣсколько сотъ рабочихъ семействъ.

Стефенсонъ, основатель желѣзныхъ дорогъ, и Кабэ, мечтатель Икаріи, были современниками. Я бы могъ назвать вамъ еще много именъ, которыя вы услышите въ первый разъ.

Всѣ внимали словамъ Давида, словамъ, которыя походили скорѣе на поучительный докладъ, чѣмъ на рѣчь въ народномъ собраніи. Когда-же онъ на минуту остановился, Мендель поднялся съ мѣста и сказалъ вѣжливо но громко:—Къ дѣлу!

Какое это имѣетъ отношеніе къ Нейдорфу?

Давидъ спокойно отвѣтилъ:

— Большое, друзья мои! Въ этомъ странномъ 19-мъ вѣкѣ каждое изобрѣтеніе новой машины порождало новыя соціалистическія мечтанія. Это столѣтіе всегда представляется мнѣ большой фабрикой, на которой остроумные аппараты управлялись несчастными людьми. Изъ фабричной трубы поднимались густыя облака дыма и застилали голубое небо. Эти причудливыя, неопредѣленныя, расплывающіяся облака дыма изображали собой будущее, обѣщанное соціалистами. И когда люди, вздыхая, глядѣли вверхъ, они видѣли уже не прежнее свое небо, а созданныя фабричнымъ дымомъ облака будущаго государства.

Впрочемъ были и розовыя облака, напримѣръ знаменитое облако американца Беллами, который въ своей книгѣ «Обзоръ сдѣланный въ 2000-мъ году 1887-ому

году» изображаетъ благородное коммунистическое общество. Тамъ каждый можетъ участвовать въ общественномъ обѣдѣ. Волкъ пасется рядомъ съ ягненкомъ. Это все прекрасно. Только тогда уже волки перестаютъ быть волками, а люди—людьми. Послѣ Беллами появился романтическій создатель государства,—Герцка и набросалъ свою утопію «Свободная страна,»—блестящій волшебный фокусъ. Это прекрасныя мечты или, если хотите, воздушные замки, но вѣрить въ нихъ невозможно. Эти благородные и гуманные разсказчики начали свою творческую работу съ логической ошибки. Въ Нейдорфѣ какъ и въ Патрѣ 30 лѣтъ тому назадъ, имѣются навѣрное ученые крестьяне, и тѣ меня поймутъ, если я скажу, что авторы этихъ утопій совершили petitio principi. Ихъ положенія требовали доказательства, а именно: доказательства того, что люди уже достигли зрѣлости и свободы убѣжденій, требующихся для созданія новаго общества. А можетъ быть они и уяснили себѣ это, но имъ недоставало точки опоры, которой тщетно искалъ Архимедъ. Они думали, что машины—главнѣйшій факторъ созданія новаго общества. Нѣтъ, главное,—это сила, и только сила. Конечно, обладая силой, я сумѣю использовать ее посредствомъ новѣйшихъ изобрѣтеній въ машиностроительномъ дѣлѣ. Мы-же,—мы обладали этой силой. Откуда она взялась? Изъ чрезмѣрнаго и всесторонняго давленія, оказываемаго на насъ, изъ преслѣдованій, изъ нужды. Вотъ что соединило разсѣянныхъ по лицу земли евреевъ, укрѣпило ихъ союзъ потому, что тамъ были не только бѣдные, но и могущественные, не только молодые, но и мудрецы, не только энтузіасты,

но и ученые, не только руки,—но и головы. Цѣлый народъ объединился и позналъ себя самаго. И мы создали Новое Общество не потому, что мы были исключительными людьми, а потому, что мы обыкновенные люди, съ человѣческими потребностями: намъ хотѣлось воздуха и свѣта, здоровья и чести, свободы въ пріобрѣтеніи, и обезпеченности во владѣніи. И когда пришлось приступить къ постройкѣ, то мы и выстроили домъ въ духѣ 20-го, а не 18-го или 16-го столѣтія. Это все естественно и ясно. Мы не имѣли при этомъ никакихъ заслугъ, мы сдѣлали только то, что было исторической необходимостью въ наше время и при данныхъ условіяхъ.

Мендель снова потерялъ терпѣніе и крикнулъ:

— Къ дѣлу, къ дѣлу!

Давидъ ласково возразилъ:

— Я сейчасъ кончаю. Я хочу только указать вамъ на возникновеніе нашей общины. Оно было бы невозможнымъ безъ гигантской соціально-политической работы 19-го вѣка. Многіе евреи участвовали въ этой работѣ, но не одни евреи. Ни одна нація не должна присваивать себѣ того, что создано общими усиліями. Это общее достояніе. Тотъ, кто чувствуетъ благодарность за эту работу и интересъ къ ней, освѣдомится, пожалуй, о первыхъ піонерахъ на этомъ болѣе счастливомъ пути человѣчества. Пальма первенства принадлежитъ въ данномъ случаѣ англосаксонской расѣ. У англичанъ мы находимъ впервые зачатки кооперативной системы производства, которую мы переняли и развили. Нѣмецкая наука тоже способствовала этому. Если кто нибудь изъ васъ интересуется этимъ, то я

могу указать ему книги по исторіи кооперацій въ Англіи, Германіи и Франціи.

Молодой крестьянинъ поднялъ руку, какъ бы желая говорить.

Фридманъ взглянулъ на него и громко спросилъ:

— Чего ты желаешь, Яковъ?

Юноша покраснѣлъ, такъ какъ самъ испугался своей смѣлости, и скромно сказалъ:

— Я хотѣлъ только сказать господину Литваку, что въ нашей общественной библіотекѣ имѣется исторія рохдальскихъ піонеровъ.

— Дайте ее почитать господину Менделю, —отвѣтилъ Давидъ.—Это красивая, поучительная исторія. Доблестные піонеры Рохдаля, какъ ихъ называли, многое сдѣлали для васъ. Т. е. они сдѣлали многое для всего человѣчества, хотя они думали только о себѣ; если вы теперь покупаете лучшіе товары по самымъ дешевымъ цѣнамъ, въ своемъ потребительномъ обществѣ, то это только благодаря рохдальскимъ піонерамъ. И если вашъ Нейдорфъ представляетъ собой цвѣтущее сельскохозяйственное производительное товарищество, то это только благодаря несчастнымъ ирландскимъ мученикамъ Рахалина. Когда они въ 1831 г. съ помощью своего помѣщика М-ра Вандалёра основали первую „новую деревню,“ они и не подозрѣвали всей исторической важности этого дѣла. Да, прошли столѣтія, пока умнѣйшіе и ученѣйшіе люди постигли идею Рахалина. Рохдаль съ потребительнымъ обществомъ нашелъ сразу больше сочувствія чѣмъ Рахалинъ съ „новой деревней“ на кооперативныхъ началахъ. Когда же мы устроили свое новое общество, то мы понятно вмѣсто

стараго типа деревни избрали новый. Здѣсь въ Нейдорфѣ все заимствовано у Рахалина. Вся разница въ томъ, что вмѣсто М-ра Вандалёра, здѣсь находится большой союзъ, членами котораго состоите и вы; а именно: Новое Общество.

Молодой крестьянинъ снова поднялъ руку, и когда ораторъ удивленно остановился, онъ скромно сказалъ:

— Не разскажете-ли вы намъ исторію Вандалёра и Рахалина, господинъ Литвакъ?

— Съ удовольсвіемъ, друзя мои!... Въ то время Ирландія была бѣдной страной съ наиболѣе несчастнымъ населеніемъ. Арендаторы стали пролетаріями, ворами и даже разбойниками. Въ то время жилъ помѣщикъ по имени Вандалёръ. Его арендаторы отличались особенно буйнымъ характеромъ.

Въ началѣ 1831 года нужда обострилась. Крестьяне съ отчаянія совершили нѣсколько гнусныхъ преступленій. М-ръ Вандалёръ имѣлъ управляющаго, котораго крестьяне ненавидѣли за его строгость, и они его умертвили. Что же сдѣлалъ Вандалёръ? Онъ поступилъ великодушно, благородно: Вмѣсто того, чтобы наказать крестьянъ, онъ принялъ сверхчелонѣческое рѣшеніе оказать имъ благодѣяніе. Онъ призвалъ наиболѣе строптивыхъ и распущенныхъ крестьянъ, соединилъ ихъ въ рабочую артель и далъ имъ въ аренду свое имѣніе— Рахалинъ. Цѣль этого союза заключалась въ томъ, чтобы они могли пользоваться общимъ капиталомъ, оказывать другъ другу помощь, вести лучшій образъ жизни и хорошо воспитывать своихъ дѣтей. Припасы и орудія производства должны были считаться собственностью владѣльца Вандалёра до тѣхъ поръ, пока об-

щество ихъ не выкупитъ. Поэтому товарищество должно было помѣщать чистые доходы въ резервный фондъ. Товарищество пользовалось самоуправленіемъ. Члены избирали комитетъ, состоящій изъ 9-ти лицъ. Каждый изъ этихъ 9-ти совѣтниковъ завѣдывалъ отдѣломъ: одинъ сельскохозяйственнымъ, другой мануфактурнымъ, третій торговымъ, четвертый педагогическимъ и т. д. Ежедневныя работы опредѣлялись комитетомъ. Каждый работалъ по мѣрѣ своихъ силъ. Заработная плата, выдаваемая членамъ общества, равнялась общепринятой въ странѣ платѣ. Изъ своего жалованія члены общества должны были отдѣлять небольшіе налоги въ пользу больничнаго фонда и тому под. Они были какъ бы наемниками арендаторовъ, но они сами были этими арендаторами. М-ръ Вандалёръ оставилъ за собой лишь высшій контроль надъ этимъ опытомъ. И опытъ блестяще удался. М-ръ Вандалёръ извлекъ изъ Рахалина больше доходовъ, чѣмъ кто либо иной. А рабочіе, жившіе до того въ страшной нуждѣ, вдругъ какъ бы по мановенію волшебнаго жезла стали жить въ довольствѣ. Они работали охотно и успѣшно. Они знали, что дѣлаютъ это для себя и это придавало имъ энергію. Люди, которые убили своего надсмотрщика, производили крупныя работы безъ свякаго надзора, ибо они слѣдили другъ за другомъ. Работоспособность и усердіе каждаго рабочаго отмѣчалось въ особой книгѣ, и въ концѣ недѣли каждый получалъ ровно столько, сколько заслужилъ. Нѣтъ равенства въ заработкѣ: хорошему работнику слѣдуетъ больше чѣмъ тунеядцу.

— Браво!—крикнулъ кто-то въ толпѣ и нѣкоторые сдержанно засмѣялись.

Давидъ продолжалъ: Вскорѣ оказалось, что рабочій въ Рахалинѣ производилъ въ среднемъ вдвое больше, чѣмъ рабочій изъ окрестностей. А вѣдь это была та-же земля, тѣ-же люди. Но они нашли спасительное начало: сельскохозяйственное производительное товарищество! Плата производилась не деньгами, а купонами, которые принимались только въ рахалинской лавкѣ. Все, что имъ нужно было можно было достать въ этой лавкѣ, принадлежащей также товариществу. Этотъ складъ держалъ только наилучшіе товары по цѣнамъ оптовой покупки. Историки сообщаютъ, что рахалинскіе жители въ своемъ собственномъ складѣ покупали всѣ продукты на 50% дешевле чѣмъ въ другихъ лавкахъ. Каждый членъ товарищества былъ обезпеченъ постоянной работой въ продолженіи круглаго года и доходомъ изъ общей кассы. Больныхъ и инвалидовъ лечили и заботились о нихъ. Въ случаѣ смерти отца, дѣтей пристраивали,.. но я не хочу вамъ разсказывать подробно то, что вы можете найти въ книгахъ. Я вамъ пошлю для вашей библіотеки сочиненія Веббъ—Потера, Опенгейма, Зейферта и Губера. Молодой, скромный рабочій спросилъ еще разъ:

— Господинъ Литвакъ, что же произошло дальше въ Рахалинѣ?

Давидъ отвѣтилъ:

— Въ продолженіи двухъ лѣтъ Рахалинъ измѣнился до неузнаваемости. Жилища и обстановка, пища, одежда, образъ жизни и воспитаніе дѣтей, все указывало на благосостояніе здоровыхъ крестьянъ. Чистый доходъ на столько превышалъ арендную плату, что въ скоромъ времени товарищество Рахалина сдѣ-

лалось бы владѣльцемъ имѣнія, еслибъ самъ Вандалёръ не погубилъ своего дѣла. Вандалёръ потерялъ свое состояніе въ игорномъ домѣ въ Дублинѣ и убѣжалъ въ Америку. Кредитора продали Рахалинъ, прогнали арендаторовъ, — и счастливая мѣстность погрузилась опять въ мракъ и въ нищету. Но опытъ съ Рахалиномъ не пропалъ безслѣдно. Наука воспользовалась имъ. И когда мы переселили нашъ народъ въ нашу дорогую Палестину, мы создали тысячу такихъ „Рахалиновъ". Одинъ Вандалёръ не былъ достаточно силенъ и надеженъ для такой работы. Для этого нужно было сильное собирательное лицо, и оно явилось въ образѣ нашего Новаго Общества. Вотъ—нашъ хозяинъ, который доставилъ вамъ землю и работу, и которому вы обязаны вашимъ благосостояніемъ. Но и Новое Общество не дошло до этого исключительно собственной своей силой, или опытомъ своихъ вожаковъ и основателей. Новое Общество основано на общихъ идеяхъ всѣхъ культурныхъ народовъ. Понимаете-ли теперь, друзья мои, что я хочу сказать?

Было бы безнравственно съ нашей стороны, не принимать въ нашу общину человѣка, принадлежащаго другой націи, или другой религіи, потому, что мы сами заимствовали многое у другихъ культурныхъ народовъ. Кто примыкаетъ къ нашей общинѣ и признаетъ всѣ обязанности нашего строя, тотъ долженъ пользоваться и всѣми правами. Мы обязаны нашимъ имуществомъ предварительной работѣ другихъ, народовъ, и потому мы должны заплатить имъ нашъ долгъ. И для этого существуетъ только одно средство: наивысшая

терпимость. У насъ всегда долженъ быть одинъ девизъ: „мы всѣ братья".

Старый раввинъ Самуилъ поднялся съ мѣста и аплодировалъ оратору дрожащими руками. Толпа послѣдовала его примѣру и всѣ окружили Давида, который собирался сойти съ эстрады. Но Мендель закричалъ громкимъ голосомъ:

— Тогда иностранцы отнимутъ у насъ хлѣбъ.

Давидъ повернулся обратно къ эстрадѣ и сдѣлалъ знакъ толпѣ, что онъ хочетъ сказать еще нѣсколько словъ.

— Нѣтъ Мендель, это ошибка. Вы не обѣднѣете, а только разбогатѣете отъ иностранцевъ. Богатство страны зависитъ отъ ея рабочей силы; это вы вѣдь сами знаете. Чѣмъ больше рабочихъ, тѣмъ больше хлѣба, когда строй общества такъ справедливъ, какъ у насъ. Конечно вы не обязаны отдавать новымъ пришельцамъ ваши обработанныя поля и ваши пріобрѣтенныя права. Но также какъ для Нейдорфа полезно расширять свое поселеніе, такъ это важно и для всего Новаго Общества. Каждый долженъ создавать то имущество, которымъ онъ хочетъ пользоваться. И чѣмъ больше имущества будетъ у насъ, тѣмъ богаче будетъ наша община. Старшіе изъ васъ, которые пережили исторіи Нейдорфа, знаютъ это по собственному опыту. Сначала здѣсь было какихъ нибудь 20 семействъ. Я спрашиваю васъ: развѣ имъ повредило то, что къ нимъ прибавилось еще 30, еще 50 еще сто семействъ? Я спрашиваю васъ: обѣднѣли-ли, или разбогатѣли первые поселенцы?

Громко раздался отвѣтъ толпы, которая только теперь поняла его:

— Литвакъ совершенно правъ! теперь всѣмъ лучше, да лучше!

Давидъ закончилъ:

— Вотъ вамъ отвѣтъ. Такъ какъ было до сихъ поръ, такъ и будетъ впредь. Чѣмъ больше людей прибудетъ, чтобы работать, тѣмъ лучше для всѣхъ. Потому мы должны признавать всѣхъ братьями не только изъ любви къ ближнему, но и для собственной выгоды. Старшіе среди всѣхъ помнятъ еще, какъ здѣсь было 20 лѣтъ тому назадъ, какъ пусто и мрачно. Первые поселенцы выбрали наилучшую землю, слѣдующіе получили менѣе хорошую, но превратили её въ болѣе плодородную. Послѣднимъ досталась худшая земля, и все таки они обработали её, выкопали канавы и высушили болота. Поселенія всегда привлекаютъ людей, даже если земля не такъ хороша. А теперь Нейдорфъ превратился въ чудный садъ, въ которомъ всѣмъ хорошо живется. Но все это пропадетъ, если у васъ не будетъ процвѣтать свобода, благородство и любовь къ человѣчеству. Ими вы должны дорожить и оберегать ихъ, и такъ какъ я ожидаю этого отъ васъ, то я провозглашаю: да здравствуетъ Нейдорфъ и его жители!

Тутъ раздались восторженые крики:

Да здравствуетъ Литвакъ! Да здравствуетъ Нейдорфъ! кричали мужчины и женщины. Толпа качала оратора, который смѣясь напрасно сопротивлялся ей. Его торжественно понесли вокругъ площади.

Въ этотъ день докторъ Гейеръ потерялъ всѣ избирательные голоса Нейдорфа.

Глава IV.

Путешественники осмотрѣли еще образцовыя сельскохозяйственыя учрежденія Нейдорфа. Господинъ Кингскуртъ интересовался особенно химической лабораторіей и машиностроительнымъ отдѣломъ учрежденій Фридрихъ Левенбергъ осматривалъ внимательно народное училище и общественную библіотеку, которая славилась популярно-научными произведеніями. Миріамъ, въ качествѣ учительницы, давала ему всѣ нужныя объясненія. Онъ былъ пріятно пораженъ многимъ, но чѣмъ ближе онъ знакомился со всѣми хорошими и полезными учрежденіями, способствовавшими физическому и умственному развитію юношества, тѣмъ тяжелѣе ему становилось на душѣ, и наконецъ онъ глубоко вздохнулъ.

— Что съ вами, докторъ? спросила его Миріамъ.

— Мнѣ грустно на душѣ, м-lle Миріамъ, я вижу теперь, что я не исполнилъ своего долга. Я могъ, я долженъ былъ содѣйствовать этому великому дѣлу. Я вѣдь былъ однимъ изъ образованныхъ евреевъ и долженъ былъ понять то, что готовилось въ мое время. Но нѣтъ, я былъ занятъ только своимъ ничтожнымъ горемъ. Я убѣжалъ, я провелъ 20 лѣтъ въ глупомъ бездѣйствіи. Я не могу передать вамъ, какъ тяжело мнѣ на душѣ! мнѣ..... мнѣ стыдно!

Она хотѣла утѣшить его.

— Нѣтъ, м-lle Миріамъ, не старайтесь загладить мою вину. Вы можете мнѣ противорѣчить только изъ жалости. но не по убѣжденію. Я стыжусь своего бездѣйствія и эгоизма. Каждый образованный еврей моего времени обязанъ былъ заботиться о своемъ народѣ.

А я удралъ отъ этой обязанности. Пожалѣйте меня, м-lle Миріамъ, но не презирайте меня!

— Презирать! какъ-бы я могла это? —отвѣтила она своимъ мягкимъ голосомъ:— презирать васъ, благодѣтеля нашей семьи!

— Ахъ, пожалуйста, не говорите больше объ этомъ; вы только унижаете меня, когда начинаете меня хвалить. Вѣдь я отлично знаю, что не заслуживаю похвалы. Нынче существуетъ извѣстный долгъ интелегенціи, какъ нѣкогда существовало «blesse oblige» аристократовъ. Мы всѣ обязаны, работать для усовершенствованія человѣчества, кто какъ можетъ, каждый по своему. Вся ваша доброта, м-lle Миріамъ, не въ состояніи убѣдить меня въ томъ, что я не долженъ чувствовать угрызеній совѣсти.

— Развѣ теперь уже слишкомъ поздно? —отвѣтила она:—Вы вѣдь можете еще теперь стать въ ряды членовъ Новаго Общества. Вамъ укажутъ поприще, на которомъ вы сможете быть полезнымъ. У насъ дорожатъ каждой силой; вѣдь вы слыхали это изъ устъ моего брата. И какъ охотно они васъ примутъ!

— Неужели это возможно? —спросилъ онъ радостно:

— Еще не слишкомъ поздно, и я еще смогу быть полезнымъ человѣкомъ?

— Конечно!—улыбнулась она.

Въ немъ пробудилась надежда; онъ почувствовалъ, что помолодѣлъ, что новая жизнь открывается предъ нимъ. Но затѣмъ онъ вспомнилъ о чемъ-то, и глубоко вздохнулъ:

— Ахъ, м-lle Мирiамъ, это было-бы слишкомъ хорошо! Я не могу располагать собою. Я не могу остаться здѣсь, я не свободенъ!

Она поблѣднѣла, и голосъ ея слегка задрожалъ:

— Вы не свободны?

— Нѣтъ, я связанъ на всю жизнь.

— Можно-ли знать съ кѣмъ? беззвучно спросила она.

— Съ Мистеромъ Кингскуртомъ! И онъ объяснилъ ей свое отношенiе къ старику. Онъ далъ ему честное слово, никогда не покидать его. Онъ могъ остаться въ этой странѣ только до тѣхъ поръ, пока Кингскурту это было угодно, и Кингскуртъ могъ уѣхать очень скоро. При этихъ словахъ лицо Мирiамъ прояснилось.

Она спросила:

– А если Кингскуртъ вернетъ вамъ ваше слово?

— Онъ не сдѣлаетъ этого, если я не попрошу его. Но такая просьба сама по себѣ была-бы неблагодарностью и измѣной по отношенiю къ этому прекрасному человѣку. Я не имѣю на свѣтѣ болѣе близкаго человѣка чѣмъ онъ, и я его единственный другъ. Что будетъ съ нимъ жить, когда я его покину?

— Значитъ онъ тоже долженъ остаться у насъ— отвѣтила Мирiамъ.

Но Фридрихъ, считалъ это невозможнымъ. Въ лучшемъ случаѣ Кингскуртъ останется еще нѣсколько дней или нѣсколько недѣль, что-бы осмотрѣть достопримѣчательности страны, а затѣмъ онъ поѣдетъ дальше въ Европу.

Пока они разговаривали, всѣ остальные успѣли закончить осмотръ. Въ домѣ представителя Фридмана

гостямъ былъ поданъ скромный обѣдъ. Они посидѣли еще часокъ за столомъ и разговаривали между собой о прошломъ и будущемъ Нейдорфа. Большинство крестьянъ вернулось къ работѣ, послѣ утренняго собранія. Только маленькая группа поселянъ, живущихъ въ центрѣ деревни, пришла проводить ихъ. Поселяне окружили автомобиль и махали шапками и платками, когда Давидъ и его гости выѣхали изъ деревни.

По обѣимъ сторонамъ дороги находились засѣянныя поля, виноградники и табачныя плантаціи; нигдѣ ни одного необработаннаго клочка земли! На поляхъ встрѣчались косилки; мимо нихъ проѣзжали возы, наполненные до верху сѣномъ для скота. Мирiамъ объясняла Фридриху, неосвѣдомленному въ этихъ дѣлахъ явленія сельскаго хозяйства, которыя окружали ихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ земли уже выглядывали весеннія растенія: кукуруза и кунжутъ, чечевица и журавлиный горохъ. Электрическіе плуги бороздили поля, находящіяся подъ паромъ, чтобы приготовить ихъ къ будущимъ озимымъ посѣвамъ, табачныя плантаціи были уже въ полномъ цвѣту. Крестьяне приносили сучья евкалипта, чтобы ими подпереть вьющіяся вѣтки хмѣля. Нѣкоторые употребляли для той-же цѣли проволочныя сѣтки, но многіе отдавали предпочтеніе евкалипту, тѣнь котораго оберегала молодыя растенія отъ знойныхъ лучей солнца. Архитекторъ Штейнекъ внезапно вмѣшался въ разговоръ, воспѣвая евкалиптъ, чудное австралійское дерево, которое было перевезено на корабляхъ въ огромномъ количествѣ, какъ только началась правильная культурная работа въ Палестинѣ. Безъ евкалиптоваго дерева, которое

такъ быстро растетъ, которое такъ скоро высушиваетъ болота и обладаетъ множествомъ полезныхъ качествъ, безъ евкалиптоваго дерева, можетъ быть, ничего не было-бы сдѣлано, во всякомъ случаѣ не было-бы такихъ блестящихъ результатовъ сельскохозяйственныхъ работъ.

— Да,—шутливо замѣтила г-жа Сарра,---въ знакъ благодарности господинъ Штейнекъ въ своей скульптурѣ увѣковѣчилъ наше дорогое евкалиптовое дерево. Его любимые орнаменты на домахъ изображаютъ евкалиптъ.

Они ѣхали дальше, и довольство, которое царило въ природѣ, отражалось въ ихъ сердцахъ. Весна была въ полномъ разгарѣ: дорожки и поляны были покрыты чудными цвѣтами, маленькими синими ирисами, высокими лиліями, яркими тюльпанами и прелестными орхидеями. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчались плантаціи миндальныхъ деревьевъ и шелковицы.

Дорога повернула къ романтичному ущелію. Это были скалы съ таинственными пещерами, въ которыхъ въ древности евреи укрывались отъ своихъ враговъ во время войны.

Давидъ нѣсколькими теплыми словами напомнилъ присутствующимъ о прошломъ еврейскаго народа.

Они проѣхали еще короткое разстояніе, дорога повернула въ сторону; предъ ними разстилалась въ блескѣ полуденнаго солнца, прелестная долина Генецарета—и голубое озеро. Восторженное восклицаніе вырвалось изъ устъ Фридриха при этомъ неожиданномъ чудномъ зрѣлищѣ.

На широкой поверхности Генецаретскаго озера видѣлись большіе и маленькіе пароходы, бѣлѣли паруса, и сверкали металическія части электрическихъ яликовъ. По ту сторону озера, на холмахъ блистали бѣлыя виллы среди зеленыхъ лѣсовъ. И здѣсь находился новый, хорошенькій городокъ Магдала съ садами и съ привѣтливыми домиками. Но путешественники продолжали свой путь къ югу, по направленію къ Тиверіи, безъ остановки. Красота и жизнерадостность природы напоминали Ривіеру между Ниццой и Канномъ въ солнечные ясные дни сезона. Пестрыя упряжи и экипажи проносились мимо. Большей частью здѣсь встрѣчались автомобили красивой формы для двухъ, трехъ и многихъ сѣдоковъ. Но всдрѣчались также и старинныя телѣги, запряженныя лошадьми и ослами,—велосипедисты и всадники, а по гладкой дорожкѣ вдоль берега шли веселые пѣшеходы. Это была интернаціональная толпа модныхъ курортовъ, которые славятся большимъ наплывомъ публики. Кингскуртъ и Фридрихъ узнали, что Тиверія прославилась своими чудодѣйственными источниками и своимъ чуднымъ мѣстоположеніемъ. Поэтому туда съѣзжались любители теплаго климата изъ Европы и изъ Америки, привыкшіе искать солнца и тепла въ Сициліи и въ Египтѣ.

Какъ только открылись здѣсь первыя элегантныя гостиницы, иностранцы стали посѣщать Тиверію и проводить здѣсь зимніе мѣсяцы. Ловкіе швейцарскіе содержатели гостиницъ впервые открыли климатическія достоинства и природную красоту Тиверіи, и конечно сумѣли извлечь изъ нея пользу для своего кармана.

Автомобиль проѣхалъ мимо нѣсколькихъ такихъ гостинницъ.

На балконахъ сидѣли дамы и мужчины и любовались пестрымъ зрѣлищемъ на проѣзжей дорогѣ и веселымъ оживленіемъ на озерѣ. Позади гостинницъ находились лужайки для игры въ lawn tennis; молодые люди въ бѣлыхъ костюмахъ играли тамъ въ мячъ. На нѣкоторыхъ террассахъ слышалась музыка; оркестры состояли изъ венгерскихъ, румынскихъ и итальянскихъ музыкантовъ, одѣтыхъ въ національныя костюмы. Все это промелькнуло мимо гостей Давида, такъ какъ они не останавливались. Они проѣхали чрезъ Тиверію, бросая мелькомъ взгляды на хорошенькія улицы, на площади съ красивыми, величественными дворцами, на маленькій портъ, въ которомъ царило чисто восточное оживленіе. Они увидали стройныя мечети, церкви съ латинскими и греческими крестами и великолѣпныя каменныя синагоги. Затѣмъ они очутились въ южной части города, гдѣ снова возвышались гостинницы и виллы, тянувшіяся стройными рядами, прерываемыми лишь садами, до группы другихъ построекъ: это были городскіе источники и прилегающія къ нимъ водолѣчебницы.

Автомобиль остановился между городомъ и купальнями предъ воротами виллы, утопавшей въ зелени.

Мы пріѣхали!—воскликнулъ Давидъ, спрыгнувъ со своего мѣста.

Ворота открылись. Старый господинъ переступилъ каменный порогъ, радостно замахалъ шапочкой и спросилъ:

— Давидъ, дитя мое, гдѣ онъ?

Фридрихъ былъ глубоко тронутъ и взволнованъ. И здѣсь, въ домѣ стараго Литвака, его очевидно ждали съ нетерпѣніемъ. Впрочемъ это было весьма естественно, т. к. неожиданная пріятная вѣсть о его пріѣздѣ была сообщена родителямъ Давида и Миріамъ по телефону изъ Фридрихсгейма.

И этотъ представительный, почтенный старикъ былъ тотъ самый жалкій разносчикъ, которому Фридрихъ однажды хотѣлъ подать милостыню въ вѣнскомъ кафе! Какая удивительная, счастливая перемѣна! Между тѣмъ все это произошло само собою. Литваки были первыми переселенцами, которые съ самаго начала великой культурной работы поспѣшили сюда. Они пожинали плоды экономическаго расцвѣта, которому сами способствовали.

Но въ домѣ царило горе, и Фридриха посвятили въ него. Мать Давида и Миріамъ была больна. Она лежала въ креслѣ наверху, въ первомъ этажѣ, на верандѣ, откуда открывался чудный видъ на озеро. Она протянула Фридриху свою изможденную, желтоватую руку, и страдальческіе глаза на восковомъ лицѣ ея глядѣли на него съ выраженіемъ безконечной благодарности.

— Да,—произнесла она слабымъ голосомъ, послѣ первыхъ привѣтствій,—да, милый докторъ, Тиверія хороша и ванны также цѣлительны, но сюда надо пріѣзжать во время. Я пріѣхала слишкомъ поздно. Слишкомъ поздно!

Миріамъ стояла рядомъ съ нею и гладила ея лицо:

— Мама, ты поправилась съ тѣхъ поръ, какъ ты здѣсь. Леченіе пошло тебѣ въ прокъ. Ты убѣдишься въ этомъ тогда, когда будешь снова дома.

Госпожа Литвакъ грустно улыбнулась:

— Я и такъ довольна, дорогое дитя. Я вѣдь почти въ Эдемѣ. Поглядите-ка докторъ на этотъ видъ, не правда-ли настоящій Эдемъ?

Фридрихъ подошелъ къ периламъ веранды и взглянулъ на ландшафтъ. Вдали сверкало Генецаретское озеро. Весна придавала мягкость контурамъ озера и дальнихъ высотъ. Съ другой стороны—крутые утесы Джолана отражались въ водахъ. На сѣверѣ озера—устье Іордана, а позади величественный, покрытй снѣгомъ Гермонъ; онъ смотрѣлъ на возрожденный край, подобно старому великану, обозрѣвающему маленькія горы. А налѣво—прелестныя бухты, очаровательные берега, долина Генецарета, Магдалы, Тиверіи, надъ которой возвышаются темные своды развалинъ горнаго замка. И все цвѣло и произростало въ этомъ молодомъ, благоухающемъ мірѣ.

— Это рай земной! тихо сказалъ Фридрихъ; и почувствовавъ близость Миріамъ, онъ невольно взялъ ея руку и нѣжно пожалъ ее, какъ бы въ благодарность за то, что жизнь такъ прекрасна.

Больная замѣтила это движеніе; радость охватила ее; сердце ея сильно забилось.

— Дѣтки!—прошептала она безвучно и предалась своимъ мечтамъ.

Глава V.

Въ маленькой виллѣ, нанятой Литваками на время леченія матери, не было мѣста для гостей. Только Миріамъ жила у своихъ родителей. Давидъ же зака-

залъ для себя и для своихъ друзей комнаты въ гостинницѣ около водолечебницы. Багажъ уже заранѣе былъ отосланъ туда, и когда они, послѣ посѣщенія родителей Литвака, поѣхали къ себѣ, что бы очиститься отъ дорожной пыли, тамъ все было приведено въ порядокъ и дышало комфортомъ. Въ передней отеля ихъ радостно привѣтствовала одна дама и двое мужчинъ. Давидъ перезнакомилъ всѣхъ. Дама была еврейкой изъ Америки, по имени Готландъ. Въ ея обращеніи было столько женственности, что она всѣхъ очаровывала. Сіяющее добротой лицо, обрамленное сѣдыми волосами, сохранила еще свою прелесть. Изъ обоихъ мужчинъ одинъ, одѣтый въ длинный черный сюртукъ, какіе носятъ англиканскіе священники, оказался Вилліямомъ Гопкинсомъ, духовникомъ англійской общины въ Іерусалимѣ. У него была длинная, бѣлая борода пророка, красивые, мечтательные голубые глаза и, къ великому удивленію Кингскурта, онъ обрадовался, когда его первоначально приняли за еврея. Другой господинъ былъ братъ архитектора, профессоръ бактеріологіи Штейнекъ, веселый, суетливый и разсѣянный ученый, который говорилъ такъ громко, будто бы онъ всегда имѣлъ дѣло съ аудиторіей глухихъ. Со своимъ братомъ онъ обыкновенно послѣ пяти минутъ разговора вступалъ въ споръ, хотя они другъ друга обожали. Это случилось и теперь. Архитекторъ предложилъ пріѣзжимъ посѣтить знаменитый институтъ своего брата.

Профессоръ воспротивился этому и, сдвинулъ брови, крикнулъ:

— Я готовъ, конечно показать его вамъ. Но у меня нѣтъ ничего интереснаго. Не стоитъ труда. Это просто домъ съ комнатами и сараями для морскихъ свинокъ. Въ каждой комнатѣ находится человѣкъ, производящій опыты. Вотъ и все. Вы понимаете? Мой братъ всегда ставитъ меня въ неловкое положеніе.

Госпожа Готландъ улыбнулась:

— Эти господа вамъ не повѣрятъ. Вашъ институтъ извѣстенъ какъ достопримѣчательность.

Тогда профессоръ расхохотался такъ громко, что задрожали стѣны:

— Неправда! Вы хотите осмотрѣть микробы? Въ томъ то и дѣло, что ихъ не видно, т. е. невооруженнымъ глазомъ. Хорошая достопримѣчательность! Впрочемъ мои взгляды извѣстны. Я не вѣрю въ микробы. Культивирую ихъ, чтобы затѣмъ уничтожить. Понимаете?

— Нѣтъ! проворчалъ восхищенный Кингскуртъ— Ни слова не понимаю! У васъ очевидно что-то вродѣ химической кухни. Что вы въ ней стряпаете, господинъ профессоръ?

Тотъ добродушно ухмыльнулся:

— Чуму, холеру, дифтеритъ, туберкулезъ, родильную горячку, бѣшенство, малярію...

— Тьфу, чертъ возьми!

Госпожа Готландъ сказала:

— Т. е. средства противъ этихъ враговъ человѣчества. Но мы не станемъ его спрашивать и посѣтимъ институтъ безъ него. Почтеннымъ иностранцамъ входъ не возбраняется.

— Стойте,—крикнулъ профессоръ,—я пойду съ вами. А то вы еще натолкнетесь на самаго глупаго изъ моихъ ассистентовъ, который назоветъ стрептококовыя бациллы холерными и т. д. Понимаете?

— Ни слова!—сознался Кингскуртъ.

Общество на время распалось. Архитекторъ привезъ съ собою планы новаго англійскаго госпиталя для Гопкинса, и оба должны были обсудить его. Госпожа Сарра занялась Фрицхенъ. Давидъ отпросился въ францисканскій монастырь, откуда долженъ былъ привезти патера Игнатія, одного изъ гостей, приглашенныхъ на торжество. Условились встрѣтиться къ ужину въ виллѣ старыхъ Литваковъ. Госпожа Готландъ взялась доставить ихъ туда во время, и поѣхала въ сопровожденіи Кингскурта, Фридриха, Решидъ-бея и профессора въ институтъ Штейнека. Институтъ былъ расположенъ на южномъ берегу озера и представлялъ собою небольшое, скромное зданіе.

Профессоръ замѣтилъ:

– Мы не нуждаемся въ большомъ домѣ. Микробы занимаютъ мало мѣста. Мои сараи находятся въ пристройкахъ, которыя вы видите. Я нуждаюсь въ большомъ количествѣ лошадей и др. животныхъ. Вы понимаете?

— Ну да, вы много катаетесь верхомъ въ этой чудной мѣстности? – сказалъ Кингскуртъ.

— Причемъ тутъ мѣстность?—воскликнулъ профессоръ,– я употребляю своихъ лошадей, собакъ иословъ. словомъ весь свой звѣринецъ для приготовленія серума. Я приготовляю большія количества этихъ цѣлебныхъ

средствъ. Мои сараи простираются далеко, до самаго зданія фабрики жидкаго воздуха.

— Что?— крикнулъ Кингскуртъ, достопочтенный профессоръ и убійца лошадей, вы хотите меня увѣрить, что здѣсь фабрикуется воздухъ? Вѣдь воздухъ имѣется въ достаточномъ количествѣ и притомъ самый лучшій.

— Я подразумѣваю жидкій воздухъ, М-ръ Кингскуртъ, понимаете?

— Ахъ вотъ какъ! Ну, это я понимаю. Съ этимъ я уже познакомился въ мою бытность въ Америкѣ. Значитъ у васъ имѣется и эта отрасль производства?

— Эта какъ и всѣ другія. Въ производствѣ искусственнаго холода мы пользуемся даже извѣстностью. Вѣроятно мы потому занимаемся такъ усердно производствомъ искусственнаго холода, что въ нашей странѣ господствуетъ теплый климатъ; во всей этой мѣстности вилоть до устья Іордана бываетъ жарко почти круглый годъ. Вы понимаете? Лучшія печи бываютъ въ холодныхъ странахъ, въ Италіи-же зимою мерзнутъ. Вотъ мы и запаслись достаточнымъ количествомъ льда на случай зноя. Если вы, напримѣръ, въ жаркую пору зайдете въ самый скромный домикъ, вы посреди комнаты увидите охлаждающую глыбу льда. Кто желаетъ истратить нѣсколько больше, можетъ пріобрѣсти замороженный букетъ и поставить его на обѣденный столъ.

— Это я знаю, - сказалъ Кингскуртъ,— я уже видѣлъ на всемірной выставкѣ въ Парижѣ въ 1900 году, какъ живые цвѣты сохраняются во льду.

— Я и не желалъ сообщить вамъ ничего новаго. Мы просто использовали существующій опытъ. Охла-

ждающія средства стали у насъ народной потребностью и, благодаря конкурренціи, продаются по баснословно дешевымъ цѣнамъ. Люди съ ограниченными средствами не могутъ конечно, подобно богачамъ, выѣзжать на лѣто въ Ливанскія горы. Бѣднѣйшіе классы европейцевъ находятся въ такихъ же условіяхъ. Но наука насъ научила по возможности украшать и оздоравливать наше существованіе. Вы понимаете? Наша молодежь, получившая техническое образованіе, и нѣкоторые предпріимчивые люди основали здѣсь всѣ виды промышленности. Промышленность всегда носила космополитическій характеръ; намъ было выгодно пользоваться имъ. Наша земля заключаетъ въ себѣ клады: надо было отыскать ихъ. Химическія производства привились здѣсь прежде всего, какъ наиболѣе приспособленныя къ перемѣщенію. Господинъ Кингскуртъ, не приходилось-ли вамъ случайно изучать химію въ какомъ нибудь европейскомъ университетѣ?

— Нѣтъ, не приходилось.

— А то бы вы знали, какъ уже въ то время ученые судили о цѣнности Палестины. Пусть Решидъ Бей разсказываетъ вамъ объ этомъ, онъ окончилъ университетъ въ Германіи на степень доктора химіи.

Решидъ скромно началъ:

- Вы меня смущаете, профессоръ; въ вашемъ присутствіи мнѣ неловко излагать свои скудныя познанія. Впрочемъ, 20 лѣтъ тому назадъ, каждый студентъ, изучавшій химію, зналъ, что Палестина заключаетъ въ своей почвѣ большія богатства. Іорданская долина и Мертвое море всегда приводились какъ примѣры въ этомъ отношеніи. Нѣмецкій ученый писалъ про Мерт-

ное море въ концѣ 19-го вѣка: «Это водное пространство, лежащее гораздо ниже уровня океана, образуетъ почти концетрированные соляные растворы рѣдкаго состава и выдѣляетъ асфальтовыя массы, которыя трудно встрѣтить въ другомъ мѣстѣ». Когда вы ознакомитесь у насъ съ эксплуатаціей водяной силы, вы узнаете, какъ мы воспользовались разностью уровней Мертваго и Средиземнаго моря. Но это совершенно другое дѣло, съ которымъ вы познакомитесь позже. Я хочу вамъ только сказать, что вода Мертваго моря насыщена щелочной солью, какъ это встрѣчается лишь въ Стассфуртѣ. Вы вѣроятно слыхали про извѣстныя Стассфуртскія соляныя копи? Мы ихъ теперь имѣемъ въ гораздо большихъ размѣрахъ у Мертваго моря.

— Баснословно! вскрикнулъ Киргскуртъ.

— Вовсе нѣтъ! отвѣтилъ Решидъ Бей. Все это такъ просто! То что возможно въ Стассфуртѣ, было возможно и у Мертваго моря. И наша вода гораздо богаче солью чѣмъ какая либо другая на всемъ земномъ шарѣ. Древнія сказки утверждаютъ, что какое-то сокровище было погружено въ волны этого моря. Дѣти думаютъ, что сокровище можетъ состоять только изъ золотыхъ колецъ, цѣпочекъ и монетъ. Но соли Мертваго моря тоже—золото. Ни одна другая щелочная соль не содержитъ такъ много брома; а вы вѣдь знаете, какая драгоцѣнная вещь—бромъ. И чего только мы не извлекаемъ изъ самой плодородной части нашей страны, которая была раньше мертвой пустыней. Въ долинѣ Іордана и у Мертваго моря находятъ битуминозную известь, изъ которой дѣлается наилучшій асфальтъ во всемъ мірѣ. Нѣмецкій химикъ Ельшнеръ

замѣтилъ давно, что геологическое строеніе земной коры указываетъ на содержимость въ ней керосина. Впослѣдствіе это оказалось вѣрнымъ. Сѣра и фосфоръ имѣются здѣсь также въ большомъ количествѣ. Значеніе фосфора для искусственнаго удобренія вамъ также вѣрно извѣстны. Дѣйствительно нашъ фосфоръ конкурируютъ успѣшно съ альжирскимъ и туниссскимъ, и добываніе его обходится гораздо дешевле, чѣмъ напримѣръ добываніе фосфора въ американскомъ штатѣ Флорида.

Искусственное удобреніе, столь доступное и дешевое, способствовало понятно быстрому процвѣтанію нашего сельского хозяйства.... Но я боюсь, что госпожа Готландъ будетъ скучать при этихъ хозяйственныхъ разговорахъ.

— Вовсе нѣтъ,—отвѣтила любезная дама.

Профессоръ прибавилъ:

— Въ нашемъ столѣтіи существуетъ непосредственная связь между промышленностью и сельскимъ хозяйствомъ. Понимаете-ли вы? Одно зависитъ отъ другого. Нужны только знанія и предпріимчивость, чтобы установить эту связь. Я самъ, хотя я только человѣкъ науки, я работаю также для промышленности и для сельского хозяйства.

— Объясните мнѣ это, уважаемый бактеріологъ, сказалъ Кингскуртъ съ удивленіемъ.

— Вотъ послушайте, отвѣтилъ Штейнекъ, ухмыляясь.—Въ бактеріологіи извѣстно, что вкусъ различныхъ сыровъ и запахъ табачныхъ растеній зависятъ отъ тѣхъ микробовъ, съ которыми я имѣю дѣло. Вотъ мы и постарались, создать въ нашемъ институтѣ эти

маленькія причины такихъ пріятныхъ послѣдствій. Сыры нашей страны конкурируютъ теперь успѣшно съ лучшими французскими и швейцарскими продуктами. И табачныя плантаціи Іорданской долины не уступаютъ по качеству Гаванскимъ и другимъ. И онъ повелъ гостей въ лабораторіи зданія, построеннаго по образцу Пастеровскаго Института въ Парижѣ. Его многочисленныя ассистенты не прервали занятія при входѣ гостей, и продолжали спокойно работать съ помощью микроскоповъ и разныхъ склянокъ, отвѣчая коротко и вѣжливо на предложенные имъ вопросы. Одинъ изъ нихъ напалъ довольно рѣзко, хотя добродушно на своего учителя.

— Оставьте меня въ покоѣ, господинъ профессоръ, у меня теперь нѣтъ времени для такихъ вопросовъ, а то этотъ субъектъ опять улизнетъ отъ меня.

Штейнекъ увелъ гостей изъ этой залы и объяснилъ имъ:

— Онъ совершенно правъ, субъектъ—это его бацилла. Вы понимаете?

Затѣмъ онъ ихъ повелъ въ свою собственную лабораторію, которая была такъ-же скромно обставлена, какъ и всѣ остальныя.

— Здѣсь я работаю.

— Надъ чѣмъ, если можно знать? спросилъ Фридрихъ.

Ученый мечтательно вздохнулъ:

— Надъ возрожденіемъ Африки.

Слушатели думали, что они его не поняли, или что онъ сошелъ съ ума.

Кингскуртъ повторилъ съ подозрительнымъ видомъ: вы говорите—«надъ возрожденіемъ Африки?»

— Да, мистеръ Кингскуртъ. Я надѣюсь найти средство противъ маляріи. Здѣсь, въ Палестинѣ, мы уже справились съ маляріей, благодаря канализаціи, высушиванію болотъ и благодаря евкалиптовымъ деревьямъ. Но въ Африкѣ другія условія. Тамъ всѣ эти средства ни къ чему не приведутъ потому, что не достаетъ массовой колонизаціи. Колонизаторы бѣлой рассы тамъ погибаютъ. Африка только тогда будетъ доступна культурѣ, когда малярія сдѣлается безвредной. Только тогда откроются огромныя пространства для переселенія населенія, излишняго въ европейскихъ государствахъ. Вы понимаете?

Кингскуртъ засмѣялся:

— Вы, значитъ, хотите переселить бѣлую рассу на черный материкъ, вы чародѣй?

Но Штейнекъ отвѣтилъ серіозно:

— Не только бѣлую, но и черную.

Существуетъ еще одинъ неразрѣшенный вопросъ въ исторіи народныхъ несчастій только еврей можетъ понять его. Это вопросъ о неграхъ. Не смѣйтесь, господинъ Кингскуртъ! Подумайте объ ужасной жестокости торговли рабами. Людей, похищали какъ звѣрей, уводили, продавали. Ихъ потомство выросло на чужбинѣ, окруженые ненавистью и презрѣніемъ; и все это потому, что кожа ихъ чернаго цвѣта. Я не стыжусь: скажите, что я смѣшонъ. Но съ тѣхъ поръ какъ я дожилъ до возвращенія евреевъ въ Палестину, я не перестаю думать о возвращеніи негровъ въ ихъ родину.

— Вы ошибаетесь, сказалъ Кингскуртъ,—я вовсе не смѣюсь, напротивъ, я нахожу, что это превосходно,

чортъ побери! Вы мнѣ открываете новый міръ, о которомъ мнѣ и не снилось.

Поэтому я работаю надъ возрожденіемъ Африки. Всѣ люди должны имѣть отечество. Тогда они будутъ лучше относиться другъ къ другу, тогда они будутъ любить и понимать всѣхъ. Вы понимаете?

И госпожа Готландъ произнесла ласковымъ голосомъ то, о чемъ подумали всѣ трое:

— Господинъ профессоръ Штейнекъ, да благословитъ васъ Богъ!

Глава VI.

На обратномъ пути изъ института Штейнека, послѣ пережитыхъ минутъ торжественнаго настроенія, гостямъ сразу стало очень весело. Решидъ Бей предложилъ остановиться около курглуза и послушать музыку. Они вышли изъ автомобиля и вошли въ прекрасный садъ, въ которомъ теперь гуляла публика. Это была разношерстная толпа курортовъ: Здѣсь были и праздные молодые люди, и нарядныя дамы. Онѣ сидѣли подъ пальмами на стульяхъ изъ эластичной жести, осматривали прохожихъ, кокетничали со своими кавалерами и пр. словомъ вели себя такъ, какъ ведетъ себя всюду публика курортовъ.

Кингскуртъ констатировалъ этотъ фактъ съ злобнымъ наслажденіемъ:

— Вотъ онѣ, наконецъ, еврейки съ драгоцѣнными камнями! Я давно уже тосковалъ по нимъ! Я думалъ, что все окружающее—обманъ. и что мы не находимся совсѣмъ въ странѣ евреевъ. Но теперь я вижу, что

это правда. Вотъ и шляпы съ перьями, вотъ и шелковыя платья, вотъ и брилліанты на богатыхъ еврейкахъ! Не обижайтесь, М-риссъ Готландъ, вы вѣдь не принадлежите къ нимъ!

М-риссъ Готландъ совсѣмъ не обидѣлась, а профессоръ Штейнекъ громко засмѣялся:

— Продолжайте, М-ръ Кингскуртъ; эти замѣчанія могли оскорбить насъ въ прежнія времена, но не теперь. Понимаете? Въ прежнія времена на этихъ фатовъ, на богачей и на дамъ съ брилліантами смотрѣли какъ на представителей еврейства. Теперь уже знаютъ, что есть и другіе евреи. Вы можете смѣло смѣяться надъ этимъ обществомъ, а когда стемнѣетъ,—я буду браниться какъ вы.

Веселое общество обратило на себя вниманіе посѣтителей сада кургауза. Профессора очевидно всѣ знали въ лицо и заинтересовались страннымъ незнакомцемъ, который сопровождалъ его. Чтобы скрыться отъ взоровъ любопытныхъ, Штейнекъ направился со своими друзьями въ боковую аллею сада, но здѣсь они какъ на зло натолкнулись на общество, котораго хотѣли избѣгнуть. Нѣсколько дамъ и мужчинъ сидѣли на скамейкахъ и оживленно разговаривали. Одинъ изъ мужчинъ вскочилъ со своего мѣста и радостно бросился на встрѣчу Фридриху, съ возгласомъ:

— Г-нъ Докторъ, Докторъ, какъ вы думаете, о комъ мы говорили теперь? Отгадайте! О васъ, о какъ я радъ!

Это былъ Шаффманъ. Онъ подвелъ Фридриха къ своимъ знакомымъ, торопливо представилъ его всѣмъ, пододвинулъ ему стулъ и заставилъ его сѣсть. Все

это случилось такъ скоро, что Фридрихъ не успѣлъ опомниться и воспротивиться Шиффману. Больше всего его смутило неожиданное сосѣдство его первой любви: онъ видитъ предъ собою Эрнестину Леффлеръ. Она приласкала его взоромъ и улыбнулась ему, не заговаривая съ нимъ, и Фридрихъ совершенно растерялся. Между тѣмъ Шиффманъ поспѣшилъ къ Штейнеку и къ остальнымъ знакомымъ. Онъ силою заставилъ ихъ приблизиться, какъ это часто дѣлаютъ прикащики въ магазинахъ. Профессоръ выражалъ явное неудовольствіе, но Кингскуртъ замѣтилъ, что грѣшно покидать Фридриха: — вмѣстѣ пойманы, вмѣстѣ и пострадаемъ. Шиффманъ предупредительно засмѣялся этой двусмысленной любезности. Затѣмъ онъ притащилъ стулья и назвалъ фамиліи присутствующихъ: — Г-нъ, Г-жа и М-lle Шлезингеръ, Г-жа и Г-нъ Вальтеръ, Г-жа Вейнбергеръ, М-lle Вейнбергеръ, Г-нъ Вейнбергеръ, Г-да Грюнъ и Блау.

Фридрихъ видѣлъ и слышалъ все это сквозь сонъ. Прошлое ожило въ его воображеніи. Онъ перенесся въ домъ Леффлеровъ, вспомнилъ помолвку Эрнестины. И снова предъ нимъ было то общество, отъ котораго онъ убѣжалъ. Всѣ они состарились, но въ сущности не измѣнились. Лишь объ молодыя дѣвушки принадлежали къ новому поколѣнію. Это нѣжное существо, глядѣвшее на него съ изумленіемъ, такъ походило на Эрнестину. До его слуха долетали лишь отрывки разговора, такъ какъ онъ ушелъ въ воспоминанья. Онъ очнулся лишь только тогда, когда къ нему непосредственно обратились съ громкимъ вопросомъ. Это Г-нъ Грюнъ заговорилъ съ нимъ.

— Г-нъ Левенбергъ, какъ вы чувствуете себя здѣсь? Что? Вы не находите словъ? Быть можетъ, здѣсь слишкомъ много евреевъ?

Всѣ засмѣялись. Фридрихъ медленно произнесъ:

— Вы первый наводите меня на эту мысль!

— Браво! замычалъ Шиффманъ; остальные присоединились къ его смѣху. Фридрихъ только теперь замѣтилъ, что его отвѣтъ приняли за двусмысленную остроту; такія остроты были въ ходу въ этомъ обществѣ. Г-нъ Грюнъ, привыкшій къ худшему обращенію, не обидѣлся. Г-нъ Блау, также юмористъ по профессіи, ухмыляясь взялся за преслѣдованіе своего соперника.

— Грюнъ въ состояніи пропагандировать антисемитизмъ даже здѣсь!

— Ваши шутки устарѣли, г-нъ Блау, вмѣшался въ разговоръ г-нъ Вальтеръ;—слава Богу, на свѣтѣ нѣтъ больше антисемитовъ!

— Если-бы я зналъ это наверное, я взялся-бы за это дѣло!—возразилъ Блау.

Кингскуртъ шепнулъ профессору Штейнеку:

— Милый профессоръ, мнѣ кажется, что въ этомъ обществѣ вы не можете изложить вашей идеи относительно негровъ; васъ высмѣяли-бы!

— Это не имѣетъ значенія,—возразилъ профессоръ:

— Въ этомъ обществѣ такъ-же смѣялись надъ идеей сіонизма. Этимъ людямъ не слѣдуетъ говорить о великихъ планахъ!

Фридрихъ вернулся къ прежней темѣ разговора.

— Правда-ли, спросилъ онъ,—что вражда къ евреямъ уменьшилась?

— Что значитъ—уменьшилась? она совсѣмъ исчезла!—воскликнулъ Г-нъ Шлезингеръ.

– Объ этомъ лучше всего судить Г-ну Файгльштоку!— нахально замѣтилъ Блау,—онъ велъ себя какъ капитанъ, онъ покинулъ корабль послѣднимъ!

Адвокатъ разсердился.

— Г-нъ Блау, берегите свои уши! я вамъ скажу, какъ меня зовутъ! Меня зовутъ Вальтеромъ! замѣтьте себѣ это! Хотя я никогда не стыдился имени моего отца, но прежде нужно было отдавать дань предразсудкамъ, нужно было идти на компромиссы, что-бы не быть битымъ.

— А какъ же теперь?—спросилъ Фридрихъ.

— Теперь все это лишнее; впрочемъ Г-нъ Блау преувеличиваетъ и глупо острить. Я только недавно перебрался сюда; изъ этого видно, что я слѣдую внутреннему влеченью, и не дѣйствую по расчету.

—„Конецъ дѣлу вѣнецъ“ *) загоготалъ Г-нъ Грюнъ. Г-нъ Блау сострилъ относительно недостатка кліентовъ, но сдѣлалъ это шепотомъ, такъ что адвокатъ не разслышалъ его словъ.

Д-ръ Вальтеръ увлекся и сталъ разсказывать о послѣдствіяхъ переселенія въ Европѣ: онъ Д-ръ Вальтеръ, съ самаго начала понялъ всю пользу сіонизма, какъ для самыхъ переселенцевъ, такъ и для евреевъ, оставшихся въ Европѣ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ адептовъ сіонизма и онъ работалъ въ пользу національной идеи, хотя его общественное положеніе и не позволя-

*) Непередаваемая на русскомъ языкѣ игра словъ вмѣсто; „Ende gut, Alles gut“ – „Ende Iud, Alles Iud.“.

ло ему выражать свои симпатіи открыто. Въ доказательство онъ привелъ слѣдующій случай: у него въ канцеляріи служилъ бѣдный студентъ въ качествѣ писца; онъ не прогналъ его и не лишилъ его куска хлѣба несмотря на то, что зналъ, что писецъ посѣщаетъ сіонистскія собранія. Онъ, Г-нъ Вальтеръ, также принесъ свою лепту національному фонду, когда былъ уже собранъ достаточно большой капиталъ и когда предпріятіе не казалось больше рискованнымъ.

Г-нъ Блау хотѣлъ отмстить за понесенную имъ только что обиду:

— Вы принесли свою лепту? скажите, что это такое? неужели есть такая монета?. Г-нъ Вальтеръ не смутился. Онъ только плечами пожалъ, даже не взглянулъ на Блау, и продолжалъ разсказывать: Всѣмъ извѣстно, что евреи нашли гостепріимную родину. Но и тѣмъ евреямъ, которые не переселились въ Палестину, жилось гораздо лучше чѣмъ раньше; на нихъ не сыпались болѣе прежнія нападки, такъ какъ конкурренція ихъ съ другими членами общества уменьшилась, а мѣстами и совсѣмъ исчезла. Въ странахъ, гдѣ прежде господствовалъ еврейскій элементъ населенія, нынче наступили соціальныя улучшенія. Сперва чувствовался лишь отливъ низшихъ классовъ общества, пролетаріевъ, но впослѣдствіе переселенческое движеніе охватило и средніе и высшіе слои общества. Въ древнюю, обновленную родину сперва поспѣшили тѣ, которымъ нечего было терять на чужбинѣ. Переселеніе было вполнѣ добровольное, и поэтому эмигрировали лишь тѣ лица, которыя расчитывали пристроиться въ Палестинѣ. Лишенные работы, отчаявшіяся люди бросились

въ ту страну, гдѣ предъ ними открылось широкое поле труда и гдѣ осуществились ихъ лучшія надежды. Это явленіе вполнѣ понятно. Въ Палестинѣ представлялся случай скоро найти заработокъ и даже достичь извѣстнаго благосостоянія, т. к. тамъ зарождались новыя предпріятія. Къ тому же всѣхъ привлекала—свобода. Никто не преслѣдовалъ тамъ за національность и вѣроисповѣданіе: и это условіе само по себѣ оказывало уже достаточную притягательную силу. Къ тому-же произошло сліяніе всѣхъ существовавшихъ до тѣхъ поръ еврейскихъ благотворительныхъ учрежденій. Это сліяніе имѣло благотворное вліяніе. До тѣхъ поръ всѣ мѣстные еврейскіе благотворительные комитеты при всемъ желаніи не могли справиться съ наростающими нуждами гонимаго народа. Когда восточно-еврейскіе бѣдняки уѣзжали на западъ, гонимые нуждою и голодомъ, то и болѣе отдаленныя мѣстности были заинтересованы въ ихъ призрѣніи. Жертвовали, жертвовали безъ конца для этихъ странствующихъ нищихъ, и все же никогда не хватало денегъ для ихъ призрѣнія, тратились громадныя суммы безъ надлежащаго контроля въ каждомъ единичномъ случаѣ. Результаты были плачевные: развитіе профессіональныхъ нищихъ и искусственная поддержка жалкихъ, никуда не годныхъ ремеслъ. Сіонистическая идея послужила основаніемъ для сліянія всѣхъ гуманныхъ стремленій еврейскаго народа. Общины во всѣхъ странахъ поддерживали бѣдныхъ переселенцевъ своего округа. Такимъ путемъ общины освобождались отъ дармоѣдовъ и могли быть увѣрены въ томъ, что помощь оказывается лишь лицамъ, достойнымъ ея. Честный трудъ всегда могъ най-

ти приложеніе въ Палестинѣ. Можно было смѣло считать лѣнтяями и негодяями тѣхъ лицъ, которые заявляли, что не могутъ пристроиться въ Палестинѣ; они и не заслуживали участья. Въ первое время было распространено мнѣніе, что подобное переселеніе пролетаріевъ не можетъ имѣть хорошихъ послѣдствій. Г-нъ Вальтеръ и всѣ мыслящіе люди понимали всю узость и недальновидность этого предположенія. Всѣ колоніи, извѣстныя во всемірной исторіи, образовались путемъ переселенія бѣдняковъ. У сытыхъ людей нѣтъ основанія расширять границы человѣческой культуры. Сытые—остаются дома. Голоднымъ принадлежитъ весь міръ. Сѣверную Америку заселили пуритане, гонимые за свою вѣру. Искавшіе счастья поселились въ Индіи и въ Южной Африкѣ. Австралію, великую, гордую, богатую и цвѣтущую Австралію заселили преступники.

Въ началѣ 19-таго столѣтія Австралія была жалкой, презрѣнной колоніей преступниковъ и въ теченіе немногихъ десятилѣтій въ ней выработался прочный, здоровый государственный строй; къ концу 19-таго столѣтія Австралія была драгоцѣннымъ камнемъ въ коронѣ Великобританской имперіи.

Какъ уже было сказано, Г-нъ Вальтеръ и его образованные единомышленники смѣялись надъ мнѣніемъ, что пролетаріи не могутъ основать колоніи.

Если преступники могли совершить это въ Австраліи, то тѣмъ болѣе слѣдовало расчитывать на успѣхъ піонеровъ еврейскаго народа, которыхъ поддерживало все еврейское общество въ ихъ благотворной борьбѣ за честь, за свободу всей націи. Послѣдовавшія событія служили подтвержденіемъ предсказаній Вальтера;

онъ не можетъ умолчать объ этомъ не смотря на свою обычную скромность. Обширныя техничечкія подготовительныя работы потребовали многочисленный рабочій персоналъ съ высшимъ образованіемъ, такъ напр.: инженеровъ, юристовъ и т. д. Такимъ образомъ многіе молодые люди, которые въ тѣ юдофобскія времена не могли выбиться на дорогу, сразу нашли примѣненіе своимъ знаніямъ въ частныхъ и въ общественныхъ предпріятіяхъ въ Палестинѣ. Они не стѣснялн болѣе своихъ христіанскихъ товарищей. Евреи перестали быть тягостными конкуррентами и экономическая вражда и зависть—улеглись. Болѣе того: достоинства евреевъ стали оцѣниваться лишь тогда, когда предложеніе ихъ на рынкѣ сократилось. Цѣнность услугъ увеличивается съ сокращеніемъ ихъ предложенія: это всѣмъ извѣстная истина. Это положеніе относится и къ услугамъ евреевъ въ экономической сферѣ.

Такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ замѣтно было улучшеніе жизненныхъ условій. Въ странахъ, гдѣ дорожили еврейскими силами, общественное мнѣніе склонилось на сторону евреевъ. Евреямъ даровали полное равноправіе не только на бумагѣ, но и фактически. Насильственныя мѣры не могли бы вызвидить охотное сотрудничество евреевъ въ области искусства, науки, торговли и на прочихъ поприщахъ гражданской жизни; но терпимость достигла этого, т. к. эмансипація евреевъ во всѣхъ странахъ наступила лишь тогда, когда евреи почувствовали почву подъ собою въ своей собственной странѣ. Евреи, желавшіе ассимилироваться съ другими народами, могли сдѣлать это открыто, а не трусливо и лживо, какъ въ прежнія времена. Многіе пожелали

перейти въ вѣру окружавшаго ихъ большинства: подобный поступокъ не навлекалъ болѣе подозрѣнія въ погонѣ за карьерой и за наживой. Отреченіе отъ еврейства не представляло больше никакихъ выгодъ.

Евреи, которые сходились со своими согражданами во всемъ, исключая религіи пользовались полнымъ уваженіемъ, даже какъ представители вѣры меньшинства. Терпимость зиждется на взаимности, и когда евреи оказались вѣротерпимыми тамъ гдѣ они составляютъ большинство, т. е. въ Палестинѣ, то и другіе народы отвѣтили имъ тѣмъ же.

— Поэтому,—закончилъ Д-ръ Вальтеръ свой небольшой докладъ, съ любезною улыбкой по адрессу профессора Штейнекъ.—поэтому я сторонникъ идей партіи Литвака и Штейнека. Я буду бороться за эти идеи и готовъ пожертвовать для нихъ своею жизнью. Г-ну Блау колко замѣтилъ:—Пожалуйста не забудьте доложить объ этомъ Вашему брату, г-нъ профессоръ! Если Д-ръ Вальтеръ на Вашей сторонѣ,—то на Вашей сторонѣ большинство!

Адвокатъ побагровѣлъ отъ злости.

Что Вы хотите сказать этимъ, Вы.. Вы?..

— Ничего!—отвѣтилъ острякъ съ дѣланной безпечностью:—я всегда видѣлъ Васъ въ рядахъ большинства; поэтому можно поздравить съ побѣдой ту партію, къ которой Вы присоединяетесь!

— Если вы хотите сказать, что я мѣняю свои убѣжденья, то.... то я могу только смѣяться надъ Вами! Каждый человѣкъ съ годами становится разумнѣе. Но если я уже убѣжденъ въ чемъ нибудь, то я всегда неуклонно придерживаюсь своихъ убѣжденій.

— Конечно,—воскликнулъ Г-нъ Гронъ, почесывая свое оттопыренное ухо,—я согласенъ въ Вами. Когда Г-нъ Вальтеръ убѣжденъ въ чемъ либо, то онъ слѣдуетъ своему убѣжденію неуклонно; но когда Г-нъ Вальтеръ приходитъ къ другому убѣжденію, то онъ неуклонно слѣдуетъ другому, и это очень характерно. Г-нъ Шлезингеръ, который все еще пользовался большимъ уваженіемъ въ этомъ обществѣ, въ качествѣ довѣреннаго барона Гольдштейна, властно вмѣшался въ споръ.

Что это господа? развѣ мы находимся въ народномъ собраніи? Какое намъ дѣло до убѣжденій? Я признаю лишь двѣ вещи: дѣла и развлеченія.

— Браво!—воскликнулъ Кингскуртъ,—и на первомъ планѣ у Васъ дѣла?

— Видите ли, этотъ господинъ со мной согласенъ. Развѣ мы теперь заняты дѣломъ? Нѣтъ! слѣдовательно намъ нѣтъ дѣла до убѣжденій!

— Вы всегда попадаете въ точку!—польстилъ ему Шиффманъ и затѣмъ обратился полушепотомъ къ Фридриху и къ Кингскурту:—Не даромъ онъ пользуется довѣріемъ барона Гольдштейна. Онъ представитель ихъ фирмы въ г. Яффѣ.

— Неужели?—воскликнулъ Кингскуртъ, состроивъ удивленную физіономію.

— Шлезингеръ скромно опустилъ глаза, какъ знаменитость, которую показываютъ толпѣ.

Между тѣмъ дамы стали болтать о шляпахъ какъ въ былия времена. Г-жа Ляшеръ оратарствовала особенно усердно: она выписываетъ всѣ туалетѣ изъ Парижа, Rue de la Paix.

Г-жа Эрнестина Вейнбергеръ подала знакъ Фридриху, чтобы онъ подсѣлъ къ ней, и начала тихо болтать съ нимъ.

— Да, это моя дочь, Какъ скоро пролетѣли годы! Какъ вы находите ее? Она красива или некрасива?

— Совсѣмъ въ мать!—проговорилъ онъ машинально.

— Значитъ некрасива, ахъ Вы невѣжа!—она кокетливо подмигнула ему. Ему стало грустно, при видѣ этой отцвѣтшей, кокетливой женщины. Вотъ, во что превращается чрезъ 20 лѣтъ причина нашихъ великихъ страданій! И какъ онъ могъ тосковать по ней! Жаль потеряннаго времени!

Она не имѣла ни малѣйшаго представленія о томъ, что происходило въ его душѣ и продолжала:—Что онъ думаетъ предпринять? останется ли онъ здѣсь, или уѣдетъ въ Европу? Не думаетъ ли онъ обзавестись хозяйствомъ, жениться?

— Я?—спросилъ онъ съ удивленіемъ.—Я? въ эти годы? Слишкомъ поздно; я упустилъ это какъ и многое другое, болѣе важное.

О, Вы не откровенны,—сказала г-жа Вейнбергеръ.—Вы выглядите гораздо моложе своихъ лѣтъ. Вы хорошо сохранились на Вашемъ необитаемомъ островѣ. Погодите, пусть наивный ребенокъ отгадаетъ Ваши лѣта.... Фифи, угадай, сколько лѣтъ Г-ну Левенбергу.

М-ме Фифи Вейнбергеръ, наивный ребенокъ, посмотрѣла на него, опустила глаза и пролепетала:

— Около тридцати, мамаша!

— О нѣтъ, милая барышня, Вы не посмотрѣли на меня какъ слѣдуетъ.

— Нѣтъ посмотрѣла,—снова залепетала она, я видѣла Васъ уже раньше, въ операѣ, когда Вы сидѣли рядомъ съ Миріамъ Литтвакъ.

— A propos,—сказала Эрнестина,—какъ Вамъ нравится Миріамъ Литтвакъ? я не говорю конечно о наружности, она недурна собой. Но ея манеры, ея поведеніе. Она очень рисуется исполненіемъ своего долга, разыгрываетъ роль учительницы. Это теперь въ модѣ.

Фридрихъ былъ возмущенъ до глубины души.

— Сударыня, насколько мнѣ извѣстно, М-ме Литтвакъ ни разыгриваетъ ничьей роли; она въ самомъ дѣлѣ даетъ уроки. И она относится къ своему дѣлу вполнѣ серьезно.

— Однако Вы ярый защитникъ М-ме Литтвакъ!— подразнила его Эрнестина.

— Мой другъ зоветъ меня,—проговорилъ Фридрихъ, поднимаясь съ своего мѣста,—мы должны проститься съ Вами.

Они распростились со всѣми и ушли. Кингскуртъ взялъ Фридриха подъ руку и сказалъ:- Фрицъ угадайте, о чемъ я думалъ, находясь въ этомъ миломъ обществѣ.

— Не имѣю ни малѣйшаго представленья!

— О томъ, что намъ пора уѣхать. Вѣдь не мнили же мы себя разбойниками и убійцами для того, чтобы помириться съ представителемъ барона Гольдштейнъ? Или, Вы желаете причалить къ этой пристани?

— О чемъ Вы спрашиваете, Кингскуртъ? Вѣдь Вы знаете, что я принадлежу Вамъ и пойду съ Вами, когда Вы захотите, и куда Вамъ будетъ угодно!

Старикъ остановился и пожалъ ему руку.

Книга 4.

Св. Пасха.

Глава I.

Въ виллѣ стараго Литвака шли приготовленія къ пасхѣ. Къ вечеру прибыли гости. Русскій попъ изъ Сефориса, пріѣхалъ часомъ раньше другихъ. Давидъ прибылъ въ сопровожденіи францисканскаго патера Игнатія: это былъ краснощекій, упитанный блондинъ, который казался особенно толстымъ въ своей коричневой рясѣ. Онъ родился въ Кёльнѣ на Рейнѣ и послѣднее двадцатипятилѣтіе жилъ въ Тиверіи; но онъ до сихъ поръ не освободился отъ Кёльнскаго выговора. Добрый патеръ говорилъ только по нѣмецки. Попъ и англиканскій священникъ, мистеръ Гопкинсъ, старались объясниться съ патеромъ Игнатіемъ на его родномъ языкѣ.

Столъ изъ кедроваго дерева былъ покрытъ въ большой столовой нижняго этажа. На скатерти, блестѣвшей бѣлизною, было около двадцати приборовъ. Давидъ указалъ всѣмъ гостямъ на ихъ мѣста и сѣлъ самъ напротивъ своего отца. Старый Литвакъ сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ; съ правой стороны около него одинъ стулъ остался незанятымъ; онъ былъ предназначенъ для больной матери Давида; но она не могла

принять участія въ празденствѣ. Съ лѣвой стороны около хозяина сидѣла мистриссъ Готландъ.

Началася древняя, красивая мелодрама Сейдера. Первый бокалъ былъ налитъ и хозяинъ произнесъ молитву, въ которой благодарилъ Бога за виноградъ и за всѣ Его дары, ниспосланные Его народу:

— «Господь Богъ! Ты далъ намъ дни радости, веселья, праздничные дни, дни, подобные этому дню св. Пасхи, который напоминаетъ намъ о нашемъ освобожденіи изъ Мицраима....»

Послѣ этой молитвы всѣ осушили бокалы. Только Кингскуртъ не пилъ. Мистриссъ Готландъ наклонилась къ нему и шепнула ему по англійскіи...:

— Дѣлайте все, что дѣлаютъ другіе; здѣсь такой обычай!

Кингскуртъ хотѣлъ по обыкновенію выругаться, но воздержался. Онъ былъ хорошо настроенъ и кромѣ того, онъ былъ настолько благовоспитанъ, что сейчасъ же исполнилъ незнакомые обряды. Христіанскіе священники также не составляли исключенья.

Хозяинъ дома омылъ руки въ серебряной чашѣ, которую подала ему Миріамъ; затѣмъ онъ взялъ кусочекъ петрушки, окунулъ ее въ чанъ съ соленой водой, произнесъ благословеніе и съѣлъ ее. Всѣмъ гостямъ подали немного петрушки и всѣ гости съѣли ее. Кингскуртъ сдѣлалъ веселую гримассу, его сосѣдка, Мистриссъ Готландъ, кротко ему улыбнулась. Затѣмъ съ блюда сняли яйцо, кость и жаренное мясо; чашу подняли съ торжественными словами:

— «Вотъ хлѣбъ, хлѣбъ страдальцевъ, хлѣбъ, который ѣли наши предки въ странѣ Мицраимъ....»

Мистриссъ Готландъ снова помогла Кингскурту; она указала ему пальцемъ на ту страницу Агады, гдѣ рядомъ съ еврейскимъ подлинникомъ былъ и нѣмецкій переводъ. Второй разъ наполнили бокалы, и Давидъ, какъ самый младшій изъ сидящихъ за столомъ, всталъ, и, какъ-то требуетъ обычай, задалъ вопросъ:—«Ma nischtaneh halajloh hasch?.... Чѣмъ эта ночь отличается отъ остальныхъ ночей года? Во всѣ остальныя ночи года мы ѣдимъ хлѣбъ и опрѣсноки. Въ эту ночь мы ѣдимъ одни только опрѣсноки. Во всѣ остальныя ночи года мы ѣдимъ разныя коренья; въ эту ночь мы ѣдимъ лишь горькія коренья....»

Затѣмъ открыли блюдо съ плоскими хлѣбами св. Пасхи и всѣ вмѣстѣ отвѣтили на вопросъ младшаго:

— «Нѣкогда мы были рабами Фараона въ Мицраимѣ, Господь Богъ вывелъ насъ оттуда, Своею сильною дланью, Своею простертою рукою....»

И такъ продолжалось это торжество, похожее на семейный праздникъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, и на богослуженіе. Оно должно было глубоко тронуть каждаго, кто былъ способенъ чувствовать умиленіе. Этотъ праздникъ, чисто еврейскій праздникъ, былъ болѣе древняго происхожденія, чѣмъ всѣ остальные праздники живущихъ до нынѣ народовъ. Много, много столѣтій тому назадъ Пасху праздновали какъ и нынче. Съ тѣхъ поръ весь міръ успѣлъ преобразоваться, успѣли погибнуть народы и другіе успѣли замѣнить ихъ въ міровой исторіи; для человѣчества открылись новыя страны свѣта, новыя земли возстали изъ морей, невѣдомыя силы природы облегчили жизнь и украсили ее. И только одинъ народъ неизмѣнно сохранилъ свои древ-

ніе обычаи, только одинъ народъ остался себѣ вѣренъ и помнилъ страданія своихъ отцовъ. Этотъ народъ все еще молился тысячелѣтними словами, призывая Всевышняго; это былъ народъ, извѣдавшій рабство, и узнавшій, наконецъ, свободу,—народъ Израиля.

Одинъ изъ присутствующихъ произносилъ еврейскія слова молитвы съ жаромъ и съ вдохновеніемъ человѣка, вернувшагося наконецъ къ давно утерянному прошлому. Волненіе спирало ему дыханіе, онъ долженъ былъ напречь всю силу своей воли, что-бы не зарыдать громко при всѣхъ.

Прошло около тридцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ самъ, будучи еще отрокомъ, спрашивалъ извѣстное Ma nischtaneh. Затѣмъ насталъ для него періодъ «просвѣщенья», отреченія отъ всего еврейскаго и отсюда логически послѣдовалъ скачекъ—въ пустоту, лишившій его опоры и цѣли жизни. На этомъ сейдерѣ онъ чувствовалъ себя какъ блудный сынъ, вернувшійся подъ родной кровъ.

Когда кончилась первая половина торжества, и когда внесли кушанье, Кингскуртъ крикнулъ ему чрезъ столъ:

— Фрицъ, я совсѣмъ не зналъ, что вы такъ хорошо знаете древне-еврейскій языкъ!

— Я, признаться, самъ не зналъ этого,—отвѣтилъ Фридрихъ, но кажется, что есть вещи, которыя съ дѣтства не забываются!

Во время общаго разговора Фридрихъ и Кингскуртъ слышали нѣсколько разъ имя господина, съ которымъ они еще не были знакомы; это было имя Іосифа Леви. Господа Штейнекъ называли его англійскимъ умень-

шительнымъ «Ioe». Это звучало, въ ихъ устахъ какъ «Тшо».

— Какъ жалко, что нѣтъ нашего Тшо!,—сказалъ архитекторъ громко.

— Да,—воскликнулъ его братъ, безъ Ioe не можетъ быть торжества! оно не полное! Вы понимаете?

— Нѣтъ, я не понимаю,—объявилъ Кингскуртъ. — Меня все время очень интерисуетъ, кто этотъ неизвѣстный Г-нъ Ioe.

— Онъ не знаетъ кто Ioe!—воскликнулъ архитекторъ, и громко засмѣялся. Профессоръ сказалъ:

— Это большой пробѣлъ въ вашемъ образованіи, господа! Всѣ должны знать, кто Ioe; не будь Ioe, — мы не сидѣли-бы здѣсь за этимъ столомъ. Ioe совершилъ самыми простыми средствами самое невѣроятное. Ioe—замѣчательный человѣкъ! Ioe обладаетъ однимъ качествомъ, которое встрѣчается рѣже золота, рѣже платины, рѣже, чѣмъ самое рѣдкое!

— Чортъ возьми, вы меня волнуете, профессоръ, скажите, наконецъ, что это за качество?

— Это обыкновенный здравый смыслъ! понимаете?

— Начинаю понимать.... но мнѣ-бы хотѣлось наконецъ увидѣть этого замѣчательнаго человѣка!

Архитекторъ приложилъ руки къ губамъ, изображая ими трубу, и весело крикнулъ:

— Тшо, Тшо!

Мистриссъ Готландъ знакомъ руки велѣла крикуну замолчать и сказала:

— Милый другъ, даже вы не можете крикнуть такъ громко, что-бы онъ васъ услышалъ. Потрудитесь подойти къ телефону; тогда, конечно, это будетъ

легко!—Вамъ стоитъ только попросить соединить съ Марселью. Нашъ добрый Іое сегодня прибылъ въ Марсель. Онъ всѣмъ кланяется. Я съ нимъ только что говорила по телефону.

— Что! -крикнулъ архитекторъ, — такъ внезапно, не сказавъ намъ ни слова!

— Нѣсколько дней тому назадъ онъ внезапно рѣшилъ ѣхать,—продолжала Г-жа Готландъ,—Вы вѣдь знаете нашего Іое! Ему разсказали о какой то новой машинѣ, которую изобрѣлъ какой то фабрикантъ въ Ліонѣ. „Ее нужно посмотрѣть!" рѣшилъ Іое, и выѣхалъ въ Европу въ тотъ же вечеръ. Такъ какъ газеты извѣщены о его пріѣздѣ телеграммой, то его въ настоящій моментъ вѣрно осаждаютъ фабриканты, агенты заводовъ, инженеры. Это всегда такъ, когда Іое ѣдетъ въ Европу.

Решидъ Бей замѣтилъ:

— Его обыкновенно встрѣчаютъ представители различныхъ отраслей промышленности. Онъ имѣетъ торговыя связи съ Англіей, съ Германіей, съ Франціей и съ Америкой. Завтра онъ вѣрно направится въ Америку, если онъ не поѣдетъ въ Лондонъ, или не вернется сюда. У Іое Леви никогда не извѣстно заранѣе, что онъ предприметъ. Извѣстно лишь одно: что онъ всегда поступаетъ правильно. У Іое Леви уйдетъ меньше времени на то, чтобы совершить торгъ на пять милліоновъ, чѣмъ у насъ съ вами на покупку сюртука. Американцы въ восторгѣ отъ него. Онъ быстро заказываетъ, хорошо платитъ и никогда не ошибается.

— Чортъ возьми, это мнѣ нравится!—проворчалъ Кингскуртъ.

— Чѣмъ же онъ здѣсь занимается? Онъ главный директоръ промышленнаго вѣдомства,—сказалъ Давидъ.

— Собственно говоря нѣтъ должности, которая не подходила бы къ Іое Леви. Этотъ человѣкъ добьется всего, чего можно добиться желѣзной волей и здравымъ разсудкомъ. Онъ быстро соображаетъ и разбирается въ самыхъ сложныхъ положеніяхъ. И если Іое возьмется за что нибудь, то вы можете быть увѣрены въ томъ, что онъ выполнитъ свою задачу. Я такъ и думалъ, господа, что эта сильная, дѣльная личность заинтересуетъ васъ. Послѣ обѣда вы услышите по крайней мѣрѣ его рѣчь: я жалѣю, что пока могу лишь нарисовать вамъ его образъ словами.

— Намъ нужно подойти къ телефону?— спросилъ Кингскуртъ.

— Нѣтъ это лишнее! улыбнулся Давидъ, у насъ это гораздо удобнѣе. И не только Вы, но и будущія поколѣнія смогутъ услышать его рѣчь. Я счелъ не лишнимъ запечатлѣть на всегда голосъ предводителя еврейскихъ переселенцевъ. Я поэтому и попросилъ Іосифа Леви сообщить фонографу его докладъ о заселеніи нашей страны. Вы навѣрное уже 20 лѣтъ тому назадъ слыхали объ этомъ чудномъ изобрѣтеніи.

Кингскурту очень понравилась эта мысль:

— Это прекрасно, это чудная мысль, многоуважаемый „человѣкъ будущности"! Я все время стараюсь выяснить себѣ „переходъ." Предъ глазами уже готовое! но какъ все это создалось? Вотъ въ чемъ загадка! Давно уже, еще предъ тѣмъ какъ вступить въ Палестину, мы, некультурные въ сравненіи съ вами европейцы, знали о суще-

ствованіи желѣзныхъ дорогъ, гаваней, фабрикъ, автомобилей, телеграфовъ, фонографовъ, фотографовъ и всякаго рода „графовъ"; но какъ вы пересадили все это на почву Палестины? Вотъ это мнѣ еще не совсѣмъ ясно.

— Іое объяснитъ Вамъ начало послѣ того, какъ мы покажемъ Вамъ конецъ,—отвѣтилъ Давидъ,—и сейдеръ вполнѣ подходящее для этого время. Мы сегодня читаемъ въ нашей Агадѣ о томъ, какъ нѣкогда мудрецы собрались въ Бене-Баракѣ и всю ночь разсуждали о выходѣ евреевъ изъ Мицраима. Мы—потомки раббн — Элиезера, раббн Іехошуа, раббн Элеазара, сына Альзаріаса, раббн Акиба и раббн Тарона. И нынче—наша Бене—Баракская вечеря. Старина воскресаетъ и прошедшее переходитъ въ настоящее.

Мы закончимъ нашъ сейдеръ по обычаю предковъ, а затѣмъ мы перенесемся въ настоящее, въ новый вѣкъ. Мы снова были въ Мицраимѣ и снова состоялся счастливый выходъ изъ Мицраима. Но этотъ выходъ соотвѣтствовать требованіямъ времени, онъ отвѣчалъ всѣмъ техническимъ условіямъ начала двадцатаго столѣтія. И это не могло произойти иначе; и это не могло произойти раньше. Для этого необходимо было наступленіе вѣка техническихъ усовершенствованій. Всѣ народы должны были дойти до сознанія необходимости извѣстной колоніальной политики. Вмѣсто кораблей должны были появиться на свѣтъ пароходы—великаны, со своею громадною скоростью. Однимъ словомъ долженъ былъ существовать инвентарь 1900 года! Мы должны были превратиться въ новый народъ, и мы должны были остаться вѣрными старому. Благосклонное участіе другихъ народовъ и ихъ властителей также было намъ

необходимо, иначе мы не совершили бы нашего великаго дѣла.

— Богъ помогъ намъ!—сказалъ старый Литвакъ, и сталъ бормотать древнееврейскія слова.

Англиканскій пасторъ Гопкинсъ напомнилъ своимъ товарищамъ—священникамъ о пасхальномъ спорѣ церквей въ древности и указалъ на то, какъ гармонично окончились тщетные раздоры. Нынче всѣ христіане могли мирно собраться у очага еврея и при этомъ не были оскорблены ничьи религіозныя убѣжденья! Для человѣчества наступила весна, человѣчество воскресло!

— Воистину воскресло!—сказалъ попъ изъ Сефориса.

Глава II.

Послѣдовалъ послѣобѣденный торжественный обрядъ, и когда были исполнены всѣ предписанія Агады, гости перешли въ салонъ, гдѣ ихъ на столѣ уже ждалъ фонографъ съ разсказомъ Іос. Кингскурту былъ извѣстенъ этотъ фонографъ и онъ замѣтилъ въ немъ только одно новое, довольно простое автоматическое усовершенствованіе: валики тихо катились одинъ за другимъ такъ, что разсказъ производился безъ перерывовъ. Можно было по желанію прервать разсказъ однимъ движеніемъ руки, можно было передвинуть валикъ и повторить отдѣльныя мѣста.

Всѣ размѣстились въ креслахъ и на диванахъ вокругъ стола. Давидъ сѣлъ къ столу, наставилъ трубу, надавилъ на пуговку аппарата и сказалъ: „вашъ другъ Іос Леви, имѣетъ слово:“ въ фонографѣ послышался

легкій шумъ, похожій на жужжаніе пчелъ, а затѣмъ раздался громкій, сильный мужской голосъ:

—Многоуважаемое Собраніе!

Я долженъ дать вамъ отчетъ о новѣйшемъ переселеніи евреевъ. Оно произошло очень просто, само собою. Мнѣ кажется, что ему придаютъ слишкомъ большое значеніе. Политическая сторона дѣла меня не касается. Я этому очень радъ. Я не дипломатъ, никогда не былъ имъ и не буду. Мнѣ дали порученіе,—и я его выполнилъ. Наше общество было основано подъ названіемъ „Новаго Общества для Колонизаціи Палестины". Это общество заключило договоръ съ турецкимъ правительствомъ насчетъ переселенія. Всему міру извѣстны условія этого договора. Предъ окончательнымъ заключеніемъ договора Хартіи меня спросили, будемъ ли мы въ состояніи вносить ежегодно турецкой казнѣ такія большія суммы денегъ. Я категорически заявилъ—„да" При подписки Хартіи мы должны были представить турецкому правительству два милліона фунтовъ стерлинговъ наличными деньгами. Къ тому же мы обязались вносить въ турецкую казну въ теченіе тридцати лѣтъ пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ ежегодно и 25% чистаго дохода „Новаго Общества для Колонизаціи Палестины". По истеченіи тридцати лѣтъ мы должны отдать Турціи половину всего дохода „Новаго Общества", если турецкое правительство не предпочтетъ получать удесятеренную сумму нашего ежегоднаго взноса въ качествѣ постоянной, неизмѣнной подати. Турецкое правительство обязано сообщить намъ о своемъ рѣшеніи на двадцать—седьмой годъ со дня заключенія договора. Впрочемъ мы и те-

перь имѣемъ основаніе предполагать, что турецкому правительству выгоднѣе взять съ насъ половину чистаго дохода „Новаго Общества". За всѣ эти подати мы получили право управленія всѣми нашими колоніями, хотя онѣ и остались подъ верховнымъ покровительствомъ султана.

Конечно, подати были велики, и у насъ сначала были сомнѣнія насчетъ того, сможетъ ли „Новое Общество" функціонировать при такихъ условіяхъ. Наша страна была бѣдна, а населеніе ея должно было образоваться изъ пролетаріата всѣхъ другихъ государствъ. Впрочемъ были и учрежденія, преслѣдовавшія спеціально еврейскія, національныя цѣли. Ихъ оборотный капиталъ въ концѣ 1900 года равнялся двѣнадцати милліонамъ фунтовъ стерлинговъ. Но вѣдь кромѣ платы турецкому правительству, намъ нужны были еще суммы для покупки земель на правахъ частнаго владѣнія, для устройства хозяйствъ совершенно неимущихъ переселенцевъ, для расчистки лѣсовъ, удобренія почвы, для всякаго рода агрономическихъ и техническихъ улучшеній. Какими суммами должны были мы покрыть эти расходы. Въ нашемъ комитетѣ были и боязливые люди, которые предсказывали полное крушеніе нашего предпріятія. Но мои друзья и я, мы переубѣдили нашихъ боязливыхъ товарищей. Мы убѣдили ихъ въ томъ, что наши соображенія основаны не только на существующихъ данныхъ, а также и на тѣхъ результатахъ нашего труда, на которые мы имѣли полное право расчитывать въ будущемъ. Наше дѣло, основанное для будущаго, должно было найти поддержку и опору въ этомъ будущемъ. Чрезъ десять лѣтъ отроки, которыхъ

мы привели сюда, превратились въ мужей; а больнаго и не требуется. Намъ нужны только люди. Мы сами привели сюда этихъ людей, мы сами воспитали ихъ въ нашемъ духѣ и мы пользуемся этими людьми такъ, какъ это требуетъ наше благо и ихъ благо, т. е. благо всей нашей общины. Это самое простое разсужденіе въ мірѣ. Народы самыхъ мелкихъ государствъ слѣдуютъ ему. Только евреи забыли эту народную азбуку.

Намъ помогъ еще одинъ факторъ; евреи не знали о немъ, хотя сами небыли ему чужды на многихъ поприщахъ. Этотъ факторъ – предпріимчивость! Я укажу на примѣрѣ: когда въ концѣ девятнадцатаго вѣка были найдены золотые пріиски въ Клондикѣ, въ Аляску устремились толпы жадныхъ предпринимателей. Я не говорю о хозяевахъ золотыхъ пріисковъ, а о дѣльцахъ, которые тотчасъ же присоединились къ нимъ. Въ Клондику вдругъ стали возить кровати, столы, стулья, бѣлье, сапоги, платья, консервы, врачей, учителей, пѣвцовъ и т. д.— словомъ всѣ предметы необходимости и всѣ необходимые предметы. И все это оттого, что тамъ сконцентрировался капиталъ. Шли не за сокровищами, сокрытыми въ землѣ, а за доходами, которые уже имѣлись на лицо.

Профессоръ не могъ воздержаться отъ своего обычнаго воклицанія „Вы понимаете!“. Но его братъ сердито остановилъ его, и онъ пристыженный замолчалъ. фонографъ продолжалъ:

— Я привёлъ этотъ примѣръ для того, чтобы показать вамъ, какъ одно предпріятіе влечетъ за собой цѣлый рядъ новыхъ предпріятій. Каждый человѣкъ почти инстинктивно чувствуетъ и сознаетъ это, и безъ

помощи таинственныхъ разъясненій профессоровъ политической экономіи. Фактически евреи издавна самый предпріимчивый народъ. Только почему то онъ никогда не расчитывалъ на свое собственное будущее, благопріятное въ экономическомъ отношеніи. Отчего же? Оттого, что на это никогда не было достаточной гарантіи. Когда же создалась и гарантія, то евреи должны были обнаружить въ своей собственной странѣ по меньшей мѣрѣ ту же предпріимчивость, что и въ другихъ странахъ.

Поэтому я съ легкостью досталъ необходимый капиталъ. Когда же страна была подготовлена, и когда переселеніе было организовано,—дальнѣйшая уплата денегъ не представляла собой трудностей. И вотъ видите, на этомъ основаніи я имѣлъ право отвѣтить утвердительно на вопросъ,—смогутъ ли евреи выплатить турецкому правительству назначенную сумму; и я при этомъ не долженъ былъ опасаться недостатка въ оборотномъ капиталѣ. Это не былъ опытъ съ моей стороны: это было примѣненіе прежняго опыта и наблюденія.

Хартія была подписана; мы внесли всю необходимую сумму. Я въ то время стоялъ во главѣ колонизаціоннаго комитета и испросилъ себѣ разрѣшеніе до поры до времени держать въ тайнѣ условія Хартіи. Я хотѣлъ избѣжать стихійнаго, массоваго переселенія; навѣрное оно повлекло бы за собой большіе безпорядки. Сюда поспѣшили бы самые бѣдные и поэтому самые жадные люди, сюда пріѣхали бы и немощные и старики. Мы прежде всего развели бы у себя разнаго рода эпидемическія заболѣванія и голодъ. Есть одна старая фран-

цузская пьеса подъ заглавіемъ: „боязнь радости". Точно такъ же и я боялся радости моихъ бѣдныхъ евреевъ. Я осторожно подготовилъ ихъ къ великому счастью; я долженъ былъ подготовить и насъ самихъ, господа!

Составилось правленіе „Новаго Общества"; правленіе назначило меня главнымъ казначеемъ на 5 лѣтъ. Прежде всего мнѣ отпустили кредитъ на милліонъ фунтовъ стерлинговъ. Одинъ изъ моихъ инженеровъ замѣтилъ, что это слишкомъ мало.....

— О да, слишкомъ мало,—воскликнулъ Кингскуртъ и возбужденно замахалъ руками,—остановите ка эту машину!

Давидъ быстро остановилъ фонографъ.

— Пожалуйста, потрудитесь выяснить мнѣ кое что съ самаго начала! а то я не понимаю Вашего Іое и всѣхъ его фонографовъ! Что это за „Новое Общество?" Это вѣрно то же общество, о которомъ вы нѣсколько разъ говорили въ Нейдорфѣ? и что это за „правленіе"? И откуда вы достали деньги, хотя бы и незначительную сумму?

Давидъ кивнулъ головой:

— Я понимаю всѣ эти вопросы; правда Іое Леви не зналъ, что ему придется разсказывать вамъ объ этомъ. Нынче это знаетъ каждый ребенокъ. „Новое Общество" того времени и „Новое Общество" въ настоящее время не совсѣмъ одно и тоже, хотя они и походятъ другъ на друга. Нѣкогда „Новое Общество" было акціонерной компаніей, а нынче это—товарищество. Съ матеріальной стороны товарищество является наслѣдникомъ акціочерной компаніи.

— Вы понимаете?—спросилъ профессоръ.

— Нѣтъ! развѣ акціонеры раздарили свои деньги? это все сказки!...

— Мистеръ Кингскуртъ,—возразилъ Давидъ, я сейчасъ выясню вамъ значеніе юридическихъ лицъ, у насъ имѣется три разряда юридическихъ лицъ. Вопервыхъ—учрежденія; они въ концѣ 1900 года обладали состояніемъ въ 12 милліоновъ. Вовторыхъ,—акціонерное общество, оно образовалось въ Лондонѣ, послѣ утвержденія Хартіи, при помощи преданныхъ нашему дѣлу лицъ изъ коммерческаго круга, собравшихъ 10 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Третье юридическое лицо,—это товарищество колонистовъ. Интересы колонистовъ всегда защищались на конгрессахъ ихъ выборными представителями. Вожаки направили народныя массы въ Палестину лишь послѣ того, какъ сговорились съ акціонернымъ обществомъ относительно его товарищеской организаціи.

— Благородный сказочный принцъ, вы меня поражаете! -засмѣялся Кингскуртъ, —неужели торгаши и барышники согласились на эти условія?

— Это не были торгаши, Г-нъ Кингскуртъ,—возразилъ Давидъ,—это были порядочные, честные дѣльцы, которые удовлетворились среднимъ доходомъ. Это былъ справедливый договоръ между трудомъ и капиталомъ. Капиталъ безъ труда и трудъ безъ капитала,—не могли бы преодолѣть всѣхъ трудностей переселенія. Капиталисты и рабочіе должны были быть одинаково обезпечены; если бы эти отношенія не были установлены съ самаго начала, то впослѣдствіе обнаружились бы злоупотребленія. Народъ могъ посягать на права акціонеровъ, акціонеры —на права народа. При томъ коло-

нисты не могутъ размѣнять акцій „Новаго Общества“. хотя бы чрезъ десять лѣтъ; это нами предусмотрѣно. Выкупной суммой можетъ служить лишь вложенный въ акціи капиталъ съ пятью процентами на пять лѣтъ.

Фридрихъ позволилъ себѣ вставить робкое замѣчаніе.

— Это условіе представляется мнѣ невозможнымъ. Откуда у неимущихъ колонистовъ можетъ набраться столько денегъ, чтобы выкупить акціи?

— Нѣтъ, голубчикъ,—сказалъ Кингскуртъ,—мнѣ теперь все уже ясно! При удачной колонизаціи колонисты легко могли раздобыть деньги. Они могли сдѣлать заемъ отъ имени цѣлаго товарищества.

— Совершенно вѣрно,—сказалъ Давидъ, -когда товарищество пожелало выкупить акціи, оно сдѣлало заемъ по 4%. И товариществу это очень выгодно. Чистый доходъ послѣднихъ пяти лѣтъ въ среднемъ равнялся милліону фунтовъ стерлг. Для выкупа акцій потребовалось около 20 милліоновъ. При годовыхъ процентахъ, покрывавшихъ чистую прибыль, товарищество могло сохранить 25 милліоновъ по 4%. Такимъ образомъ эта коммерческая операція принесла товариществу **пять милліоновъ прибыли.**

— Вотъ умницы!—удивлялся Кингскуртъ, но отчего акціонерное общество вдругъ такъ разбогатѣло?

— Главнымъ образомъ благодаря тому, что купленная имъ земля поднялась въ цѣнѣ,—отвѣтилъ Давидъ. —Это повышеніе цѣнности земли зависитъ отъ труда, вложеннаго въ нее, и поэтому въ концѣ концовъ трудъ и долженъ быть вознагражденъ. Вы также можете заключить изъ всего сказаннаго, какъ земля перешла во владѣніе общины. Земля стала собственностью това-

рищества, которое съ тѣхъ поръ и именуется „Новымъ Обществомъ“.

Архитекторъ Штейнекъ воскликнулъ:

— Можетъ быть нашимъ милымъ гостямъ не нравится, что мы имѣли дѣло съ такими презрѣнными средствами, какъ акціи и т. п.? Но мы не могли обойтись безъ этого.

— Вы ошибаетесь, -возразилъ Кингскуртъ,—я не такой ужъ оселъ. Я жилъ въ Америкѣ. Я знаю, что акціонерное общество,—это сосудъ, въ который можно влить и хорошее и дурное вещество. Не станете же вы говорить, что бутылка виновата въ томъ, что её наполнили ядомъ! Мы встрѣчали и раньше въ исторіи колоніальныя общества. Нѣкоторыя изъ нихъ были очень хороши, другія—омерзительны. Остиндійская компанія небыла такъ дурна! Въ вашемъ „Новомъ Обществѣ“ я вижу даже извѣстный моральный принципъ:—это товарищеское начало. Но что же было дальше? не послушать ли намъ снова вашъ фонографъ?

Глава III.

Давидъ снова поставилъ трубку фонографа и снова раздался голосъ Іос. Онъ повторилъ прежнія слова:

—Правленіе избрало меня казначеемъ на 5 лѣтъ. На первыхъ порахъ мнѣ отпустили кредитъ въ 5 милліоновъ фунтовъ стерл. Одинъ изъ моихъ инженеровъ замѣтилъ, что это очень мало. Но для начала эта сумма была достаточно велика. Я составилъ себѣ опредѣленный планъ. Дѣло было осенью. Послѣ зимнихъ дождей должно было начаться правильное переселеніе.

Я имѣлъ въ своемъ распоряженіи 4 мѣсяца для подготовительныхъ работъ. Нельзя было терять ни единаго часа.

Прежде всего я учредилъ центральную канцелярію въ Лондонѣ и назначилъ главныхъ управляющихъ различныхъ отдѣловъ; все это были знакомые мнѣ лица и лица съ хорошими рекомендаціями. Между ними были: Смитъ,—для завѣдыванія пассажирскими поѣздами, Рюбенцъ—для товарныхъ поѣздовъ, Штейнекъ для построекъ, Варшавскій,—для закупки машинъ, Алладино—для закупки земли, Конъ и Бровстонъ,—для снабженія переселенцевъ всѣми необходимыми средствами пропитанія, Гарбургеръ,—для устройства плантацій и садовъ; а Леонкинъ завѣдовалъ кассой. Моимъ главнымъ секретаремъ былъ Вельнеръ. Я называю ихъ подрядъ; Моимъ первымъ помощникомъ и главнымъ инженеромъ былъ Фишеръ, котораго къ сожалѣнію недавно похитила у насъ смерть. Это былъ прекрасный, серьезный, идейный человѣкъ. Мы не можемъ перестать оплакивать его.

Я послалъ Алладино въ Палестину и онъ долженъ былъ закупить земли, столько, сколько возможно было достать. Его предки были испанскими евреями, покинувшими испанію во время массовыхъ изгнаній. Онъ былъ честнымъ и умнымъ человѣкомъ и прекрасно владѣлъ арабскимъ и греческимъ языкомъ. До опубликованія Хартіи цѣны на землю были умѣренныя. Я могъ смѣло расчитывать на то, что сдержанный Алладино не проболтается и что хитрые агенты не перехитрятъ его. Покупка земель велась по особому счету Новаго Общества и на неё было отпущено 2 мил. фун. стер. При тогдашнихъ условіяхъ земледѣлія въ Палестинѣ

50 мил. франковъ являлись уже значительной суммой. До заключенія договора Хартіи я попросилъ турецкое правительство временно оставить въ силѣ распоряженія, затрудняющія переселеніе евреевъ. Такимъ образомъ мы оградили себя отъ безпорядочнаго, преждевременнаго наплыва народныхъ массъ.

Въ моемъ бюро хранилась географическая карта Палестины, раздѣленная на нѣсколько частей; Алладино имѣлъ копію этой карты. Онъ телеграфировалъ мнѣ номера отмѣченныхъ на картѣ квадратиковъ, когда покупалъ земли. Такимъ образомъ я ежедневно и ежечастно былъ освѣдомленъ относительно количества купленной нами земли и могъ распоряжаться ею.

Одновременно съ этимъ я послалъ ботаника Гарбургера въ Австралію для покупки южныхъ растеній; онъ имѣлъ также тайное полномочіе закупить растенія средиземнаго побережья, для украшенія Палестины. Алладино и Гарбургеръ вмѣстѣ поѣхали въ Марсель; тамъ они разстались. Алладино поѣхалъ въ Александрію слѣдующимъ пароходомъ, а Гарбургеръ разъѣзжалъ по Ривьерѣ, дѣлая всюду заказы на слѣдующую весну. Онъ ежедневно сообщалъ Рюбенцу о своихъ расходахъ. Чрезъ недѣлю Гарбургеръ изъ Неаполя отправился въ Портъ-Саидъ, и я снова имѣлъ извѣстія отъ него, лишь когда онъ пріѣхалъ въ Мельбурнъ.

Инженера Варшавскаго я послалъ въ Америку, гдѣ онъ закупилъ новѣйшія земледѣльческія машины, автомобили, и т. д. Варшавскій, какъ и другіе уполномоченные, не должны были неуклонно слѣдовать моимъ предписаніямъ, наоборотъ, они должны были руководиться одними практическими соображеніями. Я не

требовалъ длинныхъ отчетовъ. Но самое главное должны были мнѣ сообщать по телеграфу, указывая на факты и цифры. О всѣхъ новыхъ изобрѣтеніяхъ, которыя могли быть примѣнены въ нашей странѣ, немедленно должны были мнѣ писать и телеграфировать. Такимъ образомъ я за это время познакомился со многими новыми, интереснымъ явленіями. И наше предпріятіе удалось только оттого, что мы не отставали отъ своего вѣка. Я сказалъ Варшавскому на прощанье только нѣсколько словъ: „не покупайте стараго желѣза". Онъ понялъ меня.

У Варшавскаго было еще одно побочное порученіе. Онъ долженъ былъ направить въ Палестину еврейскихъ эмигрантовъ изъ восточной Европы, которыхъ судьба забросила въ Америку. Этотъ элементъ населенія былъ намъ особенно полезенъ. Это были люди, которые однажды уже сумѣли вырваться изъ бѣдствія и въ Америкѣ прошли хорошую школу борьбы за существованіе. Въ концѣ 19-го столѣтія въ Нью-Іоркѣ было больше евреевъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Само собой разумѣется, что не всѣ восточно-европейскіе бѣглецы сумѣли тамъ пристроиться. Ихъ было слишкомъ много и они снова попали въ бѣду. Отливъ еврейскаго населенія въ Палестину былъ такъ же необходимъ въ Америкѣ,—какъ и въ восточной Европѣ. И въ Америкѣ, нужно было подготовить эмиграцію въ Палестину. Я поручилъ Варшавскому переговорить со всѣми вожаками мѣстныхъ сіонистскихъ группъ. Чтобы предупредить преждевременное переселеніе,—онъ долженъ былъ сообщить имъ лишь немногое: „образовалось капиталистическое общество, и получило разрѣ-

шеніе для промышленныхъ и земледѣльческихъ операцій въ Палестинѣ. Въ февралѣ тамъ понадобятся хорошіе рабочіе, обученные и необученные. Представьте мнѣ листы, съ именами желающихъ поѣхать въ Палестину. Заполните слѣдующія рубруки: имя, возрастъ, мѣсто рожденія, родъ занятія, семейное положеніе, матеріальное положеніе. Среди необученныхъ рабочихъ мы отдаемъ предпочтеніе холостымъ, среди обученныхъ,—семейнымъ. Каждая сіонистская группа нравственно отвѣчаетъ за лицъ, рекомендованныхъ ею. Эта отвѣтственность заключается въ томъ, что группа, рекомендовавшая негоднаго члена, въ будущемъ лишается права посылать въ Палестину своихъ представителей. Рекомендація подходящихъ членовъ должна быть дѣломъ совѣсти отдѣльныхъ группъ. Какъ найти подходящихъ лицъ,—это ихъ дѣло; будь то путемъ всеобщаго голосованія или по иниціативѣ предсѣдателя. Они имѣютъ возможность знакомиться со своими членами, т. к. они вмѣстѣ работаютъ и знаютъ жизнь и дѣятельность каждаго.

Точно такія же указанія я довёлъ до свѣдѣнія русскихъ, румынскихъ, галиційскихъ и алжирскихъ сіонистскихъ группъ. Съ этою цѣлью я послалъ въ Россію Леонкина, Брэвстона изъ Ясс въ Румынію, Кона – въ Галицію, и Смита въ Алжиръ. Леонкинъ вернулся въ Лондонъ чрезъ три недѣли, остальные уже чрезъ двѣ. Они всюду организовали бюро для корреспонденціи; конечно во всемъ дѣлѣ требовалась несложная и строгая централизація. Я объявилъ въ отдѣльныхъ странахъ, что имѣю дѣло лишь съ центральными комитетами. Иначе насъ осаждали бы письмами. Представи-

тели отдѣльныхъ группъ избирали общіе комитеты, завѣдовавшіе цѣлыми районами; представители районовъ въ свою очередь избирали комитетъ, который и вёлъ съ нами переговоры. Намъ нужно было только знать распредѣленіе группъ по районамъ и по странамъ.

Чтобы облегчить себѣ свою задачу, я прибѣгъ къ наглядному пособію; я заказалъ себѣ булавки съ разноцвѣтными головками, съ зелеными, желтыми, красными, голубыми и т. д. Эти булавки я воткнулъ въ географическую карту, гдѣ обозначались отдѣльныя страны. Каждый цвѣтъ обозначалъ извѣстное состояніе мѣстнаго сіонистскаго движеніе. Бѣлый цвѣтъ означалъ, что въ данной мѣстности существуетъ организованная группа, составляющая листки. Зеленый цвѣтъ указывалъ на земледѣльческое населеніе района, красный,—на присутствіе фабричныхъ рабочихъ, желтый—на присутствіе мелкихъ ремесленниковъ, наконецъ свѣтло-голубой означалъ существованіе мѣстнаго профессіональнаго товарищества, которое требовало для переселенія въ Палестину клочка земли лишь взаимообразно. Чернымъ цвѣтомъ были обозначены группы, которыя послали непригодныхъ переселенцевъ; были у меня и булавочныя головки изъ двухъ цвѣтовъ, изъ краснаго и зеленаго, голубаго и желтаго и т. д. Все это мелочи, которыя, однако, очень облегчили мнѣ мою работу. Я въ теченіе многихъ лѣтъ всегда былъ освѣдомленъ относительно всѣхъ подробностей нашего движенья. Телеграммы и географическія карты всюду сопровождали меня. Затѣмъ появились на моей картѣ булавки, съ обозначеніемъ числа пароходовъ и желѣзныхъ до-

рогъ. Я точно зналъ число доставленныхъ грузовъ и грузовъ, находящихся въ пути. Когда я самъ путешествовалъ. Вельперъ изъ Лондона два раза въ день посылалъ мнѣ телеграфныя сообщенія.

Прежде въ обществѣ было распространено мнѣніе, что предстоящее переселеніе должно непремѣнно деморализировать массы. У нея не было бы охоты трудиться на мѣстѣ, разъ ёе ждало переселеніе въ другую страну. Но опасенія не оправдались, наоборотъ. Такъ какъ отдѣльныя группы посылали въ Палестину лишь надежные элементы населенія, то въ немъ развилось соревнованіе въ прилежаніи и въ честности. Наши листки стали почетными книгами общинъ. Нужно было приложить старанья, чтобы попасть въ благословенную страну. Такимъ образомъ мы достигли еще одного побочнаго результата. Признаться,—мнѣ и не снилось о немъ! А все жъ таки легко можно было его предвидѣть. Много негодныхъ, не надежныхъ людей старались исправиться и стали улучшать свое хозяйство. Такимъ образомъ благотворное вліяніе переселенія распространилось и на евреевъ, оставшихся въ другихъ странахъ. Переселенцы должны были возвыситься нравственно; но они должны были такъ же имѣть удостовѣреніе своей личности. Въ инструкціяхъ, данныхъ мѣстнымъ комитетамъ, было сказано, что мы принимаемъ лишь тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ свидѣтельство о разрѣшеніи выѣзда отъ мѣстной администраціи. Мы не принимали въ свое общество бродягъ и проходимцевъ. Правительства отдѣльныхъ странъ поддерживали насъ и облегчали намъ нашу задачу; впрочемъ все это понадобилось только впослѣдствіи.

Послѣ отъѣзда Алладино и Варшавскаго, я остался въ Лондонѣ съ однимъ инженеромъ Фишеромъ, съ Штейнекомъ и съ Вельнеромъ. Мы впервые набросали планы нашихъ техническихъ предпріятій. Многіе изъ нихъ осуществлены; многіе выполнены еще шире, чѣмъ мы предполагали. Мы не изобрѣли ничего абсолютно—новаго; мы воспользовались опытомъ американскихъ, французскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ инженеровъ. Но на Востокѣ мы все же были первыми вѣщателями культуры.

Штейнекъ составлялъ проекты построекъ, стаціонныхъ зданій, и домовъ для рабочихъ.—Сперва мы строили дома изъ дешеваго матеріала; мы спѣшили закончить все къ сроку; въ первое время мы не обращали вниманія на эстетическую сторону дѣла. Лишь позднѣе возникли красивыя, цѣлесообразныя, граціозныя и мѣстами величественныя постройки Штейнека, въ большихъ центрахъ и въ ихъ окрестностяхъ. Мы сперва должны были заботиться о самыхъ простыхъ убѣжищахъ. По предложенію Штейнека я заказалъ во Франціи 500 бараковъ новѣйшей конструкціи; ихъ можно было разставить въ продолженіи одного часа. Бараки должны были быть готовы въ серединѣ февраля и должны были быть сданы въ Марселѣ, гдѣ ихъ принялъ Рюбенцъ и отправилъ на Востокъ. Штейнекъ по своему усмотрѣнію организовалъ дальнѣйшія работы; я предоставилъ ему полную самостоятельность. Я сказалъ ему: „поѣзжайте немедленно въ Палестину". Его отвѣтъ смутилъ меня. Онъ сказалъ: „я сперва поѣду въ Швецію и въ Финляндію..."

Слова, звучавшіе въ фонографѣ, вдругъ были заглушены веселымъ восклицаніемъ архитектора Штей-

нека. Воспоминаніе увлекло его, онъ расхохотался. Братъ строго окликнулъ его.

— Ты намъ мѣшаешь, ты не владѣешь собой!

Давидъ долженъ былъ снова передвинуть валикъ: — онъ сказалъ: „я сперва поѣду въ Швецію и въ Финляндію...“ Вѣдь этотъ путь не велъ въ Палестину! Но онъ былъ правъ. Онъ поѣхалъ въ Швецію, чтобы купить строительные лѣса; затѣмъ онъ поѣхалъ въ Швейцарію, въ Германію и въ Австрію и нанялъ молодыхъ людей, окончившихъ свое техническое образованіе.

Чрезъ шесть недѣль въ Яффѣ была уже первая техническая контора, въ которой занимались около ста инженеровъ и чертежниковъ; среди нихъ скоро выдѣлились талантливые люди. Вѣсть о неожиданномъ спросѣ на еврейскихъ техниковъ распространилась очень скоро во всѣхъ студенческихъ кружкахъ и въ университетахъ. И здѣсь мы наблюдали явленія, сходныя съ явленіями въ мѣстныхъ сіонистскихъ группахъ. Перспектива пристроиться въ Палестинѣ была такъ заманчива, что пробуждала въ молодыхъ людяхъ чувство соревнованія. Они сокращали срокъ своихъ экзаменовъ, они не тратили время на игру въ карты и не шатались отъ безделья по политическимъ клубамъ. Они прилагали всѣ старанія къ тому, чтобы сдѣлаться скорѣе дѣльными людьми.

Отправку лѣса, купленнаго въ Финляндіи и въ Швеціи, Штейнекъ поручилъ Рюбенцу, завѣдовавшему таможенными дѣлами. Рюбенцъ прекрасно выполнилъ свою задачу. Въ настоящее время сообщеніе между Европой и Палестиной такъ удобно, что хлопоты Рюбека забыты; но въ первое время было очень трудно ограни-

зовать дешевый транспортъ. Рюбенцъ пускалъ въ ходъ всѣ средства: онъ сносился съ испанскими, съ греческими, съ сѣверо-африканскими пароходствами. Я подозрѣвалъ иногда, что онъ смотритъ на свое дѣло, какъ на своего рода спортъ. Его товары объѣзжали весь свѣтъ; но они всегда приходили къ сроку и оказывалось, что онъ въ самомъ дѣлѣ избиралъ самый дешевый путь. Въ его конторѣ были географическія и коммерческія ландкарты; цвѣтныя булавки обозначали муку, хлѣбныя растенья, сахаръ, уголь, дерево, желѣзо и т. д. Въ его бюро я тотъ часъ же могъ узнать всѣ точныя данныя относительно положенія дѣлъ. Придя въ его контору я чрезъ нѣсколько минутъ уже имѣлъ всѣ свѣдѣнья относительно нашихъ припасовъ и наглядную картину транспорта. Рюбенцъ былъ экономенъ въ мелочахъ: этимъ самымъ онъ сберегъ намъ громадныя суммы денегъ.

Рюбенцу пришло въ голову завязать сношенія съ крупными торговыми домами во Франціи, въ Англіи и въ Германіи. Эти торговые дома были очень довольны возможностію сбыта на новомъ рынкѣ. Для насъ же ихъ содѣйствіе было большимъ облегченіемъ. Гдѣ бы мы сразу достали всѣ необходимыя кровати, столы, шкапы, подушки, одѣяла, и т. д. и т. д? Это была тяжелая задача! Мы предоставили ея рѣшенье крупнымъ фирмамъ, которыя составляли другъ дружкѣ конкурренцію и искали при этомъ своей собственной выгоды. Конечно бѣдные переселенцы не были выгодными покупателями; они многое брали въ кредитъ. Но Новое Общество брало на себя отвѣтственность и выплачивало долги рабочихъ, вычитывая извѣстную часть изъ ихъ заработной платы. Такимъ путемъ мы пріоб-

рѣли извѣстное вліяніе на высоту цѣнъ всѣхъ предметовъ первой необходимости. Мы требовали отъ торговыхъ домовъ точнаго обозначенія тарифа стоимости предметовъ; иначе мы не выплачивали имъ займы рабочихъ. Въ результатѣ народъ не переплачивалъ торговцамъ за предметы потребленія и торговцы безъ всякаго риска вели крупные торговые дѣла. Да, мнѣ кажется, что поставщики товаровъ никогда еще не могли опредѣлить съ такой точностью размѣры своего сбыта. Торговля была организована, была подчинена извѣстнымъ правиламъ,—но все же она свободна отъ всякаго гнета. Конкурренція поставщиковъ не устранена; и предметы потребленія становятся все дешевле и дешевле. Мы предупредили образованіе союзовъ (картелей) торговыхъ домовъ: мы не дадимъ имъ никакихъ правовыхъ гарантій; имъ трудно было бы достать себѣ покупателей. Всѣ честные члены Новаго Общества не пошли бы въ ихъ магазины.

Въ первые 2—3 мѣсяца мы регулировали рынокъ. Сіонистскія группы посылали намъ самыхъ дѣльныхъ и честныхъ переселенцевъ, а иностранные торговые дома посылали намъ свои товары въ Хаифу, въ Яффу, въ Іерихонъ и даже къ самымъ вратамъ Іерусалима. Мѣстные жители съ удивленіемъ глядѣли на новые западноевропейскіе торговые склады; сперва они не знали, какъ объяснить себѣ это чудо. У меня сохранилось одно забавное письмо архитектора Штейнека; онъ въ немъ описываетъ изумленіе восточныхъ жителей и ихъ комическую важность при созерцаніи всѣхъ этихъ чудесъ. „Важные верблюды останавливались и тихо качали головой“—пишетъ намъ нашъ другъ. Туземцы поспѣши-

ли покупать новые товары и до Дамаска и Алеппо, до самаго Багдада дошла вѣсть о новыхъ базарахъ. Со всѣхъ сторонъ пріѣзжали покупатели. Такимъ образомъ одна только вѣсть о переселеніи евреевъ вызвала оживленіе торговли и промышленности. Послѣ блестящихъ результатовъ первыхъ мѣсяцевъ нѣкоторые крупные торговцы принялись производить товары въ самой Палестинѣ, дабы сберечь расходы по транспорту. Это положило начало нынѣшней крупной промышленности нашей страны.

Меня иногда упрекали въ томъ, что я способствовалъ накопленію капиталовъ: меня за это бранили въ газетахъ. Но это меня не затрогиваетъ; иначе нельзя было поступить и угодить всѣмъ, - невозможно! Я слѣдилъ лишь за тѣмъ, чтобы чиновники Новаго Общества не зарабатывали денегъ помимо своего законнаго жалованья; да, за этимъ я слѣдилъ съ большою строгостью, это каждый изъ васъ можетъ засвидѣтельствовать. Всѣмъ также извѣстно, что я самъ не нажилъ состоянія. Но я вполнѣ сочувствовалъ предпринимателямъ, которые имѣли большіе барыши, т. к. это не могло повредить нашему дѣлу. Туда, гдѣ земля плодитъ деньги, всегда стекается масса людей. И мнѣ совершенно безразлично, какимъ путемъ эти деньги появляются на свѣтъ Божій. Я не презираю сантиментальныхъ и идеальныхъ побужденій, но и матеріалистическія имѣютъ въ моихъ глазахъ большое значеніе. Но не будемъ забѣгать впередъ. Послѣ отъѣзда Штейнека, я посвятилъ свое время изученію плановъ моего добраго Фишера. Проэкты его улицъ, канализаціи, желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и портовъ были прево-

сходны. Уже тогда я видѣлъ планъ канала, соединяющаго Средиземное море съ Мертвымъ, причемъ Фишеръ съ большой находчивостью использовалъ неровности земной поверхности. При составленіи плана ему помогалъ швейцарскій инженеръ, христіанинъ, перешедшій въ еврейство благодаря своему увлеченью идеей сіонизма, и назвавшій себя Абрамомъ. Скромный Фишеръ всегда указывалъ на него, какъ на истиннаго автора великаго проэкта. Превосходныя ландкарты англійскаго генеральнаго штаба и пластическія ландкарты Армстронга, изданныя Палестинскимъ Фондомъ, сослужили намъ большую службу. Къ этому времени я также постарался организовать первыя желѣзнодорожныя общества. Убогая желѣзнодорожная вѣтвь между Яффой и Іерусалимомъ не могла удовлетворить насъ. Прежде всего мы укрѣпили за собой вѣтвь отъ Яффы до Портъ-Саида къ югу, и къ сѣверу чрезъ Цезарею, Хаифу, Тиръ и Сидонъ въ Байрутъ, съ побочною вѣтвью до Дамаска. Затѣмъ была построена новая желѣзная дорога до Іерусалима, и Іорданская желѣзная дорога, съ двумя развѣтвленіями у озера Генецарета, и желѣзная дорога Ливана. Необходимый для этого капиталъ былъ собранъ въ Россіи Леонкинымъ и въ Америкѣ Варшавскимъ. Я долго боролся съ моими директорами на счетъ суммы уплачиваемыхъ процентовъ. Меня считали слишкомъ смѣлымъ, т. к. я расчитывалъ на доходность новыхъ желѣзныхъ дорогъ. Но я настоялъ на своемъ и оказалось, что мои расчеты были правильны. Конечно я пять лѣтъ трудился надъ постановкой этого дѣла. Нынче все это позабыто, вѣдь

желѣзныя дороги давно уже перешли въ собственность „Новаго Общества".

Я занялся также вопросомъ о перевозкѣ скота; вѣдь въ наши планы входила широкая постановка сельскохозяйственнаго дѣла. Нужно было не только закупить стада, но перевезти ихъ и кормить ихъ на мѣстѣ. Мы съ Бровстономъ долго ломали себѣ головы надъ этимъ вопросомъ. Его предложенія не нравились мнѣ. Я боялся покупать тысячныя стада на берегахъ Дуная, я боялся перевозить ихъ моремъ и сушей. Бровстонъ торопилъ меня, но я все еще медлилъ. Мнѣ казалось, что удобнѣе будетъ транспортировать скотъ изъ Египта. Но были нѣкоторые доводы противъ этого плана.

Въ теченіе первыхъ недѣль я не могъ покинуть Лондона. Но однажды я поѣхалъ въ Германію, чтобы осмотрѣть новый электрическій плугъ. Это изобрѣтеніе вдохновило меня. Я думаю, что электрическій плугъ можно считать самымъ великимъ даромъ девятнадцатаго вѣка. Нынѣ, конечно, электрическій плугъ еще болѣе усовершенствованъ. Но и въ прежней своей формѣ онъ былъ превосходенъ. Я немедленно купилъ весь запасъ плуговъ фабрики, заказалъ еще столько плуговъ, сколько фабрика могла сдѣлать до февраля и телеграфировалъ Варшавскому въ Нью-Іоркъ: „купите электрическіе плуги моторной системы, столько, сколько достанете до февраля". Онъ отвѣтилъ: „постараюсь". Когда я вернулся въ Лондонъ, меня тамъ ждала телеграмма: „триста электрическихъ плуговъ будутъ въ Яффѣ въ серединѣ февраля". Эта находка облегчила

мнѣ мою задачу, Я имѣлъ курьёзную сцену съ Бровстономъ, послѣ моего возвращенія изъ Германіи. Я вижу предъ собою его озадаченное, смущенное лицо въ ту минуту, когда я, не помня себя отъ радости, крикнулъ ему: „мой другъ, Вы намъ не нужны больше, намъ не нужно больше быковъ!“ Я понялъ двусмысленность своего замѣчанія, лишь когда обратилъ вниманіе на громкій хохотъ присутствующихъ; я извинился предъ нимъ и объяснилъ ему въ чемъ дѣло. Бровстонъ былъ въ восторгѣ, всѣ другіе тоже. Его трудъ все же былъ намъ нуженъ, несмотря на то, что мы замѣнили быковъ электрическими плугами. Нужно было транспортировать лошадей, коровъ, барановъ, домашнихъ птицъ и соотвѣтствующій кормъ животныхъ. Все это произошло непосредственно послѣ возвращенія Бровстона изъ Румыніи; вслѣдъ за тѣмъ я послалъ его въ Голландію въ Швейцарію и въ Венгрію для покупки хорошаго скота.

Вмѣсто быковъ мы должны были раздобыть уголь для плуговъ. Мы поручили это Рюбенцу. Тогда въ Азіи еще нельзя было достать уголь съ такою легкостью какъ теперь. Рюбенцъ по телеграфу заказалъ въ Англіи необходимый запасъ угля; все это продлилось 24 часа. Это была одна изъ тѣхъ счастливыхъ минутъ жизни, когда такъ ясно ощущаешь прогрессъ культуры: вѣдь тогда это казалось намъ небывалымъ явленіемъ; и въ самомъ дѣлѣ: тогда мы еще не обладали двигательной силой канала Мертваго моря. Нынѣче мы не нуждаемся болѣе въ англійскомъ углѣ. Въ полѣ даже локомобиль уже устарѣлъ. У насъ есть теперь проволоки, чрезъ которыя проводится сила Іорданскаго водопада, канала

Мертваго моря, Ливанскихъ и Гермонскихъ потоковъ и сообщается всей странѣ. Вмѣсто угля мы употребляемъ воду.

Вотъ вамъ въ общихъ чертахъ начало..... Профессоръ Штейнекъ шумно попросилъ слова. Давидъ остановилъ фонографъ.

- Я долженъ вставить одно замѣчаніе,—сказалъ профессоръ,—Это будетъ чисто литературное замѣчаніе. Разрѣшаете? Знаете ли, что мы только что слышали изъ устъ Іое? Новое „Шадъ—Гадія". Понимаете?

Кингскуртъ конечно ничего не понялъ. Ему объяснили въ чемъ дѣло. „Шадъ-Гадія",—„Овечка",—это послѣдній, полу-юмористическій разсказъ въ книгѣ Св. Пасхи. Овечку съѣдаетъ кошка, собака разрываетъ кошку на части, палка убиваетъ собаку, огонь съѣдаетъ палку, ручеекъ тушитъ огонь, быкъ выпиваетъ ручеекъ, быка убиваетъ мясникъ, мясника уноситъ ангелъ смерти,—и всѣмъ этимъ управляетъ Господь Богъ, начиная ангеломъ смерти и кончая овечкой.

Точно также,—сказалъ профессоръ,—совершаются измѣненія устройства плуга. Быка вытѣснилъ уголь, уголь вытѣснила вода!...

Старый Литвакъ замѣтилъ:

— И всѣмъ этимъ управляетъ Богъ, начиная овечкой....

Глава IV.

Было уже поздно. Слушатели устали. Рѣшили отложить продолженіе разсказа фонографа на слѣдующій день.

Общество удалилось.

Была свѣтлая лунная ночь. Пріятно было прогуляться по берегу моря отъ виллы стараго Литтвака, до гостинницы. Кингскургъ пошелъ впередъ съ профессоромъ Штейнекомъ и задавалъ ему одинъ вопросъ за другимъ. Онъ горячо заинтересовался этой „еврейской исторіей", но на каждомъ шагу старался выказать, что его занимаетъ лишь организація крупной промышленности. Онъ конечно не могъ интересоваться судьбою людей, будь они евреи или не евреи. Онъ—мизантропъ, врагъ человѣчества, и считаетъ любовь къ ближнему большою глупостью, такъ какъ люди неблагодарны. Но переселеніе евреевъ интересуетъ его какъ курьёзное массовое движеніе. И онъ хотѣлъ бы даже услышать завтра продолженіе разсказа.

Другіе гости слѣдовали за ними. Послѣдними вышли изъ виллы г-жа Сарра и Фридрихъ. Фридрихъ былъ погруженъ въ глубокое раздумье и молчалъ.

Они уже находились въ нѣсколькихъ шагахъ отъ гостинницы, когда г-жа Сарра тихо подразнила его страннымъ молчаніемъ.

Онъ очнулся отъ забытія и проговорилъ:

— Какая ночь! Лунный свѣтъ надъ озеромъ Генезаретомъ — и все это чудесно, и все это не сказка! Мнѣ хотѣлось бы задать вопросъ сейдера: „чѣмъ отличается эта ночь отъ остальныхъ ночей года"? О, я понимаю чѣмъ: — свободою, которая сдѣлала изъ насъ настоящихъ людей... Ахъ, г-жа Сарра, какъ счастливъ тотъ, кто можетъ жить здѣсь и работать!

— А развѣ вамъ нельзя этого?

— Нѣтъ, Кингскургъ скоро уѣдетъ.

— Что Вы!—засмѣялась она,—это мы уже устроимъ. Вы оба останетесь съ нами; Вы,—какъ спаситель нашей семьи, онъ,—какъ Вашъ другъ. Для доктора Левенберга здѣсь найдется занятіе; прошу васъ, безъ противорѣчій! Я тоже имѣю право голоса въ этомъ вопросѣ. А что касается нашего ворчливаго старика, то мы сумѣемъ приковать его узами любви.

Фридрихъ весело засмѣялся:—Вы хотите женить его!

— Да, если захочу, то и сдѣлаю это!—Объявила M-me Сарра.

— Я женила бы его на мистрисъ Готландъ, или на сестрѣ моего мужа,—Миріамъ!

— Это жестокая шутка по отношенію къ старику!

— Мужчинѣ,—сказала она совершенно серьёзно,—никогда не поздно жениться. Несмотря на равноправіе женщинъ, вы всеже имѣете предъ нами это преимущество. Впрочемъ, вашего г-на Кингскурта можно связать и другими узами любви. Онъ въ восторгѣ отъ моего Фрицхена, я это уже замѣтила. И это не удивительно. Фрицхенъ,—рѣдкій мальчикъ, второго такого ребенка нѣтъ на свѣтѣ.

Фридрихъ поддержалъ её, въ ея милой материнской глупости:—Да, онъ такъ красивъ!

Онъ еще болѣе уменъ чѣмъ красивъ, и доброта его еще больше его ума,— оживленно заговорила она,—какъ вы думаете, неужели Кингскуртъ сможетъ разстаться съ ребенкомъ, если я теперь буду часто оставлять ихъ наединѣ? Нѣтъ, онъ не сможетъ оторваться отъ Фрицхена, онъ навсегда останется у насъ, и вы тоже.

Фридрихъ улыбнулся наивности этой умной женщины и не пошатнулъ ея вѣры въ неотразимыя чары Фрицхена. Это былъ въ самомъ дѣлѣ милый, веселый мальчикъ и, быть можетъ, M-me Сарра и не преувеличивала влеченіе старика къ своему сыну. На слѣдующее утро Фридрихъ въ самомъ дѣлѣ засталъ старика въ весьма унизительной для него позѣ: онъ ползалъ въ дѣтской на четверинкахъ, а Фрицхенъ сидѣлъ верхомъ на его спинѣ.

— Этотъ мальчикъ навѣрное будетъ кавалеристомъ,— смущенно замѣтилъ онъ послѣ того, какъ Фридрихъ помогъ ему встать на ноги.—А теперь пошелъ къ своей нянѣ, а то я тебѣ всѣ косточки переломаю!

Но онъ произнесъ эту угрозу съ ласковой усмѣшкой, такъ что ребенокъ не испугался, а прижался къ нему. Маленькій мальчикъ вѣрно не зналъ, что онъ имѣетъ дѣло съ однимъ изъ самыхъ суровыхъ человѣконенавистниковъ.

Болѣе того: когда Фрицхена хотѣли повести къ бабушкѣ и къ дѣдушкѣ, а Кингскуртъ долженъ былъ остаться дома, ребенокъ поднялъ такой крикъ, что несчастная мать попросила старика сжалиться надъ нимъ. Что дѣлать? Кингскуртъ пожертвовалъ собой съ явнымъ отвращеніемъ, но засмѣялся во весь ротъ, когда Фрицхенъ осушилъ слёзы и когда личико его снова стало веселымъ. Другіе могутъ идти за нами, если имъ угодно; онъ же еще одинъ единственный разъ приноситъ себя въ жертву гадкому мальчишкѣ! M-me Сарра, Фридрихъ и Давидъ чрезъ нѣсколько минутъ пошли вслѣдъ за ними по береговой тропинкѣ и они увидѣли въ отдаленіи, какъ Кингскуртъ шелъ за няней и какъ

ребенокъ съ веселымъ крикомъ рвался отъ нея къ старику. Всю дорогу онъ смѣшилъ мальчика, не обращая ни малѣйшаго вниманія на прохожихъ. Кингскуртъ состарился, не испытавъ чарующей власти ребенка. Онъ совсѣмъ не зналъ, что этотъ розовый младенецъ можетъ быть ему опасенъ; не предвидя опасности, онъ былъ обезоруженъ и попалъ съ смѣшное рабство. Фрицхенъ называлъ его „Отто". Семейные языковѣды опредѣлили происхожденіе этого имени отъ словъ „хи, хо хо", съ которыхъ и началось знакомство Адальберта фонъ Кенигсгофа, иначе—Кингскурта, съ Фрицхеномъ Литтвикъ. Словомъ, ребенокъ называлъ Кингскурта—„Отто".

Пока Фрицхенъ бодрствовалъ, „Отто" не смѣлъ ни на шагъ отходить отъ ребенка. И только когда маленькій деспотъ съ разгорѣвшимися щечками уснулъ послѣ обѣда, Кингскуртъ могъ потребовать продолженія разсказа Іое Леви. Въ салонѣ уже не было вчерашнихъ слушателей. Мистриссъ Готландъ, которая завѣдовала общиною сестеръ милосердія, ушла по дѣлу къ больнымъ. Попъ изъ Сефориса долженъ былъ вернуться домой. Патеръ Игнатій тоже былъ чѣмъ то занятъ. Братья Штейнекъ должны были пріѣхать только къ вечеру. Но такъ какъ фонографъ могъ повторять одно и тоже безчисленное множество разъ, то и отсутствующіе ничего не теряли отъ того, что его завели.

Давидъ велѣлъ перенести аппаратъ въ салонъ перваго этажа, который находился рядомъ съ комнатой его больной матери. Страдалица въ тотъ день была бодрѣе обыкновеннаго. Её на креслѣ ввезли въ салонъ.

На ея восковомъ лицѣ играла привѣтливая, страдальческая улыбка. Около нея на скамеечкѣ, согнувшись сидѣла Миріамъ и отъ времени до времени трогала руку больной. Старый Литвакъ усѣлся въ удобное, широкое кресло; Кингскуртъ послѣдовалъ его примѣру. Решидъ Бей помогъ Давиду завести фонографъ, и молча сѣлъ около него. Добрый мистеръ Гопкисъ сѣлъ вмѣстѣ съ Фридрихомъ въ углу салона. Оттуда Фридрихъ могъ чрезъ окно глядѣть на горы, возвышающіяся надъ моремъ. И между нимъ и прекрасною картиною природы находился одинъ лишь образъ Миріамъ, залитый солнечнымъ свѣтомъ.

Давидъ завелъ аппаратъ и голосъ Іос Леви продолжалъ прерванный наканунѣ разсказъ:

— Вотъ вамъ въ общихъ чертахъ начало нашей дѣятельности.

Машина была въ ходу. Отъ Аллдино мы имѣли благопріятныя извѣстія относительно покупки земли. Штейнекъ обѣщалъ устроить въ мартѣ мѣсяцѣ въ Хаифѣ кирпичный и цементный заводъ новѣйшей системы. Варшавскій и Леонкинъ сообщали о благопріятномъ настроеніи мѣстныхъ комитетовъ. Бровстонъ и Конъ обезпечили намъ доставку хлѣба и скота къ веснѣ.

Но мы должны были позаботиться не только о неимущихъ массахъ, а и о высшихъ въ экономическомъ отношеніи слояхъ общества, которыхъ мы хотѣли привлечь въ Палестину. Мы не могли предложить имъ непосредственной матеріальной поддержки или трудовой помощи. Нужно было найти иное средство. Мнѣ пришла въ голову идея Хедифа Измаила Египетскаго.

Измаилъ дарилъ землю всѣмъ тѣмъ, кто обязался выстроить на отведенномъ ему мѣстѣ домъ, стоимостью въ тридцать тысячъ франковъ. Я поступилъ такъ же, только прибавилъ еще одно условіе: чрезъ 50 лѣтъ недвижимая собственность должна была перейти къ Новому Обществу. Мы этимъ самымъ рѣшили воскресить древне-еврейскій „юбилейный годъ". Всѣмъ извѣстно, что благодаря этой умной выдумкѣ Хедифа скоро возникъ прелестный городокъ Каиръ. У насъ получались тѣ же результаты. Какъ только вѣсть о даровой раздачѣ земель была разнесена по нашимъ кружкамъ, изъ всѣхъ странъ посыпались предложенія строить дома. Главный секретарь Вельнеръ и главный инженеръ Фишеръ выработали нѣкоторыя обязательныя постановленія для предпріимчивыхъ строителей. Планы городовъ Хайфы, Яффы, Тиверіи и др. были въ общихъ чертахъ намѣчены еще до отъѣзда Штейнеля. Нашъ архитекторъ также представилъ намъ нѣсколько плановъ удобныхъ мѣщанскихъ домиковъ. Мы отпечатали эти планы и разослали множество экземпляровъ съ обозначеніемъ всѣхъ цѣнъ лицамъ, желавшимъ строить дома; конечно они не были обязаны придерживаться этихъ плановъ; они просто на просто должны были быть освѣдомлены относительно стоимости построекъ. Первое распредѣленіе земель должно было состояться 1 марта, въ день наступленія весны. При этомъ лишь тѣ заявленія подлежали разсмотрѣнію, которыя получились до 1 марта. Кромѣ того получатель земли долженъ былъ стать членомъ общаго товарищества переселенцевъ; онъ долженъ былъ дать залогъ, наличными деньгами или бумагами, суммою въ треть

стоимости постройки; залогъ вносился въ кассу Новаго Общества; онъ долженъ былъ самъ явиться въ день раздачи земли, или же послать своего довѣреннаго. Залогъ могъ быть возвращенъ послѣ начала строительныхъ работъ.

Вельнеръ долженъ былъ позаботиться о распредѣленіи земель. Въ день наступленія весны чиновники Новаго Общества должны были руководить выборами комиссіи изъ трехъ, пяти или семи человѣкъ, смотря по величинѣ списка строителей. Комиссія выбиралась изъ среды строителей. Земли раздавались сперва тѣмъ лицамъ, которые желали начать постройку дома немедленно. Но при равномъ количествѣ отводимой строителями земли болѣе многочисленныя группы надѣлялись землею прежде, чѣмъ менѣе многочисленныя. Единичныхъ лицъ надѣлили землею послѣ того, какъ были розданы земли всѣмъ группамъ. При равенствѣ всѣхъ прочихъ условій надѣленіе землею рѣшалось по жребію. Предпочтеніе, оказываемое группамъ, имѣло глубокій соціальный смыслъ. Мы этимъ самымъ упрочили за Палестиной многочисленное осѣдлое народонаселеніе. Кромѣ того тотчасъ же образовались общины, которыя могли взять на себя уплату налоговъ и податей. Фактически мы добились того, что единичныя личности спѣшили присоединиться къ той или иной группѣ строителей, и что мелкія группы стали сливаться въ болѣе крупныя. Такимъ образомъ при полной свободѣ мы избѣжали раздоровъ. Распредѣленіе земли между отдѣльными членами группы тоже было заранѣе регулировано извѣстными постановленіями. Наибольшее количество земли, а также и лучшія по качеству земли

доставались тѣмъ владѣльцамъ, которые обязались нести бо́льшую долю мѣстныхъ повинностей, какъ напр. устройство улицъ, дорогъ, канализаціи, освѣщенія, водоснабженія и т. д. Намъ было очень легко провести въ жизнь эти несложные и справедливые принципы. Чиновникъ Новаго Общества, присутствовавшій при общихъ сдѣлкахъ, долженъ былъ составить протоколъ и представить его комиссіи для подписи.

Этотъ протоколъ немедленно долженъ былъ быть посланъ въ Хайфу въ бюро моей центральной дирекціи. Если онъ соотвѣтствовалъ всѣмъ общимъ постановленіямъ, и если не было протеста противъ чего либо со стороны участниковъ дѣла, то распредѣленіе земель утверждалось правовымъ порядкомъ и владѣльцы въ теченіе недѣли входили въ свои права. Если же въ бюро представлялся чей либо протестъ, то дѣло разслѣдовалось на мѣстѣ. Съ этою цѣлью я заранѣе уже учредилъ странствующія комиссіи, разсматривавшія всякаго рода жалобы, и связанныя съ центральнымъ юридическимъ бюро въ Хайфѣ. Странствующая комиссія состояла изъ двухъ юристовъ-чиновниковъ и изъ письмоводителя. Комиссіи вручался списокъ мѣстностей, откуда приходили жалобы, ей былъ указанъ опредѣленный маршрутъ и она должна была немедленно переѣзжать съ мѣста на мѣсто. Издержки уплачивались тѣми, которыхъ признавали виновными. Иной юридической инстанціи не было. Для вышеуказанной цѣли юридическаго бюро я поручилъ Вельнеру, главному завѣдующему, нанять около пятидесяти окончившихъ юристовъ и докторовъ правъ въ различныхъ странахъ. Мы нуждались въ лицахъ, владѣющихъ различными

языками, такъ какъ наша корреспонденція велась на всѣхъ языкахъ.

Главная часть нашей корреспонденціи состояла изъ справокъ, которыя мы давали самостоятельнымъ предпринимателямъ-промышленникамъ. Юридическое бюро Вельнера работало рука объ руку съ техническимъ бюро Фишера. Мы публиковали во всѣхъ газетахъ, что предприниматели, желающіе основать фабрики или заводы на собственный счетъ на берегу Средиземнаго моря, могутъ получить отъ насъ всѣ необходимыя справки, относительно условій производства и сбыта, а въ случаѣ необходимости, и машины въ кредитъ. Каждая почта приносила намъ ворохъ писемъ, направленныхъ въ газеты, гдѣ мы помѣщали объявленія. Сперва намъ было очень легко отвѣчать на письма такъ какъ вопросы были однообразны и сводились къ тому, какова предлагаемая земля? На тождественные вопросы были посланы соотвѣтственные тождественные отвѣты, напечатанные во многихъ экземплярахъ. Секретарю оставалось только писать адреса. Но скоро изъ тысячъ любопытныхъ выдѣлились сотни дѣльныхъ предпринимателей. Это не были одни евреи. Сперва преобладали даже предприниматели не-евреи, а именно—нѣмцы-протестанты и англичане, такъ какъ они издавна являлись самыми смѣлыми и предпріимчивыми колонистами. Мы не дѣлали различья между предпринимателями и не спрашивали ихъ объ ихъ религіи и національности. Каждый, кто желалъ обрабатывать землю Палестины, былъ для насъ желаннымъ гостемъ. Техническое бюро и контора секретаря добросовѣстно отвѣчали на всѣ запросы. Конечно и мы наводили справки о лицахъ, съ кото-

рыми входили въ дѣловыя сношенія. Мы безвозмездно доставляли много облегченій лицамъ, которые были достойны довѣрія и уваженія. Предприниматели, обращавшіеся въ наше бюро, рисковали менѣе тѣхъ, которые обходились безъ насъ: они отъ насъ узнавали въ точности о состояніи мѣстныхъ рынковъ и о размѣрахъ спроса на товары. Новое Общество было заинтересовано въ успѣшности предпріятій, связанныхъ съ нимъ. Поэтому мы оказывали предпринимателямъ всевозможныя услуги. Изъ запросовъ и отвѣтовъ Лондонскаго бюро постепенно образовалось отдѣльное вѣдомство для статистики работъ и предпріятій. Мы многимъ обязаны этой статистикѣ. При помощи статистики мы достигли настоящаго положенія дѣлъ: свободы безъ безумнаго перепроизводства и порядка безъ давленія на единичныя личности.

Послѣ устройства всѣхъ этихъ важныхъ и серьезныхъ дѣлъ, я позволилъ себѣ...

Въ эту минуту больная г-жа Литвакъ знакомъ руки призвала сына. Давидъ сейчасъ же пріостановилъ дѣйствіе фонографа и бросился къ матери. Она устала и хотѣла снова лечь въ постель. Давидъ и Миріамъ тихо вкатили ея кресло въ сосѣднюю комнату. Бѣдная страдалица улыбнулась гостямъ одними глазами. Дверь смежной комнаты притворилась за ней. Старый Литвакъ вздохнулъ; всѣ были грустно настроены.

Глава V.

Давидъ скоро вернулся въ салонъ. Онъ спросилъ друзей, желаютъ ли они слышать продолженіе разсказа. Они отвѣтили утвердительно и невидимый Іое Леви

продолжалъ: я позволилъ себѣ предпринять одно забавное дѣло. На него сперва смотрѣли какъ на спортъ и развлеченіе съ моей стороны, и меня многіе осуждали. Я снарядилъ пароходъ подъ названіемъ «корабль мудрецовъ». Этотъ пароохдъ долженъ былъ пріѣхать въ Св. Землю еще до возвращенія еврейскаго народа. Самое его появленіе въ водахъ Средиземнаго моря должно было ознаменовать собою наступленіе новой эры.

Исполненіе моего плана не было затруднительно. Я нанялъ главнаго управляющаго одного англійскаго бюро для путешественниковъ, сообщилъ ему о своемъ намѣреніи, и чрезъ двѣ недѣли онъ представилъ мнѣ смѣту, контракты и различные планы. По его указанію я нанялъ у одного итальянскаго пароходства благоустроенный, новый пароходъ — «Futuro», который шелъ изъ Неаполя въ Александрію. Этотъ пароходъ долженъ былъ быть въ нашемъ распоряженіи въ теченіе шести недѣль, начиная съ 15-го марта. Далѣе я велѣлъ приготовить все необходимое для пятисотъ лицъ во всѣхъ наилучшихъ гостинницахъ въ итальянскихъ, греческихъ, малоазіатскихъ и египетскихъ городахъ. Пассажиры могли сѣсть на пароходъ въ Геную или въ Неаполѣ. Билеты ихъ давали имъ право свободнаго проѣзда по итальянскимъ желѣзнымъ дорогамъ и право остановки въ наилучшихъ гостинницахъ. Съ внѣшней стороны наша экспедиція напоминала путешествія на Востокъ, которыя тогда были въ модѣ. Но на самомъ дѣлѣ она представляла собою нѣчто болѣе значительное. Дамы и мужчины, которыхъ мы пригласили въ качествѣ гостей на это шестинедѣльное путешествіе, принадле-

жали къ высшей духовной аристократіи культурнаго міра. Комитетъ писателей и артистовъ былъ призванъ нами для того, чтобы составить списокъ почетныхъ гостей. Были приглашены лучшіе люди всего міра, конечно безъ различія національности и вѣроисповѣданія.

Мы позвали лучшихъ людей и они охотно пришли къ намъ, и не только оттого, что мы обѣщали имъ пріятное весеннее путешествіе, а оттого, что они здѣсь могли найти всѣхъ своихъ товарищей и друзей. На пароходѣ «Futuro» встрѣтились философы и поэты, изобрѣтатели и ученые, артисты, соціологи, экономисты, дипломаты, журналисты. Мы позаботились объ удовлетвореніи духа и тѣла. Главный управляющій доставилъ путешественникамъ всѣ удобства, при которыхъ въ то время совершали экскурсіи. Гости парохода «Futuro» должны были насладиться безоблачнымъ счастіемъ въ теченіе шести недѣль. Ничего не было забыто: даже оркестръ имѣлся на пароходѣ и собственная ежедневная газета. И благодаря самому составу путешественниковъ эта газета была очень интересна. «Futuro» часто останавливался въ большихъ гаваняхъ и тамъ его ждали телеграммы со всего міра. Если пароходъ останавливался въ гавани ночью, то пассажиры на слѣдующее утро читали послѣднія телеграммы въ своей газетѣ. Но еще интереснѣе былъ литературный отдѣлъ, такъ какъ происшествія дня описывались перомъ умѣлыхъ и талантливыхъ литераторовъ. Газета главнымъ образомъ передавала ежедневные разговоры за столомъ; ихъ назвали «новыми діалогами Платона». Въ красивой формѣ говорилось о самыхъ возвышенныхъ вопросахъ. Самые благородные умы человѣчества высказывали свои взгляды

и сообщали ихъ другъ другу. Я коснусь лишь нѣсколькихъ темъ, затронутыхъ въ интересныхъ бесѣдахъ. Говорили о развитіи общественности, о воспитательномъ значеніи искусства, объ аграрной реформѣ, объ организаціи благотворительности, о благѣ рабочаго класса, о роли женщины въ цивилизованномъ обществѣ, о развитіи техники, въ теоріи и на практикѣ и т. д. и т. д. однимъ словомъ о предметахъ, способствовавшихъ умственному развитію слушателей, „Бесѣды на пароходѣ «Futuro»“ стали давно уже цѣнною рѣдкостью всемірной литературы. Я самъ читалъ эту книгу, такъ какъ не имѣлъ возможности лично присутствовать при этихъ бесѣдахъ; я былъ занятъ своею работою и не могъ участвовать въ этомъ единственномъ въ своемъ родѣ путешествіи, я былъ уже въ Хаифѣ, когда «Futuro» выѣхалъ изъ Генуи. Но я читалъ газету парохода «Futuro» съ большимъ вниманіемъ и съ благодарностью. Я не философъ и не могъ и тогда увлечься отвлеченными вопросами. Но я старался уяснить себѣ многое, о чемъ говорилось въ „Бесѣдѣ на пароходѣ «Futuro»“ и примѣнить на практикѣ многія указанія. Мнѣ казалось, что въ образѣ нашего „Futuro“ съ еврейскимъ народомъ говоритъ разумъ всего человѣчества; и притомъ какъ разъ въ ту минуту, когда для еврейства наступаетъ новая эра. Мы дорожили поученіями гостей „Futuro“. Они намъ были особенно полезны тогда, когда наши высокіе гости вступили въ самую Палестину. „Корабль Мудрецовъ“ плылъ вдоль берега, а путешественники отдѣльными группами разъѣзжались въ разныя мѣста, конечно по своему собственному выбору. Начальникъ экспедиціи и его помощники

позаботились о всѣхъ удобствахъ путешествія. Не всѣ путешественники интересовались однимъ и тѣмъ же. Геологи осматривали не то, что электротехники, ботаники,—не то что архитекторы; художники искали не того, чего искали соціологи. Отдѣльныя группы покидали „Futuro" и возвращались когда имъ было угодно. Но многихъ такъ привлекало интересное и пріятное времяпрепровожденіе на пароходѣ „Futuro", что они рѣдко сходили на берегъ. Нѣкоторые видѣли лишь небольшую часть суши,—желѣзнодорожный путь въ Іерусалимъ и этотъ городъ. Разсказываютъ про одного остроумнаго писателя, (я не ручаюсь за достовѣрность), будто бы онъ ни на минуту не покинулъ парохода. Говорятъ, что онъ выразился слѣдующимъ образомъ: „этотъ пароходъ и есть самый Сіонъ". Но впослѣдствіе онъ все же описалъ нашу страну и ея обитателей.

Онъ могъ, конечно достать свѣдѣнія изъ вѣрныхъ источниковъ, т. какъ путешественники, возвращавшіеся на „Futuro", какъ знатоки своей спеціальности, собирали много матеріала и излагали его мастерски въ литературной формѣ. Бесѣды оживились, послышался рядъ діалоговъ по поводу того, что еще можно было создать въ Палестинѣ Я часто, очень часто перечитывалъ именно эту часть литературныхъ бесѣдъ „Futuro". До сихъ поръ я знаю еще наизустъ нѣкоторые діалоги. Совѣты художниковъ и артистовъ произвели на меня особенно сильное впечатлѣніе, вѣроятно оттого, что я самъ не артистъ и не художникъ. Въ практической жизни нуженъ былъ одинъ лишь здравый смыслъ, чтобы перенести существующія учрежденія въ нѣсколько

иныя условія. Художникамъ парохода „Futuro“ я обязанъ прекраснымъ указаніемъ на то, что наша страна должна развиваться въ своей собственной естественной красотѣ. Палестина должна была стать прекрасной, прекрасной всюду и главнымъ образомъ — прекрасной, оттого, что красота всегда радуетъ взоры людей.

Между прочимъ я въ сущности совсѣмъ и не видѣлъ самаго „Futuro“. Я устроилъ всю эту поѣздку, я заботился о ней, я всегда думалъ о „Futuro“, я слѣдилъ за словами его мудрецовъ; но я не видалъ его, т. е. не видѣлъ его вблизи. Это случилось слѣдующимъ образомъ.

Когда „Futuro“ появился у береговъ Палестины, я былъ занятъ въ центральной части страны. Фишеръ, Штейнекъ и Алладино привѣтствовали „Futuro“ отъ имени Новаго Общества, когда онъ сталъ на якорь близъ Яффы. Я хотѣлъ представиться нашимъ гостямъ по окончаніи нѣкоторыхъ спѣшныхъ дѣлъ. Въ это время я былъ какъ разъ очень занятъ и долженъ былъ днемъ и ночью разъѣзжать по работамъ. Я иногда ночевалъ въ своемъ автомобилѣ, который перевозилъ меня съ мѣста на мѣсто. Конечно въ тѣ времена еще не могло быть и рѣчи о томъ комфортѣ, который имѣется теперь. Когда я заранѣе зналъ, гдѣ придется провести ночь, то я заказывалъ себѣ палатку; но я не всегда зналъ это заранѣе. Кромѣ того мое неожиданное появленіе было необходимо для ревизіи полевыхъ работъ, распредѣленія земель и уличныхъ построекъ. Конечно всюду имѣлись точныя указанія, планы и опредѣленныя инструкціи, но все же я хотѣлъ самъ убѣдиться въ безусловной исправности работъ. Я всегда получалъ

новѣйшія извѣстія изъ моей главной квартиры въ Хайфѣ; они то часто и побуждали меня ѣздить съ мѣста на мѣсто. При всей планомѣрности работъ все же часто происходили столкновенія съ рабочими и другія недоразумѣнія, которыя требовали немедленныхъ дополнительныхъ распоряженій, частичныхъ измѣненій предписаній и пр. При распредѣленіи земель мы наталкивались на настоящіе гордіевы узлы, которые только я одинъ могъ разрубить. На земляхъ Новаго Общества начался уже весенніе посѣвы. Мы устроили земледѣльческія товарищества по образцу товариществъ системы Рахалинъ, но рабочіе еще не привыкли къ подобной постановкѣ дѣла, они нуждались въ руководящемъ авторитетѣ, а порой и въ рѣшеніи дѣлъ свыше. Это была трудная задача и она требовала внимательнаго отношенія къ дѣлу. Конечно не трудно посѣять рожь, ячмень, овесъ, рисъ и рѣдьку! но всюду встрѣчались затрудненія. Мы должны были бороться съ почвой, которая сперва не поддавалась намъ. Но въ нашемъ распоряженіи были послѣднія изобрѣтенія культуры, неутомимою настойчивостью мы побѣдили почву, и она стала нашимъ лучшимъ союзникомъ. Центръ тяжести былъ въ организаціи дѣла, а она была уже готова до переселенія массъ. Рабочій день въ предпріятіяхъ „Новаго Общества" ограничивался семью часами, но это были часы напряженнаго, упорнаго труда. Одни расчищали дороги, другіе рыли каналы, третьи собирали камни, четвертые строили дома, пятые сажали деревья и т. д. И каждый зналъ что онъ работаетъ для всѣхъ и что всѣ работаютъ для него. Они съ пѣснями выходили на работу и съ пѣснями возвращались до-

мой. Быстро выростали постройки, точно также какъ и въ природѣ этою весною деревья быстро покрывались зеленью. Каждый день приносилъ съ собою новые плоды нашей успѣшной работы. Я велѣлъ прежде всего разложить сѣть телеграфныхъ и телефонныхъ проволокъ. Она стала служить международному сообщенію лишь впослѣдствіе, но намъ она сейчасъ же принесла большую пользу. Въ Хаифѣ находилось главное управленіе телеграфа; со мною всегда разъѣзжалъ телеграфистъ, который доставлялъ мнѣ извѣстія изъ Хаифы и, слѣдовательно и изъ Лондона; хорошее телеграфное сообщеніе имѣло для меня громадное значеніе; лишь при его помощи я могъ располагать людьми и товарами. Ежедневно пріѣзжало по пятисотъ, по тысячи и двѣ тысячи переселенцевъ въ гавани Средиземнаго моря, отъ Яффы до Байрута. Уже на слѣдующій день по прибытіи ихъ немедленно посылали на работу. Для постройки однѣхъ желѣзныхъ дорогъ понадобилось около десяти тысячъ рабочихъ и столько же для сооруженій общественныхъ зданій Новаго Общества. Наши рабочіе получали отъ насъ не одну только заработную плату: они пріобрѣли право дальнѣйшей колонизаціи Палестины, каждый рабочій долженъ былъ выстроить себѣ домъ въ колоніи въ теченіе лѣта и къ осени могъ уже выписать свою семью. Какъ уже было сказано, все это очень просто, нужно было только имѣть заранѣе опредѣленный планъ.

Военныя министерства большихъ государствъ рѣшили въ 19-томъ столѣтіи болѣе сложныя задачи. Я даже нескроменъ, если сравниваю наше дѣло съ ихъ

дѣлами. До осени мы должны были пристроить полъ милліона переселенцевъ и къ тому времени мы могли расчитывить на урожай. Военныя управленія прошлаго столѣтія должны были заботиться о содержаніи многихъ милліоновъ, иногда въ странѣ непріятеля, и во всякомъ случаѣ во время всеобщаго промышленнаго кризиса. Мы же находились въ странѣ нашихъ друзей, въ странѣ нашихъ отцовъ и мы не отталкивали другихъ народовъ, наоборотъ мы поощряли торговлю и международныя сношенія. Переселенцы, которыхъ мы поддерживали первое время, вскорѣ стали на ноги и содержали уже и себя и свое погомство. Всюду строились фабрики свободными предпринимателями, которыя должны были начать работу осенью. Фактически каждый разсудительный человѣкъ долженъ былъ понять, какой успѣхъ ждетъ промышленныя предпріятія въ нашей странѣ. Всѣ благопріятныя условія были на лицо: сбытъ на мѣстномъ рынкѣ, спросъ увеличивающійся благодаря массовой иммиграціи, дешевый тарифъ при незначительныхъ издержкахъ транспорта, береговое положеніе страны, наконецъ самое расположеніе ея между Европою и Азіею. И послѣ перваго урожая, (а онъ не былъ однимъ изъ блестящихъ), я могъ смѣло рѣшить не прерывать переселенія осенью. Я протелеграфировалъ объ этомъ центральнымъ комитетамъ всѣхъ странъ и мое сообщеніе произвело большой фуроръ. Побѣда Новаго Общества началась съ перваго урожая. Впослѣдствіе было еще много большихъ урожаевъ, но въ первый разъ мы пріобрѣли больше, чѣмъ когда либо, мы пріобрѣли довѣріе нашихъ братьевъ во всемъ мірѣ. Чрезъ годъ послѣ нашей разлуки въ Лондонѣ я могъ

сказать моимъ друзьямъ въ Хаифѣ, что первый годъ сошелъ у насъ благополучно.

Зданіе центральнаго управленія въ Хаифѣ не было еще готово осенью, но я смѣло могъ объявить своимъ друзьямъ: нашъ кровъ готовъ! Я имѣлъ въ виду все наше „Новое Общество". Но нужно было и дальше не упускать ничего изъ виду и добросовѣстно исполнять свой долгъ. Задачи осложнялись, но выполненіе ихъ становилось все легче и легче. Аппаратъ былъ поставленъ на должное мѣсто; оставалось только привести его въ движеніе. Скоро мы позаботились и о водоснабженіи. Мы вспомнили одну древнюю традицію нашего народа. Пруды Соломона свидѣтельствовали о мудрости нашихъ предковъ. Но мы воспользовались водою не только для питья,—мы воспользовались ея силою и для снабженья городовъ свѣтомъ. Каналъ Мертваго моря и другія техническія усовершенствованія указываютъ на трудолюбіе и изобрѣтательность инженеровъ Новаго Общества; впереди ихъ всегда шелъ нашъ славный, незабвенный Фишеръ.

Еще одинъ потокъ разлился въ нашей странѣ, оплодотворяя ее:

— Капиталъ и кредитъ. Наши цѣлесообразныя работы. наши первые успѣхи пробудили всеобщее довѣріе. Организовавъ у себя земледѣльческія товарищества, мы должны были завести у себя также новыя фирмы земледѣльческаго кредита. Можно было предположить, что средства наши истощаться послѣ того, какъ мы надѣлимъ колонистовъ домами, домашнею утварью, домашнимъ скотомъ, полями и машинами. Умнѣйшіе изъ нашихъ противниковъ высчитали даже въ

точности, кога именно у насъ не останется ни гроша. Семейство колониста (въ среднемъ пять душъ) должно стоить намъ около шестисотъ фунтовъ стерлинговъ; слѣдовательно 1000 семействъ должны были стоить намъ 600000 ф. стерл., а 10000—шесть милліоновъ т. е. 120 мил. марокъ и т. д. Лица дѣлавшіе этотъ расчетъ забыли лишь объ одномъ обстоятельствѣ; они забыли, что сами переселенцы представляютъ собою большую экономическую цѣнность, и что можно достать кредитъ подъ залогъ этой цѣнности. Новое Общество могло увеличить свои капиталы разными заемами. Однимъ словомъ, вмѣстѣ съ переселенцами къ намъ притекали и деньги. Всюду, гдѣ только умѣютъ вести народное хозяйство, наблюдается это явленіе. Мы не составляемъ исключенья изъ общаго правила; это такъ-же понятно и просто, какъ и все остальное.

Но я снова уклонился въ сторону. Я хотѣлъ разсказать о пріѣздѣ парохода „Futuro“. Какъ я уже упомянулъ,—я находился въ центральной части страны. Я долженъ былъ откладывать свою поѣздку въ Яффу со дня на день; а тамъ находился „корабль мудрецовъ“, который мнѣ такъ хотѣлось увидѣть. Однажды нѣсколько пассажировъ съ парохода „Futuro“ промелькнули предо мной. Я былъ въ полѣ, верхомъ, когда они проѣзжали по одной новой дорогѣ. Они осмотрѣли новую паровую машину и взглянули на полевыя работы. Свѣтлыя, прозрачныя вуалетки дамскихъ шляпъ играли на вѣтрѣ; это было очень красиво. Но я все же не подъѣхалъ къ каретамъ путешественниковъ, т. к. я былъ весь въ пыли и въ поту и боялся, что

они примутъ меня за босяка. Я думалъ, что успѣю познакомиться съ этими интереснымъ людьми въ Яффѣ. Но обстоятельства сложились иначе. На слѣдующій же день я получилъ телеграмму, которая заставила меня немедленно выѣхать въ Константинополь. Я долженъ былъ выяснить съ турецкимъ правительствомъ одинъ очень важный инцидентъ. Дѣло не допускало отлагательства. Я поспѣшилъ созвать начальниковъ всѣхъ отдѣловъ и велѣлъ приготовить свою яхту въ Хаифѣ. Я передалъ свои полномочія Фишеру, и въ тотъ же вечеръ выѣхалъ въ Константинополь со своими секретарями. Я не успѣлъ посѣтить „Futuro“, но я надѣялся застать его на обратномъ пути въ Стамбулѣ. Я сдѣлалъ все возможное, что-бы ускорить переговоры. Но въ этомъ миломъ сонливомъ городѣ время никому не дорого, и дѣла мои затянулись, несмотря на мое нетерпѣніе. Мысленно я конечно не покидалъ великихъ работъ въ Палестинѣ; я не прерывалъ сношеній съ Фишеромъ и съ Лондонскимъ центральнымъ бюро; только остроумныя бесѣды на „кораблѣ мудрецовъ“ не могли быть переданы мнѣ по телефону. Сожалѣніе мое росло по мѣрѣ того, какъ „Futuro“ направлялся къ сѣверу. Ежедневныя телеграммы Фишера сообщали мнѣ о мѣстопребываніи „Futuro“. Онъ миновалъ уже Тиръ и Сидонъ. Около Байрута онъ долженъ былъ стоять на якорѣ дольше обыкновеннаго, т. к. путешественники хотѣли посѣтить Дамаскъ. Я и надѣялся встрѣтить тамъ „Futuro“ на обратномъ пути изъ Константинополя. Я спѣшилъ къ своимъ начатымъ работамъ, но все-же я хотѣлъ позволить себѣ полъ дня отдыха въ Байрутѣ. чтобы познакомиться съ за-

мѣчательными пассажирами „Futuro". Яхта моя пересѣкала волны съ быстротою молніи; я попросилъ капитана ѣхать съ наибольшею скоростью. Все-же мы опоздали. У острова Кипра, мимо котораго мы проѣхали въ одно прекрасное утро, я издали замѣтилъ пароходъ, который шелъ въ противоположномъ направленіи. Точно молнія поразила мою мысь: это —Futuro! Я бросился на вышку и схватилъ зрительную трубу. Но я не былъ достаточно опытнымъ морякомъ, что-бы узнать пароходъ на такомъ разстояніи. Капитанъ случайно находился въ каютѣ, а не на палубѣ. Пока его позвали пароходъ успѣлъ скрыться. Было-бы несуразностью гнаться за неизвѣстнымъ пароходомъ; вопервыхъ мы врядъ-ли нагнали-бы его; вовторыхъ я могъ опоздать на „Futuro", если онъ былъ еще въ Байрутѣ. Мы направились туда, и только въ Байрутѣ я узналъ, что я не ошибся. Этотъ пароходъ, освѣщенный утренними лучами южнаго солнца,—это былъ „Futuro".

Я былъ огорченъ. И съ тѣхъ поръ у меня есть одно завѣтное желанье: я хотѣлъ-бы видѣть возвращеніе „Futuro". Двадцать пять лѣтъ послѣ своей первой поѣздки „Futuro" долженъ вернуться къ намъ. Конечно это не будетъ прежній „Futuro", т. к. устройство его устарѣло. Новый благоустроенный, роскошный пароходъ будетъ называться его знаменитымъ именемъ. Гости, конечно, будутъ также не тѣ, что были раньше: многіе изъ нихъ умерли. Кромѣ тѣхъ, которые остались еще въ живыхъ со времени перваго путешествія, мы пригласимъ новыхъ свѣтилъ культурнаго міра.

И каждые четверть вѣка пароходъ „Futuro" долженъ будетъ привозить къ намъ духовный ареопагъ,

предъ мнѣніемъ котораго мы будемъ преклоняться. Мы не будемъ устраивать у себя всемірныхъ выставокъ, на подобіе Потемкинскихъ деревень; вся страна должна быть обозрѣваема и гости „Futuro“ будутъ нашими уважаемыми судьями. И когда вернуться наши гости, и когда они найдутъ, что Іосифъ Леви недурно выполнилъ свою несложную, но все-же трудную задачу, тогда,—да, тогда—я подамъ въ отставку и пойду на пенсію. А когда я умру,—похороните меня рядомъ съ моимъ дорогимъ другомъ Фишеромъ тамъ наверху, на кладбищѣ горы Кармель, откуда видна вся моя любимая страна и мое любимое море.

Глава VI.

Разсказъ фонографа былъ оконченъ. Послѣднія слова произвели глубокое впечатлѣніе на слушателей.

Кингскуртъ громко кашлянулъ и замѣтилъ:

— Вашъ Іое—славный малый! да, славный малый! Какъ жалко, что его теперь здѣсь нѣтъ. Я охотно пожалъ бы его руку. Надѣюсь мы еще увидимъ его здѣсь. Впрочемъ. онъ очень заинтересовалъ меня одной вещью: каналомъ Мертваго моря; это кажется седьмое чудо! когда же мы узримъ его?

Давидъ обѣщалъ показать ему это чудо послѣ первыхъ пасхальныхъ дней. Пасху они провели въ Тиверіи спокойно и весело. Кингскуртъ усердно уплеталъ маццу и бранился, за то, что его, нѣмецкаго аристократа, превращаютъ въ еврея. Больше всего онъ возмущался противъ деспотизма Фрицхена, который съ каждымъ

днемъ становился требовательнѣе. Этотъ маленькій негодяй вѣрно вообразилъ себѣ, что онъ, старый Кингскуртъ, превратился въ его раба! Но всѣ эти разсужденія Кингскуртъ позволялъ себѣ только, когда Фрицхенъ спалъ; возмущеніе его исчезало, какъ только ребенокъ звалъ своего друга „Отто“ Когда все общество собралось поѣхать въ Іерихо чрезъ долину Іордана и когда Давидъ предложилъ оставить ребенка у своихъ родителей, Кингскуртъ энергично запротестовалъ. Мальчикъ тоже долженъ познакомиться со страною, и Давидъ очень жестокій отецъ, если онъ рѣшается оставить Фрицхена одного, и въ крайнемъ случаѣ онъ самъ, Кингскуртъ, долженъ принести себя въ жертву, отказаться отъ путешествія на каналъ Мертваго моря и остаться съ Фрицхеномъ. Словомъ,—Кингскуртъ настаивалъ на своемъ до тѣхъ поръ, пока ему не уступили и не взяли съ собой Фрицхена. Онъ заявилъ, что ему лично, конечно, было совершенно все равно, поѣдетъ ли Фрицхенъ или нѣтъ; онъ только сжалился надъ безпомощнымъ ребенкомъ!

Мѣжду тѣмъ Решидъ—Бей и архитекторъ Штейнекъ вернулись въ Хайфу. Решидъ Бей хотѣлъ провѣдать свою семью и обѣщалъ снова встрѣтиться съ друзьями въ Іерусалимѣ. Архитекторъ былъ занятъ выборами предстоящаго конгресса. Газеты и частныя извѣстья сообщали объ усиленной дѣятельности партіи Гейера. Штейнекъ долженъ былъ находиться на своемъ главномъ посту въ Хайфѣ, гдѣ соединялись всѣ нити агитаціи, и откуда ежедневно и ежечасно мѣстнымъ комитетомъ по телефону и по телеграфу сообщались девизы центральнаго бюро. Давидъ долженъ былъ поѣхать по дѣлу

въ Дшоланъ, до экскурсіи въ Іерихо. Онъ попросилъ гостей проводить его до Диолана, гдѣ находились нѣкоторыя достопримѣчательности. Фридрихъ охотно согласился, и Миріамъ, и профессоръ Штейнекъ присоединились къ нимъ. Кингскуртъ остался въ Тиверіи, подъ предлогомъ что онъ боится пустить М-me Сарру и мистриссъ Готландъ одинѣхъ на автомобилѣ, при переѣздѣ въ Безанъ. Всѣ поняли, что истинной причиной—была его непреодолимая симпатія къ Фрицхену, и дразнили его внезапнымъ пребываніемъ въ Тиверіи. Чрезъ два дня все общество снова должно было встрѣтиться въ Безанѣ, въ долинѣ Іордана. Кингскуртъ долженъ былъ проводить въ Безанъ М-me Сарру, мистриссъ Готландъ, няню и Фрицхена, и ждать тамъ въ большой гостиницѣ остальныхъ путешественниковъ.

Красивый электрическій яликъ ждалъ пассажировъ на берегу озера Генецарета. М-lle Сарра, Фрицхенъ, м-рсъ Готландъ и Кингскуртъ проводили уѣзжающихъ до пристани. Фридрихъ Левенбергъ протянулъ своему старому другу руку на прощанье.

— Знаете ли, Фрицъ,—сказалъ Кингскуртъ суровымъ тономъ,—у насъ съ вами завелись новые порядки! Въ теченіе 20-ти лѣтъ мы не разставались съ Вами ни на одинъ день. Смотрите, не теряйте разсудка, въ мѣстности съ безумнымъ арабскимъ названіямъ. А то я буду проклинать васъ. А вы, м-lle Миріамъ, не пользуйтесь случаемъ вскружить голову этому молодому человѣку. Ему сорокъ три года! Это самые опасные годы! Ну, а теперь съ Богомъ. Въ Безанѣ увидимся!

Миріамъ покраснѣла. Фридрихъ тоже. Они въ большомъ смущеніи вошли въ яликъ. Кингскуртъ много-

значительно подмигнулъ мистриссъ Готландъ и былъ страшно доволенъ, что ему удалось смутить обоихъ.

Былъ одинъ изъ теплыхъ весеннихъ дней, которые такъ прекрасны на озерѣ Генецарета. Яликъ быстро пересѣкалъ волны. Замки и виллы Тиверіи исчезли и крутыя скалы восточнаго берега подвигались все ближе и ближе. Видъ на снѣжныя вершины Геброна, былъ прекрасенъ и пестрота лодокъ и пароходовъ пріятно ласкала взоръ. Время пролетало незамѣтно. Яликъ причалилъ къ противоположному берегу озера. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пристани находилась станція электрической конки. Путешественникамъ не пришлось долго ждать трамвая. Они помѣстились въ вагонъ—салонѣ и поѣхали въ Ель—Кунетра. Давидъ спѣшилъ туда по дѣлу. Желѣзнодорожный путь шелъ въ гору, т. к. мѣстность Ель—Кунетра находилась 1000 метровъ надъ уровнемъ моря. Этотъ городъ имѣлъ большое значеніе какъ центральная станція всѣхъ желѣзныхъ дорогъ восточной части Іорданской долины; Ель—Кунетра былъ также главнымъ торговымъ пунктомъ между Сафедомъ и Дамаскомъ.

Когда Давидъ выходилъ изъ вагонъ-салона со своими друзьями, они замѣтили на другомъ полотнѣ желѣзной дороги, ведущемъ въ Байрутъ, вагонъ, изъ котораго доносилось пѣніе юношей. Это были мальчики отъ 14-ти до 16-ти лѣтъ.

— Они вѣрно ѣдутъ на небольшую экскурсію? — спросилъ Фридрихъ.

— Да, на небольшую экскурсію, на кругосвѣтную! — отвѣтилъ ему профессоръ Штейнекъ ухмыляясь. Міріамъ подробнѣе разъяснила ему, что представляла собой

эта экскурсія учащихся. Это было своего рода подражаніе бенедиктинскимъ монахамъ. Французскіе бенедиктинцы уже въ прошломъ столѣтіи посылали группы своихъ учениковъ въ кругосвѣтныя плаванія. Въ чужихъ странахъ молодые люди пріобрѣтали знаніе иностранныхъ языковъ и чужеземныхъ обычаевъ. Молодежь такимъ образомъ должна была быть развитѣе молодежи прежнихъ поколѣній, образованіе ея было обширнѣе, и обходилось дешевле. Молодые люди скорѣе превращались въ взрослыхъ, вполнѣ зрѣлыхъ людей и затраты на кругосвѣтныя экскурсіи учащихся окупались само собою. Въ этихъ путешествіяхъ принимали участіе лишь лучшіе ученики всѣхъ учебныхъ заведеній, бездѣльниковъ и лѣнтяевъ не брали съ собой. Этимъ самымъ возбуждалось соревнованіе учениковъ. Кромѣ того этимъ самымъ не только не подавлялась жажда приключеній, которая присуща мальчикамъ этого возраста, но наоборотъ, она была направлена вполнѣ цѣлесообразно и находила себѣ подходящій исходъ. Учебное Вѣдомство Новаго Общества позаботилось объ организаціи этихъ школьныхъ экскурсій. Въ нѣкоторыхъ городахъ иностранныхъ государствъ были устроены школы со всѣми необходимыми приспособленіями для проѣзжающихъ учениковъ. Обыкновенно избирались небольшіе, тихіе города, находящіеся вблизи отъ столицы, такъ напр. во Франціи,—Версаль. Столичная жизнь не была полезна для юношей. Каждая школа имѣла своего постояннаго директора, который оставался въ учебномъ заведеніи и послѣ трехмѣсячнаго посѣщенія экскурсантовъ. Маршрутъ экскурсантовъ составлялся центральнымъ вѣдомствомъ въ Іерусалимѣ. Юноши знакомились со всѣмъ міромъ, но общій ходъ ихъ занятій не нарушался.

— А дѣвушки?—спросилъ Фридрихъ съ улыбкой на устахъ.

— Дѣвушки не предпринимаютъ такихъ путешествій, —сказала Миріамъ,—мы полагаемъ, что молодая дѣвушка должна остаться при своей матери, даже если она образована, и если она подготовлена къ исполненію своихъ обязанностей въ Новомъ Обществѣ.

Въ то время какъ Давидъ былъ занятъ своими дѣлами, Фридрихъ, Миріамъ и профессоръ Штейнекъ прогуливались по оживленному, привѣтливому городу, и осматривали рынки, которые, впрочемъ, не носили восточнаго характера, а на оборотъ располагали всѣми европейскими товарами. Они остановились въ хорошей англійской гостинницѣ. Фридрихъ не поражался больше окружавшимъ его комфортомъ; ему казалось вполнѣ естественнымъ, что въ пунктѣ интернаціональнаго сообщенія имѣются всѣ удобства, необходимыя для цивилизованнаго путешественника. Ужинали рано, т. к. на слѣдующій день они должны были рано встать, чтобы сдѣлать экскурсію въ т. н. „житницу“.

Утро было прекрасное; они выѣхали электрическимъ трамваемъ въ живописныя окрестности города. Фридрихъ отдался нѣжнымъ, юнымъ чувствамъ, какъ нѣкогда въ молодости, на зарѣ своей жизни. Въ немъ теперь пробудилась новая жизнь, особенно при видѣ полевыхъ работъ счастливыхъ людей; и,—онъ не смѣлъ сознаться въ этомъ,—близость Миріамъ особенно хорошо вліяла на его настроеніе. Какъ разумно объясняла она ему все, что привлекало его вниманіе. Давидъ и Штейнекъ помогали ей, когда дѣло касалось сложнаго научнаго вопроса. Фридрихъ получилъ юридиче-

ское образованіе и зналъ мало о всѣхъ техническихъ усовершенствованіяхъ 19-таго столѣтія. Онъ въ этомъ отношеніи походилъ на лицъ съ среднимъ образованіемъ. Жизнь фабрикъ „открытыхъ“ и „закрытыхъ“, какъ выражался Штейнекъ, была ему незнакома. „Открытыми“ фабриками Штейнекъ называлъ земледѣльческія работы, которыя они теперь осматривали. Въ этой мѣстности какъ разъ стекались воды съ сѣвера и съ юга Іорданской долины. Фридрихъ сперва думалъ, что ученый шутитъ, говоря о водѣ, подымающейся въ гору. Штейнекъ смѣялся надъ его невѣжествомъ, но объяснилъ ему въ чемъ дѣло: вода сама не поднималась вверхъ, но сила волны поднималась. Въ обновленной странѣ не сумѣли измѣнить законовъ природы, какъ не сумѣли измѣнить и человѣческой природы, но все же научились владѣть силами природы и пользоваться ими. Теперь больше не нужно было ставить колесо мельницы непосредственно у водопада, какъ это дѣлалось раньше. Ручей, который протекалъ въ 15 или 20 верстахъ отъ данной мѣстности приводилъ въ движеніе колеса, т. к. сила его проводилась посредствомъ электрическаго тока чрезъ проволоки. Эта задача была уже рѣшена въ концѣ 19-го вѣка. Двадцать лѣтъ тому назадъ рѣшеніе ея уже примѣнялось въ Америкѣ. Электрическій токъ былъ проведенъ отъ Ніагарскаго водопада на разстояніе 162 километровъ. Подобный же токъ былъ проведенъ на разстояніи 133 километровъ между горами Санъ-Бернардино и городомъ Лосъ Анжелесъ въ южной Калифорніи и съ весьма незначительной потерей энергіи. Нетрудно было заимствовать это изобрѣтеніе. И такимъ же образомъ сила волнъ Мерт-

ваго моря и потоковъ Ливана и Гермона проводилась на сѣверъ.

— Истинными созидателями Обновленной Страны были наши техники, работавшіе надъ водоснабженіемъ, —сказалъ Давидъ,—весь центръ тяжести находился въ умѣломъ устройствѣ дрэнажа, водопроводовъ и пр.

Послѣ полуторачасовой ѣзды они пріѣхали на образцовую ферму, устроенную подъ надзоромъ Новаго Ошества однимъ благотворительнымъ комитетомъ, располагавшимъ нѣсколькими милліонами. Директоръ этого крупнаго капиталистическаго предпріятія показалъ гостямъ все имѣніе. Центральная электрическая станція вызвала особенное удивленіе Фридриха. Стѣны ея были покрыты пуговками, углубленіями, номерами и таблицами. Двѣ скромно одѣтыя дамы работали по указаніямъ чиновника, который самъ сидѣлъ у письменнаго стола и то и дѣло прикладывалъ къ уху трубку телефона. Фридрихъ вспомнилъ видѣнную имъ однажды центральную телефонную станцію. Директоръ объяснилъ, что отсюда распредѣляютъ силу тока, и направляютъ ее туда, куда слѣдуетъ. Отсюда направляли токъ не только на поля, для необходимыхъ полевыхъ работъ, но и на фабрики и заводы; такъ напр. на сахарный заводъ, на пивной заводъ, на заводъ спиртныхъ напитковъ, на мельницу и т. д. и т. д.

Во всѣхъ разсматриваемыхъ ими зданіяхъ, на фабрикахъ, на полевыхъ дорогахъ и на лугахъ все было устроено по новѣйшимъ указаніямъ науки, всюду царило поразительное спокойствіе и безупречная чистота. Даже громадныя колеса машинъ не производили особаго шума.

Фридрихъ обратилъ вниманіе на толпу рабочихъ, проходившихъ мимо нихъ; они были всѣ одинаково одѣты и несли на плечахъ орудія. Рабочіе шли опустивъ глаза; одни изъ нихъ изображали на своемъ лицѣ досаду, — другіе — испугъ. За ними шло двое надзирателей; они отдали честь директору по военному.

— Могу ли я позволить себѣ одно критическое замѣчаніе? — спросилъ Фридрихъ, — мы до сихъ поръ видѣли въ Обновленной Странѣ столько прекраснаго, что я позволю себѣ выразить свое недоумѣніе.

— Конечно, говорите! — воскликнулъ Давидъ, - въ чемъ дѣло?.

— Эти рабочіе показались мнѣ очень запуганными, они вѣрно чувствуютъ себя придавленными большой машиной, которой они служатъ. А что за пользу приноситъ намъ экономическое усовершенствованіе, если люди не чувствуютъ себя болѣе счастливыми? При видѣ этихъ людей я вспомнилъ фабричныхъ рабочихъ прежнихъ временъ. Конечно, они не такъ печальны, какъ ихъ предшественники, у нихъ и видъ здоровѣе, — но все же есть сходство, а это печально! Вѣдь все это имущество принадлежитъ благотворительному обществу, люди здѣсь должны были бы быть гораздо счастливѣе! Признаться, - я немного разочарованъ.

Директоръ взглянулъ на него съ удивленіемъ и обратился къ остальнымъ со слѣдующимъ вопросомъ:

— Неужели Д-ръ Левенбергъ не знаетъ, гдѣ онъ находится?

— Нѣтъ! — сказалъ Давидъ, — мы нарочно умолчали объ этомъ, мы хотѣли, чтобы онъ судилъ по непосредственному впечатлѣнію, чтобы у него не было

предвзятаго мнѣнія. Мы скрыли отъ него, что эта образцовая ферма есть ничто иное, какъ колонія для преступниковъ.

—Неужели?—удивился Фридрихъ.

—Это колонія преступниковъ? Конечно я беру назадъ свои слова. А каковы результаты вашего воспитанія, Г-нъ директоръ?

—Люди здѣсь поправляются физически и нравственно,—отвѣтилъ директоръ,—многимъ очень нравится деревенская жизнь и они потомъ не хотятъ бросить ея. Они охотно остаются здѣсь послѣ отбытія наказанія въ качествѣ наемныхъ рабочихъ; мы также превращаемъ ихъ въ арендаторовъ и даемъ имъ повышенія въ должности. Чистый доходъ нашего предпріятія покрываетъ расходы по обзаведенію хозяйствомъ этихъ арендаторовъ, но они обыкновенно уже чрезъ нѣсколько лѣтъ въ состояніи выплатить свой долгъ. Мы облагораживаемъ поддонки общества!

На слѣдующій день въ Безанѣ Фридрихъ разсказалъ Кингскурту обо всѣхъ виденныхъ имъ достопримѣчательностяхъ. Старикъ проворчалъ:

—Конечно, всѣ чудеса совершаются въ моемъ отсутствіи! Вода течетъ вверхъ, и въ тюрмахъ полная свобода!

Автомобиль повезъ ихъ къ югу Іорданской долины. Шоссе мѣстами проходило у самаго берега извилистой рѣки. Весенній разливъ Іордана поражалъ ихъ своей красотой; холмы были уже покрыты яркой, густой зеленью. Съ восточнаго и съ западнаго берега на рѣку глядѣли миловидныя поселенія, города, виллы. Отъ времени до времени на правомъ берегу Іордана мчались

поѣзда. И на шоссе было большое движенье. Это было время, когда иностранцы разъѣзжались изъ Іерихо, извѣстнаго зимняго курорта. Теперь въ Іорданской долинѣ было уже слишкомъ жарко для изнѣженныхъ людей, бѣжавшихъ сюда отъ зимней стужи. На пути встрѣчались громадные автомобили, похожіе на автомобиль Давида Литтвака. Многіе направлялись къ сѣверу, такъ какъ въ это время года было принято посѣщать Ливанъ. Въ концѣ апрѣля эти избалованные люди, гонимые стаднымъ чувствомъ подражанія, садились на пароходы въ Байрутѣ и возвращались въ Европу; многіе предпочитали ѣхать малоазіатской желѣзной дорогой на Константинополь. Но въ Іорданской долинѣ, которую въ это время года покидали праздные люди, все еще ключемъ била жизнь, и наиболѣе сильная, здоровая жизнь. По обѣ стороны рѣки издавна восхваляемыя долины были очень плодородны, плодороднѣе, чѣмъ когда либо. При раціональномъ хозяйствѣ онѣ приносили большой доходъ. Искусное устройство водоснабженія достигло здѣсь своего апогея. Грандіозныя техническія сооруженія увеличивали плодородіе благословенной страны. Въ печальныя времена запустѣнія дожди тщетно орошали землю. Но теперь каждая капля дожля была использована на общее благо. И такимъ образомъ въ древней, обновленной родинѣ еврейскаго народа снова потекли „млеко и медъ“, и она снова стала тѣмъ, чѣмъ была когда то: благословенной страной!

И все полезное освящалось красотой! Въ зеленыхъ садахъ бѣлѣли стѣны террассъ и балконовъ. Мраморныя виллы сверкали на солнцѣ. Мраморъ доставали изъ каменоломенъ близъ Мертваго моря. Когда Фридрихъ

и Кингскуртъ въѣхали въ городъ Іерихо, —они не переставали восторгаться красотою и роскошнымъ убранствомъ гостинницъ, дворцовъ и виллъ, которые возвышались въ пальмовыхъ аллеяхъ среди тропической растительности. Климатическій курортъ Іерихо не представлялся имъ столь прекраснымъ!

Кингскуртъ не хотѣлъ войти въ гостинницу; онъ хотѣлъ сейчасъ же поѣхать дальше, чтобы осмотрѣть каналъ Мертваго моря. Къ счастью Фрицхенъ уже спалъ, иначе „Отто“ не смѣлъ бы высказать столь дикую мысль. Дамы остались въ гостинницѣ съ ребенкомъ, а мужчины поѣхали дальше. Предъ ними разстилалось зеркальное, ярко-голубое море. Послышался шумъ, похожій на удары грома. Это были воды канала, которые чрезъ туннели были проведены сюда изъ Средиземнаго моря. Давидъ въ короткихъ словахъ объяснилъ планъ канала. Мертвое море, какъ извѣстно, самая низменная мѣстность на всей земной поверхности; поверхность Мертваго моря лежитъ ниже поверхности Средиземнаго на 394 метровъ. Само собой разумѣется, что слѣдовало воспользоваться этимъ наклономъ и сдѣлать его источникомъ двигательной энергіи. Наклонъ самаго канала занималъ не болѣе 80-ти метровъ. Такимъ образомъ высота паденія воды все еще была болѣе 300 метровъ. При ширинѣ въ десять метровъ и при глубинѣ въ три метра, сила движенія воды канала равнялась пятидесяти тысячамъ единицъ лошадиной силы.

Кингскуртъ хотѣлъ показать свои знанія; онъ сказалъ:—Станція Общества Гидравлической силы (Hydraulic Power Company) у Ніагарскаго водопада въ мое время извлекала сорокъ тысячъ единицъ лошадиной силы?

Давидъ возразилъ:

— Мы не можемъ сравнить Ніагарскій водопадъ, который теперь даетъ милліоны лошадиныхъ силъ, съ каналомъ Мертваго моря, хотя Ніагарскій водопадъ имѣетъ лишь 50 метровъ высоты. Тамъ имѣется громадное количество воды; но все же недурно, что всѣ гидравлическія станціи Мертваго моря и Іордана въ общей сложности даютъ полъ милліона лошадиныхъ силъ.

— Вы правы, милый волшебникъ,—сознался старикъ,—въ самомъ дѣлѣ все это недурно. Но я не понимаю одного. Теперь въ русло Мертваго моря притекаетъ бо́льшее количество воды чѣмъ прежде, причемъ вода никуда не стекаетъ. Неужели же теперь другія условія испаренія?

— Вашъ вопросъ не невѣжественъ! —замѣтилъ профессоръ Штейнекъ, вы должны знать, господа, что мы извлекаемъ изъ Мертваго моря столько же воды, сколько притекаетъ къ нему изъ канала. Съ южной стороны его мы выкачиваемъ воду, отводимъ ее въ резервуары и употребляемъ ее для орошенія почвы въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мало влаги. Вы понимаете?

— Конечно понимаю! —воскликнулъ Кингскуртъ, и его восторженные возгласы были заглушены шумомъ воды въ каналѣ, къ которому они приближались.

— Вы поразительно хитрые люди! и завистники ваши не могутъ отрицать этого!

Они подъѣхали къ главной станціи гидравлическихъ работъ; Съ проѣзжей дороги изъ Іерихо не былъ виденъ весь бассейнъ Мертваго моря. Теперь оно разстилалось предъ ними, сіяя своей синевою, большое и широкое, какъ Женевское озеро. Съ правой стороны сѣвернаго

берега, на которомъ они стояли, тянулась лишь одна узкая полоса суши; она извивалась у ногъ утеса, съ котораго съ грохотомъ падала вода канала. Внизу находились турбины, наверху—фабрики, со всѣхъ сторонъ виднѣлись зданія большихъ фабрикъ. Источникъ двигательной энергіи привлекъ самыя разнообразныя производства. Каналъ пробудилъ къ жизни Мертвое море. При видѣ желѣзныхъ трубъ, изъ которыхъ вода канала падала на колеса водяныхъ мельницъ, Кингскуртъ вспомнилъ сооруженія у Ніагарскаго водопада. Здѣсь у Мертваго моря около двадцати такихъ громадныхъ желѣзныхъ трубъ торчало на скалахъ на равномъ разстояніи другъ отъ друга. На турбинахъ трубы стояли вертикально и онѣ имѣли видъ какихъ то сказочныхъ печей. Но грохотъ воды и кипучая, бѣлая пѣна возвѣщали о чемъ то великомъ, совершавшемся въ нихъ. Путешественники вошли въ одно изъ зданій, заключавшихъ въ себѣ водяныя мельницы. Фридриха ошеломилъ грохотъ колесъ, но Кингскуртъ чувствовалъ себя прекрасно. Онъ выкрикивалъ замѣчанія, которыя заглушались царившимъ кругомъ шумомъ. Все же по одному его лицу было видно, что онъ наконецъ вполнѣ удовлетворенъ. Вода, падавшая на гигантскія, бронзовыя лопаты колесъ и поворачивавшая ихъ съ неимовѣрной быстротою, въ самомъ дѣлѣ представляла собой рѣдкое, чудесное, величественное зрѣлище. И тутъ же дикая, необузданная сила природы проводилась въ электрическія машины, и ихъ токъ пробѣгалъ по проволокамъ черезъ всю страну, черезъ древнюю, обновленную страну, и страна процвѣтала, и страна превратилась въ пышный

садъ, и стала родиною для тѣхъ людей, которые нѣкогда были бѣдны, безсильны, безнадежны, безпріютны.....

Послѣ долгаго молчанія Фридрихъ произнесъ:

— Это величіе подавляетъ меня!

— Насъ,—серьезно возразилъ ему Давидъ,—насъ эта великая сила не подавила, она возвысила насъ!

Книга 5.

Іерусалимъ.

Глава I.

Нѣкогда Фридрихъ и Кингскуртъ пришли въ Іерусалимъ ночью, съ Запада; теперь они вступали въ него при свѣтѣ дня, съ Востока. Нѣкогда они видѣли на этихъ холмахъ унылыя развалины; теперь предъ ихъ взорами раскинулся городъ, гдѣ ключомъ била обновленная кипучая жизнь. Нѣкогда Іерусалимъ былъ мертвъ, теперь онъ воскресъ. Они пріѣхали изъ Іерихона и остановились на Масличной горѣ, на этомъ чудномъ пунктѣ, откуда разстилается видъ на широкую долину. Она продолжала оставаться святынею для человѣчества, съ ней все еще были связаны великія преданія, составлявшія святыя святыхъ многихъ столѣтій и многихъ народовъ; но широкой струей въ нихъ вливалось нѣчто новое, могучее и прекрасное:—жизнь. Іерусалимъ точно превратился въ могучаго великана, вдыхающаго вмѣстѣ съ воздухомъ—жизнь. Старый городъ, расположенный между древними стѣнами, измѣнился менѣе всего, насколько можно было его разсмотрѣть съ ихъ наблюдательнаго пункта.

Наблюдатели могли различить прежнюю кладбищенскую церковь, мечеть Омара и много другихъ старыхъ

куполовъ и крышъ, но къ нимъ прибавилось еще много великолѣпныхъ построекъ.

Такъ напримѣръ, они замѣтили блестящее громадное зданіе, называвшееся „дворцомъ мира". Глубокая тишина и спокойствіе царили надъ старымъ городомъ.

Но другую картину представляли собой окрестности. Здѣсь появились шумныя улицы и площади, изрѣзанныя рельсами электрическаго трамвая, заключенныя между двумя рядами домовъ, тѣсно прижавшихся другъ къ другу, бульвары и парки, училища, магазины и увеселительныя заведенія. Давидъ называлъ своимъ гостямъ всѣ зданія, представшія ихъ взорамъ. Они находились предъ одной изъ столицъ міра, отвѣчающей всѣмъ требованіямъ 20 столѣтія.

Но взоры ихъ все возвращались къ старому городу, занимавшему центръ картины. Онъ лежалъ предъ ними по ту сторону Кедронской долины, ярко освѣщенной заходящимъ солнцемъ. Какой-то праздничный отпечатокъ лежалъ на немъ. Кингскуртъ уже задалъ Давиду всевозможные вопросы и вполнѣ удовлетворилъ свою любознательность. Наконецъ онъ спросилъ, какъ называлось колоссальное пышное зданіе, блиставшее бѣлизною и золотомъ. Крыша его покоилась на мраморныхъ колоннахъ, да и все оно представляло цѣлый лѣсъ ослѣпительно бѣлыхъ колоннъ съ золотыми завитками. И Фридрихъ почувствовалъ глубокое и странное волненіе, когда Давидъ отвѣтилъ: это храмъ!

. . . . . .

Въ пятницу вечеромъ Фридрихъ Левенбергъ впервые вступилъ въ Іерусалимскій храмъ. Давидъ нанялъ

для всего общества помѣщеніе въ одной изъ лучшихъ гостинницъ около Яффскихъ воротъ. Когда наступилъ вечеръ, Давидъ предложилъ своему пріятелю отправиться въ храмъ. Фридрихъ Левенбергъ шелъ съ Миріамъ впереди, за ними слѣдовали на нѣкоторомъ разстояніи Давидъ и Сарра. Они проходили по прелестнымъ улицамъ новаго города, который въ полдень еще былъ полонъ оживленія и сутолоки. Но теперь внезапно уличное движеніе стало уменьшаться и ослабѣвать. Количество экипажей замѣтно сократилось. Повсюду спѣшно запирались магазины. Субботній вечеръ медленно и торжественно опускался на еще недавно шумѣвшій городъ.

Жители его толпами стекались въ синагоги. Кромѣ Великаго Храма въ новомъ и въ старомъ городѣ было еще много молелень Единаго Бога, вѣра въ котораго въ теченіе многихъ вѣковъ не угасла въ сердцахъ сыновъ Израиля.

Каждый, кто вступалъ въ стѣны священнаго города, уже заранѣе проникался высокимъ религіознымъ чувствомъ. Между древними стѣнами Іерусалима не было теперь той грязи, шума и дурного запаха, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Паломники всѣхъ національностей должны были чувствовать себя въ то время глубоко уязвленными въ своемъ религіозномъ чувствѣ, когда послѣ долгаго и утомительнаго путешествія достигали цѣли своихъ стремленій, и на заброшенныхъ улицахъ видѣли отталкивающій безпорядокъ. И прежде чѣмъ имъ удавалось преклонить колѣни предъ тѣмъ, что боготворила ихъ вѣра, они должны были пройти чрезъ много бѣдствій и испытаній.

Теперь все измѣнилось. Улицы и переулки были заново старательно вымощены, все было чисто и гладко, какъ паркетъ въ изящной гостинной. Частныхъ домовъ въ старомъ городѣ уже не было. Всѣ зданія служили цѣлями благотворительности и религіи. Здѣсь были гостинные дворы для паломниковъ всѣхъ вѣроисповѣданій. Христіане, Магометане и Евреи имѣли здѣсь свои общежитія, больницы и богодѣльни, которыя возвышались одна возлѣ другой пестрыми рядами. Широкую площадь занималъ также „дворецъ мира“, гдѣ происходили конгрессы поборниковъ идеи мира и ученыхъ всѣхъ отраслей науки. Вообще „старый городъ“ представлялъ собою международный пунктъ, гдѣ всѣ люди должны были себя чувствовать, какъ на родинѣ: здѣсь была родина всего человѣческаго страданія. И здѣсь было сосредоточено то оружіе, которое родъ человѣческій на протяженіи всей своей исторіи сумѣлъ противопоставить страданію: Вѣра, Любовь, Знаніе.

Каковы-бы ни были религіозныя воззрѣнія каждаго, но среди этихъ улицъ всѣми овладѣвало благоговѣйное настроеніе. Встрѣчаясь другъ съ другомъ, знакомые кланялись молча и привѣтливо;—субботній вечеръ царилъ въ сердцахъ.

Миріамъ и Фридрихъ прошли мимо пожилого господина, который тяжело ступалъ, опираясь на трость. Миріамъ ему привѣтливо кивнула головой, и онъ присоединился къ идущимъ позади Давиду и Саррѣ, которые, ему въ угоду, замедлили шаги.

— Этотъ старикъ,—сказала тихо Миріамъ своему спутнику,—тоже обрѣлъ здѣсь спокойствіе. Попросите

моего брата разсказать вамъ какъ нибудь, какимъ образомъ онъ встрѣтился съ этимъ старикомъ и обратилъ его на путь истины.

Дѣло было въ Парижѣ, куда Давидъ ѣздилъ по дѣламъ. Случайно онъ познакомился съ Г-номъ Арманомъ Эфраимомъ. Вы вѣдь знаете нашего Давида. Его привѣтливый характеръ располагаетъ къ нему всѣ сердца. Очень скоро съ нимъ сблизился и Эфраимъ; этотъ богатый человѣкъ сблизился больше, чѣмъ со своими родственниками, которые только и ждали его смерти, чтобы потомъ, унаслѣдовавъ состояніе покойнаго, издѣваться надъ его тѣнью. Г. Эфраимъ всю жизнь зарабатывалъ деньги и тратилъ ихъ для своего удовольствія, но наконецъ онъ такъ постарѣлъ, что развлекаться уже не было охоты, и его усталый мозгъ не могъ изобрѣсти ничего такого, на что-бы стоило потратить деньги. Одно только зналъ старикъ: своимъ веселымъ наслѣдникамъ онъ ни за что не хотѣлъ оставить своего имущества. И вотъ Давидъ убѣдилъ его отправиться въ Іерусалимъ, говоря, что здѣсь можно пристроить капиталы. Старикъ пріѣхалъ и Давидъ повелъ его во „дворецъ мира“. Это замѣчательное зданіе сдѣлалось очагомъ великихъ благодѣяній. Тутъ работаютъ не для Іудейской страны и ея жителей, а для другихъ странъ и народовъ. Нашему Новому Обществу удалось разрѣшить нѣсколько жгучихъ вопросовъ, тревожившихъ человѣчество въ прежнее время. Но къ сожалѣнію на землѣ есть еще много страданій, которыя можно облегчить только общими усиліями людей.

И вотъ во дворцѣ мира обыкновенно обнаруживаются эти общія усилія. Если напримѣръ, въ какой нибудь странѣ произойдетъ катастрофа,—пожары, наводненіе, засуха, эпидемія,—то немедленно телеграфируютъ сюда. Здѣсь существуетъ постоянная касса вспомоществованія, потому что въ Іерусалимѣ сосредоточиваются какъ прошенія о пожертвованіяхъ, такъ и самыя пожертвованія въ очень большихъ размѣрахъ. Многочисленный совѣтъ, члены котораго избираются изъ представителей всѣхъ націй, слѣдитъ за правильнымъ распредѣленіемъ вспомоществованій. Сюда-же обращаются изобрѣтатели, артисты и ученые съ просьбами о матеріальной поддержкѣ ихъ работъ. Ихъ привлекаетъ надпись, вырѣзанная надъ входными дверями дворца: „nil humani a me alienum puto“. И всѣмъ имъ оказываютъ по возможности помощь, если признаютъ ихъ достойными ея. Здѣсь наконецъ нашелъ себѣ Г. Эфраимъ интересное занятіе, которое ему обѣщалъ Давидъ. Онъ съ удовольствіемъ посѣщаетъ засѣданія комиссій, гдѣ обсуждаются прошенія о помощи и всегда съ удовлетвореннымъ сердцемъ выходитъ изъ „дворца мира“. Онъ отдаетъ постепенно нуждающимся все свое состояніе, и оставляетъ только необходимыя для своего существованія суммы, которыя послѣ смерти тоже пойдутъ на благотворительныя дѣла.

Фридрихъ сказалъ смѣясь: -Если онъ такъ поступитъ, то дѣйствительно достигнетъ того, что родственники будутъ плакать по немъ.

Они остановились, чтобы подождать слѣдовавшихъ за ними и слышали, какъ Г. Эфраимъ, покашливая, заканчивалъ уже прежде начатый разсказъ:

— ...А 500 фунтовъ стерлинговъ я пожертвовалъ на приморскую санаторію больныхъ дѣтей города Лондона. Итого сегодня 100 тысячъ франковъ. Не дурной день—хе-хе!—Не дурной день! Будь я на томъ свѣтѣ,—быть можетъ одинъ изъ племянниковъ проигралъ-бы сегодня такую-же сумму въ тотализаторѣ.... А такъ по крайней мѣрѣ я получилъ удовольствіе, и они не будутъ смѣяться мои наслѣдники, хе, хе, хе, а напротивъ: я самъ смѣюсь.... хе, хе, хе! И маленькія лондонскія дѣти тоже будутъ смѣяться, когда выйдутъ на свѣжій воздухъ.... Бѣдныя дѣтишки!

Въ это время они подошли къ Іерусалимскому храму. Настало желанное время,—и его возстановили.

Онъ былъ выстроенъ, какъ и раньше, изъ известковыхъ плитъ, которыя доставлялись изъ ближайшихъ каменоломенъ и отвердѣвали на воздухѣ. Снова предъ святынями Израиля возвышались колонны, вылитыя изъ желѣза. Лѣвая колонна называлась Боацъ, а правая Іахинъ. Во дворѣ передъ храмомъ находился громадный желѣзный алтарь и длинный водоемъ, называемый желѣзнымъ моремъ, какъ называли его и въ прародительскія времена, въ царствованіе Соломона.

Сарра и Миріамъ отправились въ отдѣленіе для женщинъ. А Фридрихъ стоялъ рядомъ съ Давидомъ въ послѣднихъ рядахъ молящихся.

— Когда раздавались мѣста въ храмѣ,—сказалъ Давидъ,—то я выбралъ себѣ одно изъ самыхъ послѣднихъ мѣстъ, и я не хотѣлъ бы имѣть другого.

Въ это время раздались торжественные звуки хоровыхъ напѣвовъ, сопровождаемые глубокими аккордами органа. Сильно потрясли эти звуки душу Фридриха.

Они навѣяли на него воспоминанія о его собственномъ прошломъ и о далекомъ прошломъ Израиля. Моляшіеся шептали слова предписанныхъ молитвъ. Но ему на умъ постоянно приходили красивые нѣмецкіе стихи! „еврейскія мелодіи“ Генриха Гейне. Ему казалось, что снова вернулась принцесса Саббатъ, „что зовутъ царицей тихой“. Канторъ началъ пѣть старинную пѣсню, которая въ теченіе многихъ столѣтій будила въ душѣ разбросаннаго по землѣ народа жгучую тоску по родинѣ,- пѣсню благороднаго поэта Іегуды Бенъ-Галеви:

„Lecho Daudri Likras Kalle....“, переведенную на нѣмецкій языкъ Г. Гейне въ слѣдующихъ словахъ:

„Komm, Geliebter, deiner harret
Schon die Braut, die dir entschleiert
Ihr verschämtes Angesicht“ *).

Да, Гейне, какъ истый поэтъ чувствовалъ романтизмъ, скрытый въ судьбѣ своего народа. И то, что онъ былъ настоящимъ нѣмецкимъ поэтомъ, не мѣшало ему открывать родники поэзіи и въ еврейскихъ мелодіяхъ.

Фридрихъ вспомнилъ теперь о томъ позорномъ времени, когда евреи стыдились всего еврейскаго. Они думали казаться болѣе благородными, скрывая свое происхожденіе, и не понимали, что именно вслѣдствіе этого обнаруживался весь рабскій складъ ихъ характера. Могли-ли они еще удивляться презрѣнію, съ которымъ къ нимъ относились другіе народы, если они сами себя такъ мало уважали? Они ползли какъ черви за другими и ихъ постигла за то справедливая кара,—

*) «Дорогой, прійди! невѣста ждетъ тебя, чтобы стыдливо предъ тобой открыть лицо».

они были отвержены. Но въ странномъ ослѣпленіи они не сдѣлали изъ этого правильнаго вывода, а прямо противоположный ему. Тѣ евреи, которымъ повезло въ денежныхъ предпріятіяхъ, или которые какимъ нибудь путемъ выдѣлились изъ своей среды,—открыто отрекались отъ вѣры предковъ. Они старались смыть всѣ слѣды своего происхожденія, какъ позорное пятно. И если эти, люди, которые сами принадлежали когда-то къ еврейству и слѣдовательно хорошо знали его, отказывались даже отъ своихъ родителей, только для того, что бы не признать себя евреями,—то не было-ли это неслыханнымъ позорнымъ и гнуснымъ поступкомъ? И все-же отступникамъ не удавалось смыть пятна происхожденія. Съ ними обращались, какъ съ прокаженными, ихъ держали въ карантинѣ. Въ средніе вѣка крещеные евреи назывались въ Испаніи „марранами". Марранство было карантиномъ для евреевъ—бѣглецовъ.

И еврейство падало все ниже и ниже. Еврейство было синонимомъ горя, несчастья, отреченія, отчаянія! Кто былъ евреемъ,—тотъ былъ несчастенъ и несчастный могъ пріютиться только въ „гетто". „Гетто", „голусъ,—въ переводѣ на всѣ языки означаетъ—„горе". И въ это горе попали евреи по своей собственной винѣ и по винѣ другихъ народовъ. Ихъ презирали и они сами стали себя презирать.

И вотъ евреи поднялись изъ этой пропасти на громадную высоту.

Все окружавшее Фридриха говорило о томъ, какъ это случилось. Еврейство имѣло теперь другой видъ оттого, что евреи перестали стыдиться самихъ себя. Не только нищіе, отверженные, немощные, не только

подозрительныя личности сплотились въ одно цѣлое. Нѣтъ, и сильные, свободные, талантливые люди вернулись на родину и ихъ дарили бо́льшимъ, чѣмъ они давали: другіе народы все еще приносили имъ свою благодарность за ихъ заслуги и подвиги. А еврейскій народъ требуетъ отъ своихъ великихъ сыновъ только одного: чтобы они не отрекались отъ своего происхожденія. Весь міръ благодаренъ великому человѣку, если онъ принесъ ему пользу; онъ долженъ принести пользу міру. Только отчій домъ ничего не требуетъ отъ сына, только родные благодарны ему за самое его существованіе....

Фридрихъ, погруженный въ воспоминанія, навѣянныя еврейскими мелодіями, внезапно постигъ все значеніе еврейскаго храма. Нѣкогда,—въ то время какъ на престолѣ сидѣлъ царь Соломонъ, Іерусалимскій храмъ, украшенный золотомъ и драгоцѣнностями, представлялъ изъ себя символъ величія и мощи Израиля. Онъ былъ отдѣланъ бронзою, оливковымъ деревомъ, кедромъ и кипарисомъ, чтобы радовать взоръ іудеевъ. Но какъ бы ни былъ роскошенъ храмъ по понятіямъ того времени, все-же не могли евреи въ продолженіе 18 вѣковъ оплакивать его, какъ видимый и конкретный символъ ихъ величія. Они не могли скорбѣть о разрушенномъ зданіи, надъ развалинами на протяженіи 18 вѣковъ; такая скорбь была бы нелѣпа. Нѣтъ, они плакали о чемъ-то невидимомъ и безплотномъ, для чего храмъ былъ только конкретнымъ выраженіемъ. И это невидимое и безплотное наполнило сердце Фридриха, когда онъ стоялъ въ возстановленномъ Іерусалимскомъ храмѣ. И на душѣ его стало легко и спокойно. Во-

кругъ него стояли вернувшіеся на свою родину сыны избраннаго народа,—стояли, какъ когда-то ихъ предки на горѣ Моріа.

Снова ожили слова Соломона: „Господь сказалъ, что онъ благоволилъ читать во мглѣ. Я построилъ домъ въ жилищѣ Тебѣ, мѣсто для пребыванія Тебѣ во вѣки".

Евреи молились съ большею или съ меньшею вѣрою во многихъ храмахъ въ богатыхъ и въ убогихъ, во всѣхъ странахъ земного шара. Невидимый, но вездѣ сущій Богъ долженъ былъ быть имъ повсюду одинаково близокъ. И несмотря на это только здѣсь былъ „храмъ". Почему? потому что они только здѣсь представляли изъ себя свободную общину, которая способна была служить высшимъ цѣлямъ человѣчества. Уже и въ прежнее время они были тѣсно сплочены, но подъ ярмомъ преслѣдователей, въ ненавистномъ гетто. Впослѣдствіи, когда культурные народы подарили имъ равноправіе, они познали и свободу. Но въ еврейскихъ кварталахъ они продолжали оставаться униженными и безправными, а когда они покидали этотъ кварталъ, то они переставали быть евреями. Необходимо было сліяніе двухъ элементовъ: солидарности и свободы. И только, когда это случилось, они осмѣлились воздвигнуть храмъ тому Незримому и Всемогущему Существу, которое дѣти представляютъ себѣ иначе, чѣмъ мудрецы, но которое навѣки останется воплощеніемъ стремленія къ добру.

И когда они вышли изъ храма по окончаніи богослуженія, когда вокругъ нихъ люди, выглядѣвшіе такъ серьезно и смѣло, стали привѣтливо кланяться другъ

другу со словами: „доброй субботы!,"—Фридрихъ обратился къ своему другу Давиду:

— Да, на Масличной горѣ вы были правы, указавъ мнѣ на это зданіе. Это—храмъ.

Глава II.

Въ слѣдующую субботу во всей странѣ происходили выборы делегатовъ.

Давидъ отправился въ ночь съ субботы на воскресенiе въ Хаифу, чтобы руководить выборами изъ центральнаго пункта всего движенія. Партія Гейера повсюду дѣйствовала очень энергично. Газета Гейера въ теченіе всего дня выпускала экстренныя, быстро слѣдующія одно за другимъ достовѣрныя извѣщенія относительно общественнаго настроенія. Къ нимъ часто примѣшивались и недостовѣрные слухи и прозрачные намёки. Одинъ изъ этихъ летучихъ листковъ сильно компрометировалъ главнаго директора Новаго Общества, Іосифа Леви. Въ немъ говорилось о слишкомъ неограниченной власти этого человѣка надъ милліонными капиталами Новаго Общества. Авторъ статьи оговаривался, что ничего не имѣетъ лично противъ г. Леви, но что ратуетъ за общественное благо, за потомъ и кровью добытые гроши бѣдняковъ, за столь драгоцѣнную для всѣхъ общину. Статья была написана въ слащавомъ тонѣ и набожно пересыпана цитатами изъ библіи.

Профессоръ Штейнекъ, которому доставили этотъ листокъ въ присутствіи Кингскурта, внезапно покраснѣлъ при чтеніи его и сталъ сквозь зубы произносить яростныя ругательства:

— Вотъ мерзавецъ... этакой скотъ... этакой... этакой—Гейеръ! *) Этотъ негодяй отлично знаетъ что Іое всю душу положилъ на то, чтобы поднять значеніе Новаго Общества. Это знаетъ каждый ребенокъ, это знаетъ весь свѣтъ... и эта низкая тварь осмѣливается пачкать своими гнусными памфлетами имя Леви. И все изъ за выборовъ—понимаете-ли вы? Эта статья написана съ цѣлью повліять на выборы, что бы прошли делегаты опозиціи. Поиммете-ли вы?

Онъ яростно порвалъ листокъ, скомкалъ его въ рукѣ и съ отвращеніемъ выбросилъ его чрезъ окно.

Кингскуртъ засмѣялся.—Понимаю ли я это? Мой милый отецъ микробовъ, вѣдь и я жилъ на бѣломъ свѣтѣ! Какъ-же мнѣ не знать, что люди—страшные мерзавцы! Знаете, несмотря на внѣшнее благоустройство по правдѣ сказать, я многому не повѣрилъ въ вашемъ Новомъ Обществѣ. Мнѣ казалось, что все это учрежденіе на дѣлѣ не такъ прекрасно, какъ на словахъ. Но теперь, когда я вижу, что и между вами есть негодяи всякаго рода, то начинаю себѣ все это уяснять. Тутъ уже и я, старый пустынникъ, долженъ согласиться, что все это вѣрно.

Впрочемъ въ этихъ кругахъ не особенно много толковали о выборахъ, хотя они и составляли злобу дня.

Многіе жалѣли о томъ, что Давидъ Литтвакъ принималъ такое дѣятельное участіе въ партійной борьбѣ. Впрочемъ онъ скоро могъ отдохнуть. Онъ много разъ говорилъ, что немедленно послѣ выборовъ намѣренъ приступить къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Онъ впро-

*) Игра словъ: Geier по нѣмецки означаетъ—коршунъ.

чемъ выставилъ свою кандидатуру на постъ делегата, но конгрессъ занималъ только нѣсколько недѣль въ году.

По предложенію Миріамъ, Фридрихъ и его друзья воспользовались днемъ выборовъ, чтобы посѣтить мѣсто, отдаленное отъ политическихъ треволненій:— одну художественную мастерскую. Миріамъ и Фридрихъ поѣхали съ профессоромъ въ ателье художника Изакса.

Домъ художника былъ расположенъ въ тихой мѣстности, въ восточной части Новаго Города. Здѣсь хранилось много рѣдкихъ произведеній искусства. Изаксъ любилъ общество, и вечера, которые онъ часто устраивалъ въ своемъ маленькомъ дворцѣ, славились своей роскошью.

Стѣна дома художника, обращенная на улицу, еще не давала никакого представленія объ изысканности внутренней его обстановки. И тѣмъ сильнѣе было изумленіе посѣтителей, когда они проходили подъ длинной сводчатой аркой, ведущей во внутренній дворъ дома. Она состояла изъ стекляной крыши, укрѣпленной на мраморныхъ колоннахъ съ золотыми завитками. Старые гобелены покрывали стѣны. Тутъ же стояли статуи,— художественныя копіи античныхъ скульптуръ. Лакей ввелъ гостей во внутренній дворъ. Это былъ, собственно говоря, салонъ, только безъ потолка. Синее небо служило для него плафономъ. Вымощенный каменными плитами, дворъ былъ съ трехъ сторонъ окруженъ сводчатыми входами, на четвертой сторонѣ находилась передвигающаяся на колесахъ позолоченная рѣшетка, которая была теперь широко раскрыта. Отсюда откры-

вался видъ въ садъ, расположенный нѣсколькими ступенями ниже. Онъ не былъ особенно великъ, но благодаря искусному расположенію деревьевъ производилъ впечатлѣніе, будто находится въ низменности. Сквозь зелень пальмъ бѣлѣлъ мраморъ чудныхъ статуй. Въ срединѣ двора находился фонтанъ съ широкимъ бассейномъ; въ нёмъ тихо журчала вода. Хорошія кресла оригинальныхъ фасоновъ были разставлены по угламъ.

Этотъ дворъ съ его колоннадой и стекляной галлереей составлялъ совершенно отдѣльный роскошный залъ. Изъ сводчатыхъ корридоровъ, находившихся по его сторонамъ, высокія, рѣзныя двери вели въ другія палаты. Нѣкоторыя двери были открыты, и обнаруживали предъ посѣтителями всю роскошь внутренняго убранства. Это былъ дворецъ короля искусства.

Наконецъ предъ гостями открылась дверь ателье. Изаксъ которому было доложено о приходѣ гостей, вышелъ къ нимъ на встрѣчу въ сопровожденіи изящнаго господина и не менѣе изящной дамы. Профессоръ представилъ Фридриха, а Изаксъ—сопровождавшихъ его господина и даму,—лорда Сетбёрри и супругу его,—лэди Лиліанъ. Они находились въ Іерусалимѣ въ виду того, что Изаксъ рисовалъ портретъ красивой лэди Лиліанъ. Самому художнику, высокому и статному мужчинѣ, можно было дать лѣтъ сорокъ. Всѣ его движенія и слова были полны пылкаго воодушевленія. Манеры его носили слѣды изящества и знанія свѣта. А былъ онъ когда-то бѣднымъ еврейскимъ мальчикомъ и достигъ своего настоящаго положенія въ свѣтѣ только по милости природнаго дарованія.

Изаксъ былъ очень милъ и привѣтливъ, и гости скоро почувствовали себя какъ дома. Лакеи внесли дессертъ. Хозяинъ предложилъ мужчинамъ сигары, отличающіяся замѣчательнымъ ароматомъ и, какъ съ улыбкой сообщилъ хозяинъ, приготовляемыя на палестинскихъ плантаціяхъ. Это было единственное, о чемъ онъ сказалъ съ замѣтнымъ оттѣнкомъ гордости въ голосѣ. „Цвѣткомъ Іордана“ назывался этотъ сортъ сигаръ, такъ какъ плантаціи были расположены въ долинѣ Іордана.

Въ то время, какъ мужчины курили сигары и оживленно бесѣдовали, красивая лэди подошла къ Міріамъ, съ которой уже была раньше знакома, и попросила ее о чёмъ то. Міріамъ, отвѣтила отказомъ, и постаралась смягчить его улыбкой.

Фридриху показалось, что махнувъ отрицательно головой, Міріамъ взглянула на него. Вслѣдъ затѣмъ и лэди Лиліанъ бросила на него бѣглый взглядъ. Дамы стояли въ это время у золоченной рѣшетки; это были двѣ стройныя фигуры, ласкающія взоръ: темноволосая Міріамъ, невысокаго роста, несмотря на свое скромное платье ни чуть не теряла отъ сосѣдства высокой, свѣтлорусой англичанки, туалетъ которой, обнаруживалъ вкусъ парижскаго портного. Фридрихъ почувствовалъ смутный порывъ гордости, когда увидѣлъ, какъ еврейская дѣвушка, дочь разносчика, скромно, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ свободно обращается съ англійской аристократкой.

И, вспоминая выраженія своего отсутствующаго друга Кингскурта, онъ подумалъ:

— Чортъ побери,—вотъ мы уже начинаемъ выступать и въ высшемъ обществѣ.

Въ это время лэди и Миріамъ медленно вышли въ садъ, а Фридрихъ, несмотря на все свое желаніе послѣдовать за ними, долженъ былъ остаться съ мужчинами, такъ какъ они разговаривали главнымъ образомъ съ нимъ. Ему объясняли многое, что ему раньше не было извѣстно: роль искусства и философіи въ образованіи Новаго Общества. Только теперь, когда Изаксъ своимъ красивымъ голосомъ заговорилъ объ этихъ предметахъ, Фридрихъ понялъ, что онъ до сихъ поръ не имѣлъ о нихъ ни малѣйшаго представленія. Онъ видѣлъ храмъ и электрическія машины, старый народъ въ новыхъ общественныхъ формахъ, въ обновленной странѣ. Но какую роль играли здѣсь высшіе запросы ума человѣческаго,—искусства, науки?

Вѣдь этотъ вопросъ когда-то побудилъ такъ называемыхъ „людей прогресса“ стать въ оппозицію къ сіонистскому движенію. Идею возрожденія еврейскаго народа считали сумасбродной реакціей, подобной хиліастическимъ ужасамъ. И вотъ Фридрихъ услышалъ отъ художника Изакса, что эти обвиненія были незаслужены. Все, что угодно, могло господствовать въ Новомъ Обществѣ, только не мракобѣсіе! Каждый могъ по своему обрѣсть царство небесное. Вопросы религіи были разъ на всегда застрахованы отъ государственнаго воздѣйствія. Искалъ-ли человѣкъ духовнаго общенія съ Богомъ въ синагогѣ, въ церкви, въ мечети, въ картинной галлереѣ или въ филармоническомъ концертѣ,—до всего этого обществу не было никакого дѣла.

Для искусства и философіи были учреждены въ Еврейской Академіи независимые другъ отъ друга отдѣлы. Академія эта тоже не представляла собою чего-либо оригинальнаго: она была устроена по образцу существовавшей до нея французской академіи. Средства на учрежденіе ея были даны однимъ богатымъ американцемъ, который въ качествѣ гостя принималъ участіе въ экскурсіи на пароходѣ „Futuro". Духъ „Futuro" долженъ былъ постоянно руководить дѣятельностью академіи,—это было по возможности предусмотрѣно ея уставомъ. Число членовъ было 40, такъ же, какъ и въ Palais Mazarin, и если какое нибудь кресло освобождалось за смертью одного изъ членовъ, то остальные избирали достойнаго преемника. Члены академіи получали жалованіе, которое освобождало ихъ отъ матеріальныхъ заботъ, такъ что искусство, философія и науки не имѣли ничего общаго съ корыстными, житейскими разсчетами.

Случилось какъ то само собою, что всѣ сорокъ еврейскихъ академиковъ были свободны отъ всякаго національнаго шовинизма. При возникновеніи этого учрежденія, его первые члены явились изъ различныхъ странъ и сплотились въ одно цѣлое на почвѣ общечеловѣческихъ интересовъ. Общими ихъ усиліями былъ созданъ тотъ духъ, который уже не могъ быть изгнанъ при ихъ преемникахъ. Первый пунктъ устава гласилъ: „Еврейская академія имѣетъ цѣлью дѣлать заслуги отдѣльныхъ личностей достояніемъ человѣчества".

И цѣль эта не была заключена въ узкія географическія рамки еврейскаго государства. 40 членовъ Еврейской Академіи были вмѣстѣ съ тѣми членами почет-

наго легіона, устроеннаго также на французскій ладъ по образцу ордена почетнаго легіона. Знакомъ отличія служила желтая лента въ петличкѣ. Фридрихъ видѣлъ такія ленты у многихъ, но не обратилъ на нихъ особеннаго вниманія. Онѣ показались ему глупымъ пережиткомъ стараго времени. Тѣмъ не менѣе ему пришлось поколебаться въ своемъ мнѣніи, когда Изаксъ, носившій значекъ ордена такъ же, какъ и профессоръ Штейнекъ, обратился къ нему со слѣдующими словами:

— Не думайте, милый докторъ Левенбергъ, что мы учредили почетный легіонъ изъ одного только тщеславія и глупости. Какъ ни какъ, а почесть должна размѣниваться на ходячую монету, это хорошо знали государственные люди прежняго времени. Почему бы намъ было пренебречь этимъ средствомъ, которое можетъ быть очень полезно общественному благу.

Но только мы постарались съ самаго начала придать какъ можно больше значенія орденамъ, сдѣлавъ ихъ не очень то доступными. Высшихъ должностныхъ лицъ у насъ очень мало: главою почетнаго легіона состоитъ президентъ академіи, а члены ея, составляющіе орденскую коллегію, очень далеки отъ всякихъ частныхъ интересовъ и политическихъ вопросовъ. Изъ этого вытекаетъ, что этой почести нельзя добиться деньгами или политическими интригами. Мы не наградимъ орденомъ человѣка, который умѣетъ ловко обдѣлать свои дѣлишки. Вѣдь это и дѣлало ордена стараго общества —смѣшными. У насъ же эта ничтожная ленточка говоритъ о заслугѣ на почвѣ общественности, указываетъ на благородное стремленіе поднять общественное благосостояніе. А цвѣтъ ея дол-

жешъ намъ напоминать печальныя страницы исторіи еврейскаго народа и призывать къ смиренію въ минуты славы. Желтое пятно, которое носили наши несчастные отцы, символъ позора, мы обратили въ символъ чести!

— Поняли?—воскликнулъ Штейнекъ.

Фридрихъ задумчиво кивнулъ головой.

Въ эту минуту лакей доложилъ о приходѣ доктора Маркуса. Изаксъ быстро поднялся и поспѣшилъ на встрѣчу старому господину съ сѣдой бородой.

— Вы пришли кстати!—сказалъ Изаксъ и представилъ старику Фридриха и лорда Сетбёрри.

— Господинъ Маркусъ,—президентъ еврейской академіи. Я только что разсказывалъ кое что объ академіи моимъ милымъ гостямъ. Лордъ Сетбёрри зналъ положимъ, уже многое; но этотъ господинъ, несмотря на то, что онъ еврей, слышитъ все въ первый разъ.

— Какъ-же это можетъ быть?—спросилъ докторъ Маркусъ.

Фридрихъ въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ о своемъ прошломъ. Президентъ академіи внимательно слушалъ, тихо покачивая головою. Потомъ онъ сказалъ:

— Двадцать лѣтъ тому назадъ! Да, да. Я понимаю ваше удивленіе. А все таки все это существовало и тогда. Помните притчи Кохелесъ: „что было въ прошломъ? то что будетъ въ будущемъ; и что мы сдѣлали? то, что впредь будутъ дѣлать, и нѣтъ ничего новаго подъ луною!“

— Позвольте, мой милый президентъ,—воскликнулъ Штейнекъ.—Ваши слова слѣдуетъ понимать cum grano salis. Все, что теперь существуетъ, раньше не существовало, и все что будетъ впереди, не лежитъ позади

насъ. Я не стану вамъ цитировать Кохелесъ, но позвольте вамъ напомнить о Стоктонъ-Дарлингтонѣ, понимаете?

— Что это за Стоктонъ—Дарлингтонъ?—изумился лордъ Сетбёрри,—вы говорите о первой желѣзнодорожной линіи, которую соорудилъ 100 лѣтъ тому назадъ Георгъ Стефенсонъ?

— Да, о ней, милордъ,—отвѣтилъ профессоръ,—дѣло въ томъ, что нѣсколько дней тому назадъ мы рѣшили въ академіи сдѣлать предложеніе всему цивилизованному міру относительно празднованія столѣтняго юбилея со дня этого открытія. Оно исполнится въ 1925 году. По нашему проекту всѣ локомотивы, которые будутъ въ пути на всѣхъ дорогахъ земного шара, должны въ ту минуту, когда исполнится столѣтіе со дня ихъ изобрѣтенія, издать три сигнальныхъ свистка. Вотъ какъ мы думаемъ ознаменовать этотъ праздникъ. На всемъ земномъ шарѣ люди, сидящіе въ вагонахъ, подумаютъ о Стефенсонѣ, о величайшемъ изобрѣтателѣ новѣйшей исторіи. Вы должны согласиться, уважаемый президентъ, что мудрость Кохелета не пустила въ ходъ первую паровую машину между Стоктономъ и Дарлингтономъ.

Докторъ Маркусъ любезно отвѣтилъ:

— Съ удовольствіемъ соглашаюсь; тѣмъ болѣе, что вовсе и не спорилъ относительно этого. Я только говорилъ о сосуществованіи нѣкоторыхъ явленій, которыя меня часто занимаетъ. И эта мысль приноситъ мнѣ душевное спокойствіе. Тѣ годы, мѣсяцы или дни, которые мнѣ осталось прожить, мнѣ поэтому пріятны... Я не скажу ни въ коемъ случаѣ, что они мнѣ не

нравятся. Но для меня служитъ утѣшеніемъ, что теперь повторяются дѣла, которыя происходили уже раньше. И будущее уже существуетъ. Я знаю его: это—добро! Исходя изъ однихъ и тѣхъ-же положеній, я прихожу однако къ выводу, совершенно противоположному тому, который сдѣлалъ мудрецъ, сынъ Давида, царствовавшій надъ Израилемъ въ Іерусалимѣ. Но быть можетъ и мудрецъ Соломонъ держался тѣхъ-же убѣжденій, хотя и говорилъ, что все суета суетъ, хотя и спрашивалъ,—„что за выгода человѣку трудиться на этомъ свѣтѣ?“

Все—суета суетъ—это вѣрно, но только съ точки зрѣнія нашей личности; міръ не покажется намъ суетою суетъ, если мы сумѣемъ возвыситься надъ своимъ собственнымъ „я“. Тогда даже сны мои вѣчны, потому что приснятся другимъ, когда меня не станетъ. Красота и мудрость не погибаютъ, даже если погибаютъ ихъ представители. Вѣдь нѣтъ образованнаго человѣка, незнакомаго съ теоріей сохраненія энергіи. Мы должны, всѣ должны проникнуться теоріей сохраненія красоты и мудрости. Развѣ погибло искусство великихъ грековъ? Нѣтъ, оно будетъ всегда возрождаться въ грядущихъ поколѣніяхъ. Развѣ изреченія нашихъ мудрецовъ потеряли свое значеніе? Нѣтъ, они продолжаютъ блистать мудростью, хотя, быть можетъ, при свѣтѣ счастья они не такъ замѣтны, какъ среди мрака ненастій. Въ этомъ отношеніи они сходны со всѣми источниками свѣта. Что-же изъ этого слѣдуетъ? То, что мы должны содѣйствовать процвѣтанію красоты и мудрости на землѣ до послѣдней минуты нашей жизни. Земля—это мы сами. Мы происходимъ изъ нея, и мы

вернемся къ ней. Это сказалъ уже Кохелетъ, и нынче мы ничего не можемъ прибавить къ его словамъ: „Земля остается на вѣки вѣковъ". Докторъ Маркусъ умолкъ, все общество въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ хранило молчаніе. Каждый предавался своимъ размышленіямъ. И среди этой тишины раздалось вдругъ пѣніе женскаго голоса, глухо доносившееся черезъ каменныя стѣны. Всѣ старались не нарушить тишины.

— Кто это поетъ?—шепотомъ спросилъ Фридрихъ.

— Какъ, вы не знаете?—сказалъ Изаксъ, -вѣдь это фрейлейнъ Миріамъ.

Художникъ поднялся и подошелъ къ сводчатому корридору. Онъ безшумно распахнулъ дверь салона, куда раньше удалились обѣ дамы.

Теперь чудное пѣніе доносилось совершенно ясно.

Миріамъ, не знавшая, что её слушаютъ, пѣла лэди Лиліанъ Шумана, Рубинштейна, Вагнера, Верди, Гуно, -музыку всѣхъ народовъ. Неисчерпаемыми казались дивныя мелодіи и блаженство овладѣвало Фридрихомъ отъ общенія съ этими недосягаемыми геніями, которые въ благороднѣйшихъ формахъ воплотили жизнь: въ красотѣ и въ разумѣ.

Но когда Миріамъ начала пѣсню Миньоны, полную тоски, пѣсню, которую онъ очень любилъ, „знаешь ли край, гдѣ померанцы зрѣютъ?" *) то Фридрихъ прошепталъ:—Здѣсь этотъ край!

*) «Kennst du das Land, wo die Zitronen blühen». Стихотв. Гёте.

Глава III.

Въ домѣ художника часы пролетали незамѣтно.

Наконецъ, когда уже стало вечерѣть, профессора Штейнека позвали къ телефону. Кингскуртъ просилъ его немедленно вернуться.

Сидя въ колескѣ съ Миріамъ и проф. Штейнекомъ, Фридрихъ сказалъ:

— Благодарю васъ, фрейлейнъ Миріамъ, что вы своимъ пѣніемъ дали мнѣ возможность узнать васъ. Только теперь я знаю, кто вы такая.

Она покраснѣла и ничего не отвѣтила.

Но въ гостинницѣ, гдѣ жило все общество Литвака, ихъ ждало скверное извѣстіе.

Передъ дверьми стоялъ Кингскуртъ съ непокрытой головой и кричалъ профессору:

— Чортъ возьми, вы могли-бы, кажется, поспѣшить немножко.

— Что-же случилось?—спокойно спросилъ профессоръ.

— Что случилось? Нашъ карапузъ, Фрицхенъ, заболѣлъ.

Ну, будьте любезны не мѣшкайте дольше, а лучше пойдемъ къ Фрицхенъ.

Они поспѣшили въ комнату ребенка. Фрицхенъ лежалъ въ кроваткѣ съ пылающими щечками и лихорадочно-блестящими глазёнками.

— Отто!—крикнулъ онъ старому Кингскурту. И „Отто“ безпрекословно повиновался своему маленькому тирану. Онъ присѣлъ у его изголовья на стулъ, съ котораго въ теченіе слѣдующихъ дней уже не часто подымался. Если здоровый Фрицхенъ имѣлъ сильную

власть надъ мистеромъ Кингскуртомъ, то больной Фрицхенъ могъ съ нимъ дѣлать все, что хотѣлъ.

Профессоръ Штейнекъ послѣ изслѣдованія задумчиво покачалъ головой. Хотя онъ и успокоилъ Сарру, которая была въ полномъ отчаяніи, но отъ Кингскурта не скрылъ своихъ опасеній. Ребенокъ былъ серьезно боленъ сильнымъ воспаленіемъ горла. Кингскуртъ испугался сильнѣе, чѣмъ то показывалъ. Прежде всего онъ подозвалъ Фридриха, увелъ его въ свою комнату и сталъ проклинать все и вся. Онъ говорилъ, что болѣзнь ребенка перевернула вверхъ дномъ всѣ его предположенія, что теперь нельзя дѣлать того, что хочешь и что приходится думать о другомъ проектѣ.

— Я понимаю васъ, Кингскуртъ,—сказалъ озабоченно Фридрихъ.—Вы хотите уѣхать отсюда. Ну что-же, я готовъ.

— Вы съ ума сошли,—воскликнулъ Кингскуртъ, побагровѣвъ отъ злости,—вы разучились понимать людей. Вашъ разсудокъ, кажется, сильно потерялъ отъ знакомства съ этой женщиной. Въ томъ-то и бѣда, что намъ теперь неловко уѣхать. Вы кажется думаете, что у меня нѣтъ души. Сначала пользоваться гостепріимствомъ, развлекаться, тунеядничать, а потомъ удирать, когда дому грозитъ бѣда!

Ну нѣтъ, милый мой, вы себѣ можете удирать отсюда, если ужъ больше не можете вынести разлуки съ Европой. А я здѣсь останусь, пока Фрицхенъ не выздоровѣетъ. Просто—изъ чувства порядочности. Это кажется само собой разумѣется.

Но грубость старика, которой онъ и теперь хотѣлъ сообщить нѣкоторую веселую окраску, звучала неесте-

ственно. Онъ сильнѣе боялся за мальчугана, чѣмъ хотѣлъ показать это. Ночью онъ тоже остался при больномъ, и бодрствовалъ надъ дѣтской кроваткой вмѣстѣ съ Саррой и нянею. И мальчуганъ, точно чуя удивительную перемѣну въ душѣ стараго человѣконенавистника, прижимался къ Кингскурту больше, чѣмъ къ другимъ.

Профессоръ Штейнекъ пытался объяснить это раціоналистическимъ путемъ; онъ видѣлъ причину этого въ длинной бородѣ Кингскурта, въ гримассахъ и шуткахъ, которыя отпускалъ старикъ.

Но какъ-бы то ни было, фактъ былъ на лицо: Фрицхенъ ни на минуту не отпускалъ отъ себя своего ворчливаго друга. Въ постоянно увеличивающемся жару онъ то и дѣло хватался за указательный палецъ сидѣвшаго у постели старика. Только изъ рукъ Кингскурта принималъ онъ лѣкарства, и только его одного просилъ спѣть колыбельную пѣсенку. Но Кингскуртъ владѣлъ не особенно большимъ репертуаромъ. Лучше всего удавалось ему:

„Wer reit' mit zwonzig Knappen ein,
Zu Heidelberg im Hirschen?
Das ist der Herr von Rohodenstein
Auf Rheinwein will er pirtschen“ *)

Эта пѣсня когда-то очень понравилась мальчику и теперь онъ безъ конца заставлялъ рыцаря фонъ-Роденштейнъ скакать въ Гейдельбергъ въ гостинницу „Гиршъ.“

*) Кто мчится съ двадцатью слугами
Въ Гейдельбергъ, въ гостинницу Гиршъ?
Это рыцарь фонъ Роденштейнъ,
Онъ охотится на вино.

Вторая пѣснь Кингскурта была:

„Der Gott, der Eisen wachsen liess,
Der wollte keine Knechte“ **)

И этими двумя пѣсенками онъ убаюкивалъ своего маленькаго страдающаго друга.

Давидъ Литвакъ не былъ извѣщенъ о болѣзни ребенка. Его не хотѣли безпокоить, такъ какъ на слѣдующій день онъ все равно долженъ былъ прибыть въ Іерусалимъ. Онъ оказался побѣдителемъ на выборахъ. Партія интригана Гейера была разбита почти на всѣхъ пунктахъ, гдѣ выставила свою кандидатуру. Самъ докторъ Гейеръ получилъ относительное большинство голосовъ только въ одномъ округѣ и въ слѣдующее воскресенье долженъ былъ подвергнуться окончательной баллотировкѣ, между тѣмъ какъ Давидъ Литвакъ былъ избранъ деллегатомъ 31-го округа; онъ рѣшился принять только мандатъ Нейдорфа. Но когда онъ въ радужномъ настроеніи вернулся въ Іерусалимъ, въ дѣтской его ожидало грустное извѣстіе.

Сарра со слезами бросилась ему на шею:

— Мы были слишкомъ счастливы, Давидъ. И вотъ Господь насъ наказалъ! Можетъ быть мы были слишкомъ горды, или принимали щедроты Бога, какъ должное.

Онъ отвѣтилъ кротко и серьезно:

— Во всякомъ случаѣ будемъ винить самихъ себя и призывать себя къ смиренію. Это не помѣшаетъ. Но

**) Господь велѣлъ расти желѣзу;
Онъ не желалъ имѣть рабовъ.

тѣмъ не менѣе будемъ бороться съ болѣзнью всѣми средствами, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи.

И они начали бороться. Лучшіе врачи города собирались утромъ и вечеромъ на консультаціяхъ. Для спасенія молодой жизни были употреблены всѣ медицинскія средства.

Но болѣзнь точно смѣялась надъ усиліями науки. Положеніе ребенка съ каждымъ днемъ ухудшалось и наступилъ вечеръ, когда врачи, грустно покачивая головою, покинули домъ Давида. Только профессоръ Штейнекъ остался при больномъ вмѣстѣ съ Кингскуртомъ и няней. Сарра слегла въ постель отъ напряженія и усталости. Миріамъ и мистриссъ Готландъ находились неотлучно при ней. А Давидъ Литвакъ сидѣлъ въ салонѣ, находившемся между комнатами дорогихъ ему больныхъ. Онъ входилъ то къ женѣ, то къ сыну, чтобы посмотрѣть, все-ли тамъ въ порядкѣ. Онъ спокойно отдавалъ нужныя распоряженія, и Фридрихъ, который вмѣстѣ съ Решидъ Бейемъ старался развлечь озабоченнаго мужа, долженъ былъ удивляться его умѣнію владѣть собой. Всѣмъ своимъ близкимъ друзьямъ, приходившимъ провѣдать больныхъ, онъ спокойно сообщалъ объ ихъ состояніи. Но, наконецъ, силы покинули и его. Онъ попросилъ одного изъ своихъ друзей сходить внизъ и принимать посѣтителей въ вестибюлѣ гостинницы. Это порученіе принялъ на себя Решидъ Бей. Среди знакомыхъ Давида быстро распространилось извѣстіе о тяжеломъ положеніи маленькаго больного и со всѣхъ сторонъ являлись люди, чтобы узнать о его состояніи. Президентъ Новаго Общества справлялся о больномъ чуть-ли не каждый часъ. Лю-

бовь и уваженіе, которыми пользовался Давидъ Литтвакъ со стороны своихъ согражданъ, вполнѣ обнаружились въ этомъ случаѣ. Передъ гостинницей толпились соболѣзнующіе знакомые. Немногіе изъ нихъ лично знали милаго Фрицхенъ, но для нихъ было достаточно и того, что онъ былъ сыномъ Давида Литтвака. Многіе молились за эту слабую молодую жизнь, которая, быть можетъ, стала бы благословеніемъ всего общества, если-бы была сохранена.

А наверху Давидъ печально, но спокойно говорилъ Фридриху:

— Видите, мой милый докторъ Левенбергъ, вотъ этого мы не могли измѣнить. Такъ было и 20, такъ было 200 лѣтъ тому назадъ. Когда пробьетъ часъ нѣкогда счастливаго Іова, онъ долженъ мужественно его встрѣтить и сказать себѣ: „Господь далъ, Господь и взялъ".

При этихъ словахъ Штейнекъ вышелъ изъ комнаты Фрицхена и прошепталъ:

— Нѣтъ еще!—но въ этихъ словахъ звучало мало надежды. — Если-бы только ребенокъ могъ заснуть! — прошепталъ профессоръ.

— Крѣпкій сонъ былъ-бы для него счастьемъ, быть можетъ—спасеніемъ.

— Не мѣшаетъ-ли ребенку пѣніе Кингскурта?—спросилъ Фридрихъ.

— Нѣтъ, возразилъ Штейнекъ,—пусть продолжаетъ, онъ волей, неволей долженъ пѣть. Каждый разъ, когда Фрицхенъ очнется отъ забытія, старикъ долженъ его убаюкать. Это трогательно!

— Онъ безконечно привязанъ къ ребенку,—сказалъ Фридрихъ.

Тутъ Давидъ заплакалъ. А изъ сосѣдней комнаты доносился голосъ Кингскурта:—„Господь велѣлъ расти желѣзу, Онъ не хотѣлъ имѣть рабовъ!“ А затѣмъ онъ переходилъ къ Роденштейну, которому хотѣлось охотиться за рейнвейномъ, но онъ охотился все тише и грустнѣе, и въ другой комнатѣ съ трепетомъ ожидали, что пѣніе вотъ вотъ совершенно замолкнетъ.

Наконецъ воцарилась тишина; изъ комнаты не доносилось ни звука. И вслѣдъ за тѣмъ Кингскуртъ появился въ дверяхъ. Глаза его были красны и онъ многозначительно приложилъ палецъ къ губамъ:

— Тише! онъ спитъ!.... Чтобъ не было слышно ни звука! Если кто нибудь тамъ въ корридорѣ начнетъ шумѣть, то я уложу его на мѣстѣ. Я выйду сторожить.... Если Фрицхенъ проснется, позовите меня!

Такъ и сдѣлалъ Кингскуртъ. Онъ усѣлся въ корридорѣ передъ комнатой Фрицхенъ и сторожилъ. Онъ такъ свирѣпо глядѣлъ на проходившихъ мимо лакеевъ и посѣтителей, что они пугались. При этомъ онъ хриплымъ голосомъ шепталъ, чтобы они убирались въ другое мѣсто, что здѣсь лежитъ больной.

Такъ прошелъ часъ, второй... Наконецъ Фридрихъ вышелъ къ Кингскурту въ корридоръ.

Старикъ вскочилъ со своего стула.

— Онъ звалъ меня?

— Нѣтъ,—прошепталъ Фридрихъ, онъ все еще спитъ! Въ ту-же минуту онъ почувствовалъ свою голову въ тискахъ Кингскурта; тотъ обнялъ его и прошепталъ ему на ухо:

— Фрицъ! Если этотъ пузырь выздоровѣетъ, то я остаюсь здѣсь—навсегда. Даю торжественный обѣтъ. Эту жертву я принесу для его выздоровленія, иначе я не Адельбертъ-фонъ-Кенигсгофъ!

Проходилъ часъ за часомъ. А Фрицхенъ все еще спалъ. И сонъ исцѣлилъ его. Утро смѣнило ночь. И вмѣстѣ съ солнцемъ снова взошла и надежда. Когда рано утромъ позвали Кингскурта къ постели Фрицхена, у ребенка уже снова блестѣли глазёнки, и онъ встрѣтилъ старика радостными криками:—„Отто, Отто!"

— Шельма ты!--проворчалъ Кингскуртъ и попытался сдѣлать недовольное лицо, потому что стыдился своего отчаянія, которое ночью обнаружилъ предъ Фридрихомъ.—Однако, ступайте наконецъ и вы спать, сказалъ ему Фридрихъ,— надо-же и вамъ отдохнуть. А что касается обѣта, который вы дали въ корридорѣ, то его я просто-на просто не слышалъ.

— Ну нѣтъ, мой другъ,—отвѣтилъ гордо Кингскуртъ.—Это доказываетъ, что вы меня еще не хорошо знаете. Разъ я въ чемъ-нибудь поклялся, такъ ужъ отъ своего слова не отступлю.... Но прежде всего я пойду спать.... А затѣмъ мы ужъ посмотримъ, какъ устроиться здѣсь въ Новомъ Обществѣ. Такъ то!

Фридрихъ все еще не зналъ, серьезно-ли говоритъ старикъ. Вѣдь остаться здѣсь было его самымъ горячимъ желаніемъ. Сдѣлаться полезнымъ членомъ Новаго Общества, принять участіе въ той хорошей работѣ, которую онъ видѣлъ, быть сотрудникомъ этихъ честныхъ людей,—все это было его сокровенной мечтою. Такой-же мечтою было еще нѣчто другое, въ чемъ онъ едва смѣлъ себѣ признаться.

Но Кингскуртъ сдержалъ слово. Уже на слѣдующій день, когда Фрицхенъ снова былъ бодръ и веселъ, да и Сарра отдохнула отъ страха, который и былъ ея болѣзнью, Кингскуртъ самъ напомнилъ объ исполненіи своего обѣщанія. Быть можетъ, онъ догадывался о той радости, которую доставитъ этимъ товарищу своей 20-ти лѣтней жизни на островѣ.

Это можно было допустить со стороны мнимаго врага человѣчества, спасовавшаго предъ прелестью ребенка. Свою привязанность къ Фрицхенъ онъ старался обосновать по крайней мѣрѣ принципами, послѣ того, какъ уже не могъ её скрыть. Онъ говорилъ, что ничего не имѣетъ противъ мальчика, также какъ ничего бы не имѣлъ противъ безвреднаго звѣрька. Къ тому-же Фрицхенъ еще и не человѣкъ, слѣдовательно онъ ничуть не измѣняетъ своему человѣконенавистничеству, если чувствуетъ нѣжность къ такому карапузу.

— Я охотно дарю вамъ мотивы, Кингскуртъ! —смѣясь возразилъ Фридрихъ,—съ меня достаточно факта. Когда-же мы объявимъ о своемъ вступленіи въ Новое Общество?

Глава IV.

Они рѣшили не откладывать этого въ долгій ящикъ и сдѣлать визитъ президенту Айхенштамму, пригласившему ихъ когда-то еще въ Хаифѣ. Имъ нужно было посовѣтоваться съ нимъ, какимъ путемъ имъ лучше всего вступить въ число полезныхъ членовъ Новаго Общества. Домъ президента напоминалъ по своему внѣшнему виду палаццо генуэзскаго патриція.

Непосредственно передъ ними къ дому подкатилъ автомобиль, изъ котораго вышли два пожилыхъ господина и профессоръ Штейнекъ. Профессоръ стоялъ уже на парадной лѣстницѣ, когда замѣтилъ двухъ своихъ друзей, бесѣдовавшихъ со швейцаромъ. Онъ поклонился имъ и слѣдствіемъ этого поклона было то, что швейцаръ ихъ немедленно пропустилъ. Но тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ Штейнекъ исчезъ. Кингскуртъ и Фридрихъ хотѣли видѣть доктора Веркина, секретаря президента. Лакей повелъ ихъ въ контору этого послѣдняго и попросилъ ихъ тамъ обождать.

Они нѣкоторое время ожидали въ высокомъ красивомъ вестибюлѣ, но наконецъ Кингскуртъ потерялъ терпѣніе:

— Ну, мое терпѣніе скоро лопнетъ! Не сидѣть-же намъ семь лѣтъ въ передней. Поговорите-ка съ кѣмъ нибудь изъ этихъ рабовъ, Фрицъ! Должно быть о насъ совсѣмъ не докладывали.

— Рабовъ тутъ кажется не имѣется,—засмѣялся Фридрихъ,—но этотъ человѣкъ, который пишетъ на машинѣ, быть можетъ, объяснитъ намъ, въ чемъ дѣло.

Переписчикъ дѣйствительно далъ имъ объясненіе. Онъ сообщилъ имъ, что докторъ Веркинъ уже два часа находится у президента, такъ какъ президентъ внезапно серьезно заболѣлъ.

- Ага! Теперь я начинаю понимать. Поэтому то и Штейнекъ такъ быстро исчезъ. Можетъ быть вы знаете также, уважаемый господинъ, кто такіе были два господина, пріѣхавшіе со Штейнекомъ?

— Да, это—профессора медицины Сіонскаго Университета.

— Я думаю, Кингскуртъ,—сказалъ Фридрихъ,—намъ слѣдуетъ удалиться. Оставимъ здѣсь доктору Веркину наши визитныя карточки и вернемся, когда президентъ будетъ чувствовать себя лучше.

Такъ они и покинули домъ президента, не добившись ничего существеннаго.

Въ городѣ Іерусалимѣ не было еще ничего извѣстно о происшедшемъ. Въ Новомъ Городѣ царило обычное оживленіе. Оба пріятеля, которые уже умѣли ориентироваться среди улицъ, свернули въ сторону отъ бульваровъ и вступили въ обширный паркъ, устроенный по англійскому образцу. При входѣ въ паркъ они увидѣли длинное зданіе съ вывѣской: „Департаментъ народнаго здравія Новаго Общества".

Кингскуртъ громко засмѣялся:

— Посмотрите-ка — вотъ они опять скопировали очень удачную выдумку. Вѣдь это точное подражаніе Германскаго Рейхсгезундгейтсамта. Мнѣ даже не надо въ этомъ удостовѣряться у здѣшнихъ жителей, я и самъ достаточно акклиматизировался въ этой Обновленной странѣ. Все это просто на просто мозаика,—Мозаическая *) мозаика. Хорошій каламбуръ, не правда-ли?

— Хорошъ, какъ всѣ ваши каламбуры, М-ръ Кингскуртъ, но и не лучше.—сказалъ Фридрихъ,—мнѣ однако кажется, что Обновленную страну характеризуетъ не одно подражаніе, если даже вы согласитесь съ тѣмъ, что всѣ учрежденія уже существовали тутъ или тамъ при нашемъ отъѣздѣ изъ культурнаго міра

*) Moses- Моисей; по смыслу—«Моисеева мозаика».
Примѣч. перев.

20 лѣтъ тому назадъ. Да, да, все уже было готово. Силы природы были въ достаточной степени изслѣдованы,—я думаю въ достаточной и для нашего времени. Всѣ техническія средства имѣлись въ распоряженіи. Ни одинъ образованный человѣкъ не удивился-бы въ 1900 году тому, что мы здѣсь видѣли. Даже всѣ соціальныя мѣры, которыя были здѣсь проведены въ жизнь, не могли-бы удивить ни одного цивилизованнаго человѣка того времени. Въ сознаніи лучшихъ, хотя-бы и среднихъ людей того времени и тогда уже прочно укоренилось стремленіе заключить въ извѣстныя границы грубый эгоизмъ, царившій въ обществѣ. Границы эти здѣсь, положимъ, не особенно тягостны, такъ какъ каждый членъ общества получаетъ назадъ то, что пожертвовалъ изъ своей индивидуальности. Но вѣдь и формы товарищескаго производства и потребленія были выработаны уже тогда. И все-же все это старое пересоздалось во что-то новое. Обновленная древняя страна представляетъ собою и должна представлять нѣчто болѣе значительное, чѣмъ соединеніе всѣхъ соціальныхъ и техническихъ усовершенствованій прошедшаго вѣка.

— Почему? По моему и этого было-бы достаточно— прервалъ его Кингскуртъ.

— Какъ юристъ, какъ европеецъ конца 19-го столѣтія я постоянно задаю себѣ вопросъ, какъ въ этомъ обществѣ поддерживается равновѣсіе. Я всюду наблюдаю порядокъ въ свободѣ и все-же не вижу устанавливающаго этотъ порядокъ государственнаго авторитета.

— Да, Фрицъ,— въ томъ-то же и дѣло! Ваша юриспруденція и ваша европейщина дѣлаютъ вамъ мно-

гое непонятнымъ. Можно обойтись и съ очень незначительнымъ государственнымъ авторитетомъ. Если-бы вы, какъ я, пожили въ Америкѣ вы-бы это понимали. Нѣтъ, это меня ничуть не поражаетъ. А знаете, что меня поражаетъ все время? Деревья! Деревья этого парка находятся въ возрастѣ отъ 40 до 50 лѣтъ Какъ они достигли этого, черти?

Онъ такъ громко сказалъ послѣднія слова, что проходившій мимо господинъ услышалъ ихъ, засмѣялся и остановился.

Кингскуртъ, конечно, сейчасъ-же съ нимъ заговорилъ.

– Я вижу, что привелъ васъ въ веселое настроеніе, уважаемый прохожій. Можетъ быть вы можете отвѣтить на мой вопросъ?

— Конечно, сударь!—отвѣтилъ тотъ,—я состою служащимъ въ департаментѣ общественнаго здравія, такъ что достаточно знакомъ съ обстоятельствами. Развѣ вы не знаете, что можно пересаживать и взрослыя растенія? Въ Кельнѣ, напримѣръ, гдѣ я раньше жилъ, былъ народный садъ, въ которомъ сажали и сорокалѣтнія деревья, это, правда, довольно дорого обходится, но на общественное здравіе у насъ затрачиваются большія суммы. Въ паркѣ, существующемъ для народа, ничего не должно считаться слишкомъ дорогимъ. Ренту съ затраченныхъ денегъ получаютъ грядущія поколѣнія. Впрочемъ, мы не повсюду сажали такія старыя и дорогія деревья. Болѣе молодыя растенія мы выписали изъ Австраліи, главнымъ образомъ— быстро—растущіе эвкалипты. Средства были доставлены національнымъ ботаническимъ обществомъ, которое собрало образцы деревьевъ во всѣхъ частяхъ свѣ-

та, когда еврейскій народъ былъ еще разсѣянъ по землѣ. Жертвователи уже тогда заботились о тѣни, подъ которою хотѣли впослѣдствіи сидѣть.

— Благодарствуйте!—сказалъ Кингскуртъ,—теперь мнѣ все ясно. И если вы соблаговолите быть еще любезнѣе, то объясните мнѣ пожалуйста, откуда взялась эта толпа ребятишекъ, которая тамъ разсыпалась по лужайкамъ?

Они какъ разъ въ это время проходили мимо поляны, на которой толпа подростковъ обоего пола играла въ англійскія игры: дѣвочки въ лаунъ-тенисъ, а мальчики въ крокетъ и мячъ.

Служащій охотно принялся объяснять:

— Это учащіеся школъ, расположенныхъ вокругъ парка. Поочередно всѣ классы выводятся на атлетическія игры, которыя мы въ школьномъ возрастѣ считаемъ столь-же необходимыми, какъ и ученіе.

— Но это, кажется, только дѣти состоятельныхъ родителей?—спросилъ Фридрихъ,—всѣ, какъ я вижу, одѣты одинаково изящно и чисто.

— Нѣтъ, сударь,—это дѣти всѣхъ классовъ общества. Въ школахъ не существуетъ различія ни относительно одежды, ни относительно чего-либо другого, за исключеніемъ дарованія и прилежанія. Но это еще не значитъ, что Новое Общество стремится кроить все по одной мѣркѣ. Каждому воздается по заслугамъ. Соревнованія мы не уничтожили. Но условія соревнованія для всѣхъ равны, какъ въ каждомъ состязаніи. Въ началѣ всѣ должны быть равны, но не въ концѣ. Въ прежнія времена случалось, что одно какое-нибудь удачное предпріятіе обезпечивало

за дѣтьми даннаго лица всѣ благодѣянія высшаго воспитанія и освобождало ихъ отъ всякихъ заботъ. Съ другой стороны потомки отвѣчали также не только за грѣхи, но и за неудачи своихъ отцовъ. Обѣднѣвшія семьи увеличивали собою число пролетаріевъ и только титаническая сила, могла вырвать ихъ изъ этого положенія.

У насъ-же дѣти не награждаются и не караются за дѣла отцовъ. Каждое новое поколѣніе должно само пробить себѣ дорогу. Поэтому всѣ обязаны посѣщать общественныя школы, начиная съ начальныхъ училищъ и кончая Сіонскимъ Университетомъ; и въ среднихъ школахъ ученики до самыхъ экзаменовъ на аттестатъ зрѣлости должны носить одинаковую простую одежду.

По нашему, съ моральной стороны не хорошо, если школьниковъ отличаетъ положеніе или доходы родителей. Это портитъ всѣхъ: дѣти болѣе богатыхъ становятся надменными и лѣнивыми, дѣти бѣдняковъ слишкомъ рано озлобляются.... Но простите, что я васъ покидаю, меня призываютъ обязанности.

И онъ съ вѣжливымъ поклономъ удалился. Фридрихъ и Кингскуртъ еще нѣкоторое время съ удовольствіемъ смотрѣли на веселыхъ и бойкихъ дѣтей. Кингскуртъ, который еще съ прежнихъ временъ былъ знакомъ съ крокетомъ, почувствовалъ, что въ немъ пробуждается страсть къ этой игрѣ. Онъ сталъ поощрять дѣтей бодрыми криками. Онъ охотно сталъ-бы играть съ ними. Наконецъ Фридрихъ увелъ его подъ руку.

— Пойдемте посмотримъ, какъ здоровье Фрицхенъ, шутъ вы этакій! Можетъ быть есть извѣстіе о президентѣ Айхенштаммѣ!

Они вернулись въ гостинницу. Фрицхенъ былъ уже почти здоровъ и встрѣтилъ своего друга пѣніемъ, которое Кингскуртъ принялъ за свое собственное, такъ хорошо подражалъ ему мальчикъ въ его „pi—pi—irschen". Вслѣдъ за тѣмъ старикъ вступилъ съ мальчикомъ въ очень интимный и всѣмъ остальнымъ присутствующимъ непонятный разговоръ.

Объ Айхенштаммѣ приходили однако очень дурныя извѣстія. Штейнекъ послалъ Давиду коротенькую записочку:—„безнадежно".

А когда наступилъ вечеръ, профессоръ вернулся. По выраженію его лица пріятели догадались, о случившемся.

— Онъ доблестно умеръ! — сказалъ профессоръ Штейнекъ,—я находился при немъ до послѣдней минуты. Онъ говорилъ о смерти. говорилъ, что она безболѣзнена, если человѣкъ уже заранѣе къ ней приготовился. „Я чувствую,—говорилъ онъ,—какъ мое сознаніе постепенно темнѣетъ. Я слышу еще свой голосъ, но все слабѣе и слабѣе. Быть можетъ, я еще буду смутно думать, когда ужъ не смогу говорить. Я ужъ попрощался съ самимъ собою; какъ жаль, что я не могу проститься и со всѣми тѣми, которые были мнѣ дороги въ жизни". Послѣ этихъ словъ онъ долго хранилъ молчаніе, взоръ его былъ устремленъ вдаль; затѣмъ онъ снова заговорилъ, глядя на меня:

„Я имѣлъ друзей, многихъ друзей,— гдѣ-же они? Друзья—это богатство жизни. Много у меня было ихъ, много... Гдѣ-же они?...." Смерть приближалась. Онъ продолжалъ еще бормотать, и мнѣ казалось, что его отуманенный взоръ говорилъ:—Вотъ видишь: те-

перь я могу еще думать, но не могу говорить. И въ послѣднюю минуту онъ нашелъ еще силы, чтобы сказать совершенно отчетливо еще одну фразу, послѣднюю,— которую мы такъ часто отъ него слышали:

„Пусть чужестранецъ чувствуетъ себя у насъ хорошо....“ Послѣ этихъ словъ взоръ его потускнѣлъ. Я закрылъ его очи....

Такъ умеръ Айхенштаммъ, президентъ Новаго Общества.

Глава V.

Черезъ 8 дней послѣ торжественныхъ похоронъ Айхенштамма былъ созванъ конгрессъ Новаго Общества для выбора президента.

Делегаты, около 400 человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, прибыли еще наканунѣ. Во многихъ клубахъ и гостинницахъ происходили горячіе совѣщанія. Насколько дѣло выяснилось въ вечеръ, предшествовавшій выборамъ, главными кандидатами являлись д-ръ Маркусъ, президентъ академіи, и Іосифъ Леви, главный директоръ Новаго Общества.

Шансы обоихъ были почти равны. Такъ какъ часть голосовъ могли раздѣлить между собою другіе, менѣе опасные претенденты, то слѣдовало ожидать, что послѣ предварительной баллотировки никто не получитъ абсолютнаго большинства и что дѣло дойдетъ до вторичной баллотировки между Маркусомъ и Леви. Впрочемъ Іосифъ Леви еще не вернулся со своей поѣздки въ Европу. Его ожидали со дня на день. Были люди, утверждавшіе, что онъ откажется отъ президентскаго

кресла. Другіе говорили, что слухи эти распространяютъ только приверженцы доктора Маркуса. Словомъ—на сцену вышли всѣ тѣ интриги, которыя можно наблюдать при выборахъ на всемъ земномъ шарѣ. Происки главарей партій, шумъ, споры, болтовня и серьезные дебаты. Кингскурта все это очень развлекало.

Но въ утро главнаго дня выборовъ Давидъ Литтвакъ съ удрученнымъ выраженіемъ лица вошелъ въ комнату Фридриха.

— Вамъ прійдется безъ меня пойти на конгрессъ, господа. Я получилъ телеграмму, которая меня немедленно вызываетъ въ Тиверію. Моя мать...—взоръ его потемнѣлъ и голосъ дрогнулъ,—состояніе здоровія моей матери ухудшилось. Я сейчасъ-же уѣзжаю съ Міріамъ въ Тиверію, жена съ Фрицхенъ пріѣдутъ потомъ.

— Не поѣхать-ли намъ съ вами, дорогой Литтвакъ? — участливо спросилъ Фридрихъ.

— Ахъ, вы вѣдь не можете намъ помочь! Я боюсь, что здѣсь уже никто не сможетъ помочь... Оставайтесь спокойно на конгрессѣ,—онъ будетъ все таки представлять для васъ интересъ. Что же касается меня, то теперь мнѣ все безразлично. Пусть себѣ выбираютъ, кого хотятъ.

Кингскуртъ сказалъ:—мы потомъ проводимъ вашу жену съ Фрицхенъ въ Тиверію.

— Спасибо!—отвѣтилъ Давидъ, у меня только одна просьба къ вамъ, чтобы вы никому не говорили о моемъ отъѣздѣ. Бываютъ въ жизни минуты, когда и друзья становятся въ тягость. Меня осаждали бы сострадающіе товарищи. А я хочу, остаться наединѣ съ самимъ собою... Будьте здоровы!

— Желаю вашей матери скораго выздоровленія!,— сказалъ Фридрихъ.

Давидъ грустно пожалъ плечами.

— Я знаю, въ чемъ будетъ состоять выздоровленіе! До свиданія господа!

Послѣ отъѣзда Давида и Миріамъ друзья отправились къ дому конгрессовъ. Флаги изъ синихъ и бѣлыхъ полосъ, покрытые крепомъ въ виду смерти Айхенштамма, развѣвались на зданіи, и громадная толпа народа кольцомъ окружала его. Помѣщеніе, въ которомъ должны были происходить выборы, представляло собой высокій и широкій мраморный залъ: свѣтъ въ него падалъ сверху черезъ потолокъ изъ матоваго стекла. Скамьи еще не были заняты потому, что делегаты до открытія засѣданія находились въ смежныхъ комнатахъ, гостинныхъ и коррндорахъ. Отъ времени до времени на хорахъ сообщалось о томъ, что внизу большое волненіе.

На хорахъ была уже густая толпа. Въ ложахъ преобладали дамскіе туалеты, впрочемъ, по большей части, изъ темныхъ матерій потому, что еще не кончился трауръ по Айхенштамму. Только рядомъ съ Кингскуртомъ и Фридрихомъ сидѣло въ ложѣ нѣсколько дамъ въ свѣтлыхъ платьяхъ и кричащихъ пестрыхъ шляпахъ. Это были—г-жи Вейнбергеръ, мать и дочь, старая и молодая Ляшнеръ, супруги Шлезингеръ съ дочерью, докторъ Вальтеръ и Шиффманъ. Тутъ-же примостились юмористы — Грюнъ и Блау. Фридриху очень хотѣлось подняться и перейти въ другую ложу, но нигдѣ не было больше мѣста. Къ тому-же Кингскуртъ не хотѣлъ отказаться отъ сосѣдства, которое

его очень забавляло. Они слышали все, что говорилось въ этой ложѣ. Впереди, у самаго барьера помѣстились дамы и г. Шлезингеръ, уполномоченный бароновъ фонъ-Гольдштейнъ.

— Я слышалъ, что Маркусъ провалится,—сказалъ г. Шиффманъ.

— Откуда вы это знаете?—спросилъ уполномоченный бароновъ Гольдштейнъ. Впрочемъ, мнѣ это, между нами говоря, совершенно безразлично.

Шиффманъ таинственно улыбнулся.

— У меня есть свои данныя. Все нужно знать, ничѣмъ не нужно пользоваться.

Блау завистливымъ тономъ замѣтилъ.

—Шиффманъ и на биржѣ играетъ этой способностью!

—Хотѣлось-бы мнѣ знать, какъ отразится выборъ президента на дѣлахъ биржи!,—освѣдомился докторъ Вальтеръ.

— Очень просто!—отвѣтилъ Шиффманъ,—Леви человѣкъ предпріимчивый, значитъ при немъ дѣла пойдутъ лучше; поэтому акціи повысятся. Маркусъ,—напротивъ, скорѣе созерцательная натура, значитъ дѣла ухудшатся и акціи упадутъ.

— Великолѣпно!—сказалъ язвительно Блау,—если бы у меня хоть двадцать четыре часа было такъ мало ума какъ у васъ, Шиффманъ, я прекрасно устроилъ бы свою жизнь!

Шиффманъ отразилъ нападеніе.

— Лучше, что у васъ больше, чѣмъ у меня; иначе вы не могли-бы быть шутомъ на свадьбахъ!

— Скажите, кто такіе тѣ люди, которые сидятъ рядомъ съ художникомъ Изаксомъ,—спросила Фрид-

риха Эрнестина Вейнбергеръ черезъ перегородку ложи.—Я видѣла, какъ вы имъ раньше поклонились.

— Это лордъ и лэди Сетбёрри.

Г-жа Ляшнеръ вмѣшалась въ разговоръ.

— Сразу видно, что она по меньшей мѣрѣ лэди. Честное слово! Шляпа у нея навѣрное парижская.

Докторъ Вальтеръ торжественно заявилъ.

— Присутствіе такихъ особъ всё-же доказываетъ, что наше учрежденіе вызываетъ интересъ въ высшихъ сферахъ!

Фридрихъ, наклонившись къ Кингскурту, сказалъ ему на ухо:

— Когда я слышу разговоры этихъ господъ, у меня является желаніе возвратиться на пустынный островъ.

— Хохохо! Шагъ назадъ!.... Я значитъ, все таки пошелъ дальше васъ. Я знаю, что въ каждомъ порядочномъ звѣринцѣ, должна быть клѣтка съ обезьянами.

Въ это время внизу въ залѣ началось движеніе. Делегаты занимали свои мѣста. На ступеняхъ между скамьями, возвышающимися полукругомъ, стали собираться отдѣльныя группы. Съ правой стороны среди дамскихъ делегатовъ, друзья увидѣли мистриссъ Готландъ. Она, казалась, обратилась къ своимъ слушательницамъ съ короткой агитаціонной рѣчью. Было извѣстно, что мистриссъ Готландъ принадлежитъ къ партіи Маркуса, архитекторъ Штейнекъ горячо ратовалъ за Іое Леви; объ этомъ можно было легко догадаться; стоило только посмотрѣть, какъ онъ жестикулировалъ у ступеней ораторской трибуны и услышать среди постоянно увеличивающагося гула голосовъ его рѣзкій голосъ:—Іое, Іое!

Решидъ—Бей подошелъ къ Кингскурту и къ Фридриху, чтобы сообщить имъ послѣднія новости изъ коридоровъ зданія конгресса.

Избраніе Іосифа Леви уже почти не подлежало сомнѣнію; это выяснилось въ предварительной баллотировкѣ. Онъ говорилъ, что Леви очень популяренъ въ своей странѣ, которая обязана его энергіи своимъ процвѣтаніемъ, и что на это ссылается большинство делегатовъ. Маркусъ, же извѣстенъ только образованному обществу. Къ тому-же Іосифъ Леви сегодня утромъ вернулся изъ поѣздки и, очевидно явится на конгрессъ.

— Когда онъ прійдетъ, вы должны мнѣ его немедленно показать, дорогой мой паша!—сказалъ Кингскуртъ.

— Онъ, кажется, довольно ловкій малый. Любопытно мнѣ будетъ посмотрѣть, съ какимъ видомъ онъ появится въ рядахъ своего войска.

Между тѣмъ „въ клѣткѣ съ обезьянами", какъ пошутилъ Кингскуртъ, безпрестанно сыпались остроты.

Чѣмъ величественнѣе становился видъ собранія, тѣмъ хуже становилось настроеніе каждаго обитателя клѣтки въ отдѣльности, какъ будто-бы это собраніе свободныхъ и исполненныхъ самосознанія людей служило для нихъ личнымъ оскорбленіемъ.

Г. Шлезингеръ, уполномоченный бароновъ фонъ-Гольдштейнъ, объявилъ:

— Ну-съ, теперь наконецъ ясно, къ чему все это сводится. Одинъ хотѣлъ занять одно мѣсто, другой—другое. Этого они достигли теперь. Вотъ вамъ рѣшеніе еврейскаго вопроса!

Докторъ Вальтеръ уже давно жадно смотрѣлъ внизъ на залу, въ которой для него не оказалось къ сожалѣнію мѣста, и возразилъ теперъ Шлезингеру, къ которому, впрочемъ, относился съ полнымъ уваженіемъ.

— Простите, уважаемый г. Шлезингеръ, если я позволю себѣ сдѣлать вамъ маленькое возраженіе. Въ стремленіи занять мѣсто депутата среди равноправныхъ членовъ общества я не вижу, собственно говоря, ничего дурного. Въ частномъ случаѣ это можетъ быть и бываетъ безтактно, съ этимъ я согласенъ. И я понимаю, что такой человѣкъ, какъ вы, 30-лѣтняя дѣятельность котораго протекла въ домѣ Гольдштейнъ. имѣетъ право предъявлять къ людямъ строгія требованія. Но въ концѣ концовъ почему-бы не стараться занять какую-нибудь должность въ Новомъ Обществѣ?

— Къ тому же доходную, — окончилъ острякъ Блау, и когда услышалъ смѣхъ одобрѣнія изъ устъ Шлезингера, то прибавилъ: — но я думаю, что вамъ слѣдовало немного раньше подняться съ мѣста, д-ръ Вальтеръ, если и вы стремились получить таковую.

Докторъ Вальтеръ побагровѣлъ отъ злобы и прошипѣлъ!—мнѣ кажется, г. Блау, что уже давно чужая рука не прогуливалась по вашей физіономіи!

Но Шиффманъ положилъ конецъ этому обмѣну любезностей, выразивъ въ тоскливыхъ выраженіяхъ общее настроеніе:—мнѣ кажется, господа, что мы всѣ прозѣвали переѣздъ сюда; опять мы собрались всѣ вмѣстѣ и сквозь рѣшетку смотримъ на свободныхъ людей. Со мной такъ всегда бывало; еще съ молодости. Когда-бы я не пошелъ,—всюду встрѣчалъ я Шлезингера и Ляшнера, Грюна и Блау. Просто несчастье...

Раздался звонокъ, возвѣщавшій появленіе предсѣдателя конгресса. На галлереяхъ сразу все стихло, замолчали и „обезьяны въ клѣткѣ".

Делегаты изъ всѣхъ корридоровъ устремились въ залъ.

— Вотъ этотъ человѣкъ—Іое Леви,—сказалъ Рашидъ—Бей, и указалъ внизъ;—вонъ тотъ съ густыми сѣрыми усами и съ лысиной. Готъ, который подаетъ теперь руку архитектору Штейнеку.

Они увидѣли его. Это былъ худощавый человѣкъ средняго роста съ загорѣлымъ лицомъ и очень быстрыми энергичными движеніями.

Онъ обмѣнялся рукопожатіями со многими делегатами, которые окружили его со всѣхъ сторонъ, чтобы поздравить съ пріѣздомъ; стоявшимъ поодаль онъ привѣтливо кланялся и дѣлалъ руками привѣтственные жесты. Держался онъ не торжественно, а очень непринужденно и просто.

Раздался второй, болѣе продолжительный звонокъ, и всѣ заняли свои мѣста. За стоявшимъ на возвышеніи президентскимъ кресломъ распахнулись обѣ половинки позолоченныхъ дверей, и появился предсѣдатель, окруженный всѣмъ комитетомъ.

Прежде всего онъ произнесъ прочувствованную рѣчь въ память усопшаго президента Новаго Общества, которая была прослушана делегатами, стоя.

Затѣмъ онъ заявилъ:

— Мы собрались здѣсь, чтобы избрать новаго президента.

Тутъ къ всеобщему удивленію раздался голосъ Іосифа Леви, который занималъ мѣсто въ серединѣ, третьяго ряда.

— Я прошу слова.

Предсѣдатель сказалъ:

— Слово за г. Іосифомъ Леви.

Легкій говоръ пробѣжалъ по залѣ, между тѣмъ какъ Іосифъ Леви быстрыми шагами подходилъ къ трибунѣ:—Что ему пришло въ голову!—вотъ, наконецъ, онъ на трибунѣ:—Высокочтимые члены конгресса! Мнѣ приходится сдѣлать краткое разъясненіе. Въ мое отсутствіе мои друзья были такъ любезны и выставили за меня кандидатуру. Но они не спросили меня предварительно, желаю-ли я этого.

Тихія восклицанія въ партіи Маркуса!—Вниманіе, вниманіе!

Архитекторъ Штейнекъ прокричалъ:

— Дайте договорить.

Іое Леви повторилъ:

— Мнѣ нужно сдѣлать только краткое разъясненіе. Для меня это конечно большая честь! Но я не могу отнимать у конгресса драгоцѣнное время. По установленному порядку избранія президента, каждый делегатъ долженъ подходить по вызову къ трибунѣ и класть на нее листокъ съ фамиліей. Этотъ церемоніальный маршъ продолжается четыре часа. Затѣмъ начинается подведеніе итога. Это длится два часа. Потомъ еще дѣло дойдетъ, можетъ быть, до новой баллотировки. Такой потери времени я не могу взять на свою совѣсть. А времени мнѣ жаль потому, что я твердо рѣшился отказаться отъ должности президента, если буду избранъ!

Теперь его сторонники снова подняли шумъ:—Почему? Какія причины?

— Почтенное собраніе, причины очень несложны. Я чувствую въ себѣ еще достаточно силъ для своей дѣятельности и, если вы только мною довольны, то позвольте мнѣ продолжать эту дѣятельность. Выбрать меня,—это значитъ уволить меня съ пенсіей. Несмотря на мои сѣдины, я считаю себя еще слишкомъ молодымъ для отставки. Впрочемъ докторъ Маркусъ вамъ изложитъ мой образъ мыслей. Дѣло въ томъ, что тотчасъ-же послѣ пріѣзда я отправился къ нему, такъ какъ слышалъ будто онъ мой конкурентъ. Мы другъ друга поняли. Надо замѣтить, что мы другъ съ другомъ совсѣмъ не такъ расходимся, какъ друзья каждаго изъ насъ (смѣхъ)... Докторъ Маркусъ изложитъ вамъ мои и свои собственные взгляды лучше, чѣмъ я. Во всякомъ случаѣ я останусь при своемъ рѣшеніи. Дорогіе друзья, благодарю васъ за честь. Уважаемые члены собранія, не выбирайте меня!

Общее волненіе поднялось въ залѣ. Со всѣхъ сторонъ раздались крики недовольства, изумленія и разочарованія.

Леви, сошедшій съ трибуны, былъ окруженъ своими приверженцами и засыпанъ вопросами. Онъ посмѣивался и пожималъ плечами.

— Этотъ человѣкъ мнѣ нравится,—говорилъ наверху Кингскуртъ,—онъ положимъ не умѣетъ говорить, но сразу въ немъ видно честнаго малаго.

Иначе комментировался этотъ инцидентъ въ „клѣткѣ съ обезьянами".

— Зеленъ виноградъ, очевидно!—замѣтилъ Блау.

— Его нація—резигнація!—сострилъ Грюнъ.

А Шиффманъ сказалъ:

— Ну-съ господинъ Шлезингеръ? Вотъ вамъ на лицо человѣкъ, который не рвется къ должностямъ. Что вы на это скажете?

— Какъ это,—что я скажу? Развѣ я знаю, какой доходъ приноситъ то мѣсто, которое онъ теперь занимаетъ. Должно быть у него есть свои разсчеты. Не даромъ же онъ считается практичнымъ человѣкомъ. Кто знаетъ, какое онъ условіе заключилъ съ докторомъ Маркусомъ? Не мѣшало бы справиться.

Фридрихъ слышалъ эту фразу и былъ глубоко возмущенъ, несмотря на то, что только одинъ разъ видѣлся съ докторомъ Маркусомъ, а Іое Леви видѣлъ сегодня въ первый разъ. Онъ хотѣлъ только одного чтобы до слуха Кингскурта или Решидъ—Бея не дошли эти гнусныя слова. Онъ стыдился „клѣтки съ обезьянами". Къ счастью, оба они были поглощены тѣмъ, что происходило въ залѣ.

Предсѣдатель громко позвонилъ, призывая собраніе къ порядку и приглашая выслушать президента академіи—Маркуса, который просилъ теперь слова.

Докторъ Маркусъ не безъ труда взошелъ по нѣсколькимъ ступенькамъ къ трибунѣ и ждалъ, пока въ залѣ не наступитъ абсолютная тишина; иначе не былъ бы слышенъ его слабый голосъ.

Наконецъ все стихло и онъ заговорилъ:

— Почтенное собраніе! Мой другъ Леви кратко и ясно совѣтовалъ не тратить времени по пустому. Я думаю, что мы только тогда сможемъ использовать драгоцѣнное для „Новаго Общества" время, если, прежде всего будемъ понимать другъ друга. Сначала надо понять, а потомъ уже принять, рѣшеніе.

Мы собрались здѣсь не для того, чтобы избрать главу государства потому, что мы не составляемъ государства.

Мы составляемъ общество,—быть можетъ, новое по своимъ формамъ; но цѣли его стары, такъ стары, что встрѣчаются даже еще въ первой Книгѣ Царей. Тамъ сказано:

„И сидѣли Іуда и Израиль спокойно, каждый подъ виноградникомъ своимъ и подъ смоковницей своею, отъ Дана до Вирсавіи".

Мы представляемъ изъ себя простую общину, большую, общину, которая въ свою очередь подраздѣляется на множество болѣе мелкихъ общинъ. И конгрессъ, на которомъ мы присутствуемъ,—есть ничто иное, какъ общее собраніе членовъ той кооперації, которая называется „Новымъ Обществомъ". Тѣмъ не менѣе всѣ мы чувствуемъ, что дѣло здѣсь идетъ о чемъ то болѣе важномъ, чѣмъ чисто матеріальные интересы торговаго и экономическаго общества. Мы разбиваемъ парки, устраиваемъ школы, мы заботимся объ общеполезныхъ вещахъ, а также о наукахъ и искусствахъ. Все это мы считаемъ преимуществомъ кооперації. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы понимаемъ, что каждому обществу необходимъ идеалъ; идеалъ возвышаетъ насъ. Это откровеніе принадлежитъ не намъ, оно старо, какъ свѣтъ. Идеалъ необходимъ для общества, такъ же какъ вода и хлѣбъ необходимы для каждаго единичнаго человѣка. И сіонизмъ, который привелъ насъ сюда и которому суждено повести насъ еще дальше въ неизвѣданныя области этики, есть ничто иное, какъ безконечный, безграничный идеалъ!

Не думайте, господа, что я уклонился въ сторону. Нѣтъ, друзья мои, все это относится къ настоящему событію, къ нашимъ выборамъ. Тотъ, котораго мы должны поставить во главѣ нашего общества, долженъ быть только блюстителемъ идеала. Матеріальные дѣла его не касаются; одни лишь идеалы! При этомъ онъ долженъ быть человѣкомъ уравновѣшеннымъ, справедливымъ и скромнымъ, не подающимся вліянію минутной экзальтаціи. Выбирается у насъ президентъ на семь лѣтъ. Мой другъ Леви уклонился отъ этого высокаго сана, такъ какъ разсчитываетъ за эти семь лѣтъ принести намъ большую пользу своей работой. Я съ своей стороны тоже снимаю кандидатуру, такъ какъ слишкомъ старъ. Я не думаю, что проживу еще семь лѣтъ. А слишкомъ частые выборы ведутъ къ нежелательнымъ результатамъ. Они обостряютъ вопросы честолюбія, порождаютъ дрязги и ссоры на личной почвѣ. И такъ— не выбирайте меня, я слишкомъ старъ. Нѣтъ у меня уже подвижности тѣла, можетъ быть,—и духа. Быть можетъ, я уже не въ состояніи понять идеалы болѣе молодыхъ людей. Вѣдь идеалъ постоянно возрождается и выливается подчасъ въ формы, непонятныя уже нашему брату.

Но Леви и я, мы не хотимъ сказать вамъ только „нѣтъ"!... Мы намѣрены сдѣлать вамъ еще одно предложеніе. Идея его принадлежитъ Леви, человѣку знающему толкъ въ людяхъ. Уже это одно достаточно говоритъ въ пользу этого предложенія. Мнѣ съ своей стороны оставалось только отъ всей души привѣтствовать мысль моего друга.

Человѣкъ, котораго мы хотимъ предложить вамъ въ президенты, еще молодъ, моложе Леви и гораздо моложе меня. Онъ—одинъ изъ тѣхъ новыхъ людей, которые сдѣлали эту страну снова цвѣтущей и прекрасной. Онъ рядомъ со своимъ отцомъ ходилъ за плугомъ, но онъ-же сидѣлъ и за книгами. Онъ обладаетъ здравымъ разсудкомъ въ общественной жизни, хотя старается никогда не выдѣляться. Я не вижу его теперь въ залѣ. Но если онъ здѣсь, то во всякомъ случаѣ онъ меньше всѣхъ предполагаетъ, что мои слова относятся къ нему. До того безискусственна его скромность. Онъ проявилъ большія способности и въ своей частной жизни. Онъ родился въ нищетѣ и всѣмъ обязанъ своему личному труду. И это послѣднее придаетъ ему особенную цѣнность въ нашихъ глазахъ. Если мы выберемъ его, то мы этимъ самымъ не только отдадимъ должное его уму и его энергіи; мы поддержимъ всю молодежъ въ ея благородныхъ стремленіяхъ, мы совершимъ дѣло, имѣющее неизмѣримое значеніе для будущности „Новаго Общества“. Каждый сынъ Венеціи могъ надѣяться стать дожемъ. Пусть-же каждый членъ „Новаго Общества“ имѣетъ право занять въ немъ высшее положеніе!

Громкими апплодисментами были покрыты эти слова. Многіе кричали:—Имя! Назовите его имя!

Докторъ Маркусъ поднялъ руку, выражая этимъ желаніе прибавить еще нѣсковько словъ. Сразу все смолкло и онъ продолжалъ:

— Я не хочу назвать имени кандидата съ трибуны, такъ какъ у насъ по традиціи нельзя превращать из-

бирательнаго конгресса въ избирательное совѣщаніе. Я прошу господина предсѣдателя прервать засѣданіе.

Такъ и было сдѣлано. Въ сильномъ волненіи делегаты покинули свои мѣста. Они окружили Маркуса и Леви со всѣхъ сторонъ. Послѣдніе назвали осаждавшимъ ихъ лицамъ имя кандидата. Стоявшіе вблизи передавали это имя болѣе отдаленнымъ; все громче и громче повторялось оно въ залѣ и наконецъ прилетѣло и на хоры. Это было имя—Давида Литтвака.

— Ура! Побѣда!—восторженно закричалъ Кингскуртъ. Фридрихъ ему горячо пожалъ руку.—А вѣдь онъ сидитъ теперь у смертнаго одра своей матери. Не телеграфировать-ли ему?

— Нѣтъ, нѣтъ, дорогой мой. Я придумалъ нѣчто остроумнѣй.—Бѣдняга теперь и безъ того переживаетъ сильныя волненія. Къ чему его тревожить еще выборами. Къ тому-же, можетъ быть, онъ и не будетъ избранъ. Лучше, поѣдемъ со слѣдующимъ поѣздомъ въ Тиверію. Когда окончатся выборы, мы уже будемъ тамъ. Тогда мы сможемъ зайти въ его домъ и спросить: „Здѣсь живетъ президентъ „Новаго Общества“ г. Литтвакъ?“

Решидъ Бей былъ посвященъ въ этотъ планъ. Онъ долженъ былъ немедленно телеграфировать въ Тиверію. Но мѣсто пребыванія Давида онъ долженъ былъ держать въ секретѣ до конца выборовъ.

Въ „клѣткѣ съ обезьянами“ кандидатура Давида была встрѣчена со смѣшанными чувствами:

Грюнъ и Блау дѣлали отчаянныя попытки сострить.

Грюнъ сказалъ:—Кто рискуетъ,—*) тому везетъ.

Блау объявилъ:—Когда я въ слѣдующій разъ появлюсь на свѣтъ Божій, то тоже постараюсь быть сыномъ разносчика.

Господинъ Шлезингеръ, уполномоченный барономъ Гольдштейнъ, злобно сказалъ:

— Ну скажите на милость, можно ли вступать въ такое общество? И это еще называется „Новымъ Обществомъ!"

— А знаете ли, кто мы такіе?—внезапно воскликнулъ Шиффманъ, въ которомъ заговорило чувство раскаянія,—мы—„изящное общество".

Глава VI.

Когда Кингскуртъ и Фридрихъ пріѣхали въ гостинницу, чтобы сопровождать въ Тиверію Сарру и Фрицхенъ, то оказалось, что тѣ уже уѣхали. Сарра уже со слѣдующимъ поѣздомъ поспѣшила за супругомъ. Но уже вскорѣ послѣ этого снова долженъ былъ отойти „скорый" поѣздъ въ Тиверію. Имъ и воспользовались наши друзья. Сидя въ вагонѣ электрическаго трамвая, они глядѣли на быстро смѣнявшіеся предъ глазами пейзажи и дѣлились впечатлѣніями относительно учрежденій обновленной страны.

Кингскуртъ былъ ошеломленъ, когда Фридрихъ, въ разгарѣ бесѣды, вдругъ сказалъ:—Хотѣлось-бы мнѣ поѣхать въ Европу.

---

*) «Wer littwakt, der gewinnt». непередаваемая игра словъ: wagen- рисковать; на нѣмецкомъ языкѣ есть поговорка: wer wagt,—der gewinnt. Примѣч. перев.

— Какъ? флюгеръ вы этакой! Вамъ уже надоѣла страна вашихъ библейскихъ предковъ?

— Нѣтъ, мой милый, добрый Кингскуртъ. Я слишкомъ радъ, что вы хотите здѣсь остаться и что я смогу еще сдѣлать по крайней мѣрѣ попытку стать полезнымъ членомъ „Новаго Общества". Можетъ быть, я еще смогу приложить къ чему-нибудь мои юридическія познанія? Можетъ быть, я найду себѣ работу по душѣ въ какой нибудь административной области. Но все-же мнѣ хотѣлось-бы на короткое время поѣхать въ Европу, посмотрѣть, какъ тамъ за это время сложились обстоятельства. Я не могу себѣ представить, чтобы за 20 лѣтъ нашего отсутствія тамъ также не произошли громадныя перемѣны. Если я подумаю, что здѣсь мы, собственно говоря, видѣли въ новой формѣ уже и тогда существовавшій матеріалъ, то я начинаю думать, что и тамъ существуетъ нѣчто похожее на здѣшнія учрежденія. На эту мысль навели меня слова академика Маркуса. Онъ говорилъ: „Мы—не государство, мы—большая община:...".

— Община съ безконечнымъ идеаломъ,—хитро улыбнулся Кингскуртъ.

— И вотъ я спрашиваю себя,—продолжалъ Фридрихъ,—не даетъ-ли намъ это отвѣта на нѣкоторые вопросы прошлаго времени. Много говорили тогда о будущихъ государственныхъ формахъ, одни—мечтали, другіе—иронизировали, третьи—безотрадно смотрѣли впередъ. Представлять себѣ положеніе человѣчества въ будущемъ,—казалось умори тельнымъ для, такъ называемыхъ, практическихъ людей. Эти послѣдніе забыва-

ли, что мы постоянно живемъ въ будущемъ потому, что сегодняшній день—будущее для вчерашняго.

Возможный въ будущемъ государственный строй люди представляли себѣ только на призрачныхъ развалинахъ существовавшихъ до тѣхъ поръ учрежденій, т. е. послѣ свѣтопредставленія, въ которое дѣйствительно могъ вѣрить только трусъ. Сначала—хаосъ, а затѣмъ нѣчто такое, относительно чего слѣдовало еще сильно сомнѣваться, лучше-ли оно будетъ, чѣмъ существовавшее прежде. Но тотъ-же Маркусъ произнесъ недавно слово, которое меня теперь преслѣдуетъ: онъ говорилъ о причиной связи всѣхъ событій. Старое не можетъ сразу исчезнуть, что-бы дать мѣсто новому. Не всегда дѣти рождаются послѣ смерти отцовъ. По жизненному закону родители еще нѣкоторое время живутъ вмѣстѣ съ дѣтьми и старое общество не погибаетъ еще отъ того, что появляется новое. Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь видѣлъ, что изъ стараго матеріала создали новый порядокъ вещей, я не вѣрю ни въ совершенное разрушеніе, ни въ совершенное обновленіе учрежденій. Я вѣрю, какъ-бы лучше выразиться, въ постепенное перессозданіе общественнаго строя; я вѣрю также, что это пересозданіе никогда не происходитъ планомѣрно, а только случайно. Потребность—это и есть зодчій. Перемѣнить полъ, лѣстницу, стѣну, кровлю, водопроводъ, освѣщеніе, рѣшаются только тогда, когда нужда подталкиваетъ на это, или когда какое нибудь изобрѣтеніе одерживаетъ побѣду надъ старымъ устройствомъ. Но въ общемъ домъ остается прежнимъ домомъ. Мнѣ кажется, что государства, которыя мы нѣкогда видѣли,

сохранились, но въ нихъ самихъ произошли крупныя перемѣны. Это и тянетъ меня въ Европу. Когда мы прощались тогда съ культурнымъ міромъ, повсюду уже проглядывали новыя жизненныя формы. Я понимаю юбилей Стоктона—Дарингтона. Съ этого все началось. Съ нимъ вмѣстѣ мы отпразднуемъ начало новаго времени, но какъ долго существовало оно рядомъ со старымъ, проникая его и проникаясь имъ въ свою очередь, а умные практичные люди этого совсѣмъ не замѣчали. Границы еще продолжали существовать, а люди и товары уже объѣзжали землю. Но чего только не досигли люди съ помощью машинъ, съ помощью желѣзныхъ дорогъ! Новыя условія сообщенія, новыя экономическія условія. Союзы слабыхъ и предпринимательскія товарищества сильныхъ міра сего—обѣ эти формы были намъ извѣстны уже тогда. Такъ развѣ рабочіе союзы, не могли заключить между собою товарищества если это могли сдѣлать отдѣльные фабриканты?....

Уже и раньше случалось, что разсудительные предприниматели добровольно брали на себя попеченіе о своихъ рабочихъ и о ихъ семьяхъ. При каждой большой фабрикѣ существовали попечительства о благосостояніи рабочихъ, и чѣмъ значительнѣе было предпріятіе, тѣмъ шире были поставлены эти попечительства. Союзы фабрикантовъ могли по своему желанію облегчить положеніе рабочихъ, такъ какъ располагали бо́льшими средствами, чѣмъ каждый фабрикантъ въ отдѣльности и потому, что были лучше организованы. Это я знаю изъ вашихъ собственныхъ разсказовъ, мистеръ Кингскуртъ. Вѣдь вы же мнѣ разсказывали объ американскихъ трестахъ?

— Совершенно вѣрно. Такъ что-же вы этимъ хотите сказать?

— По естественному ходу событій должно было случиться, что производительные союзы на артельныхъ началахъ противостали отдѣльнымъ предпринимателямъ. Недостатокъ оборотнаго капитала былъ сначала слабой стороной этихъ артелей, но возможность организовать потребленіе, было ихъ сильной стороной.

И эти артели должны были распространяться все болѣе и болѣе вмѣстѣ съ распространеніемъ образованія. Я наконецъ думаю, что крупные трёсты должны были имѣть благотворное вліяніе потому, что открывали путь къ организаціи труда. Рабочія кооперації могли слиться въ одно цѣлое по ихъ примѣру. „Новое Общество“, которое мы только-что видѣли предъ собою, по моему есть ничто иное, какъ товарищество отдѣльныхъ кооперацій. Большое товарищество, которое само завѣдуетъ всѣми своими дѣлами, заботится объ общественномъ благосостояніи и сохраняетъ, какъ необходимую принадлежность, идеалъ. Интересно было-бы посмотрѣть, существуютъ-ли уже такіе союзы въ Европѣ.

— Вы можетъ быть хотите этимъ сказать, что „Новое Общество“ возможно и въ другой странѣ?

— Вотъ именно. Это „Новое Общество“ могло-бы существовать повсюду, въ каждой странѣ: наконецъ, въ каждой странѣ могло-бы существовать даже нѣсколько такихъ товариществъ. Переходъ къ этой экономической формѣ вполнѣ естественъ, разъ существуютъ рабочія кооперації и предпринимательскіе союзы. Но въ то-же время совсѣмъ не должны пасть старыя

государственныя формы, напротивъ, онѣ должны существовать и защищать развитіе „Новаго Общества“, которое ихъ укрѣпляетъ и поддерживаетъ. Вотъ въ чемъ заключается сосуществованіе явленій. Въ это я вѣрю....

Въ это время они подъѣхали къ Тиверіи.

Они прямо съ вокзала поспѣшили въ виллу стараго Литтвака. Лакей, открывшій имъ дверь, отвѣтилъ грустнымъ покачиваніемъ головы на вопросы о состояніи матери Давида. Въ то-же время онъ передалъ Кингскурту срочную телеграмму, которая только-что прибыла.

Кингскуртъ вскрылъ ее, многозначительно взглянувъ на Фридриха.

„Давидъ Литтвакъ избранъ большинствомъ 363 изъ 395 поданныхъ голосовъ президентомъ Новаго Общества. Решидъ Бей“.

Они поднялись по лѣстницѣ и вошли въ гостиную, къ которой прилегала—комната больной. Тамъ сидѣли старый Литвакъ и Сарра. Дверь въ сосѣднюю комнату была открыта, такъ что они могли видѣть все происходившее въ ней. Мать Давида лежала въ постели. Лицо страдалицы было блѣдно, какъ подушки, на которыхъ она лежала. Но все-же она еще была жива. Ея нѣжные глаза, полные выраженія безконечной любви, были устремлены на дѣтей, стоявшихъ у подножья постели и тихо бесѣдовавшихъ съ ней. Врачъ сидѣлъ тутъ-же и внимательно слѣдилъ за больной.

Кингскуртъ, подалъ молча только что полученную телеграмму старому Литтваку. Тотъ безучастно взялъ

ее въ руки, взглянулъ.... и отпрянулъ назадъ. Затѣмъ онъ протеръ глаза кулаками и сталъ снова читать. Наконецъ протянулъ бумагу своей невѣсткѣ и голосъ его дрогнулъ:

— Сарра, прочти-ка мнѣ это!

Сарра пробѣжала глазами телеграмму. Она густо покраснѣла и слезы выступили на ея глазахъ, затѣмъ она прочитала ее сдавленнымъ голосомъ старику. Потомъ вскочила и высоко поднявъ листъ, поманила имъ къ себѣ мужа.

Давидъ на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты. Увидѣвъ Кингскурта и Фридриха, онъ серьезно и сдержанно кивнулъ имъ головой. Онъ повернулся къ Саррѣ и спросилъ съ неудовольствіемъ:

— Что случилось?

Отецъ его поднялся и нервными шагами подошелъ къ сыну.

— Давидъ, дитя мое.... Давидъ, дитя мое!....

Жена подала ему телеграмму. Онъ спокойно прочелъ ее и наморщилъ лобъ.

— Нѣтъ, чтобы Решидъ могъ себѣ позволить такую шутку,—я не думалъ. Право, я совсѣмъ не въ подходящемъ настроеніи!

— Это не шутка,—сказалъ Фридрихъ, и разсказалъ весь ходъ событій, насколько онъ былъ ихъ свидѣтелемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—говорилъ Давидъ.—Какъ я могъ достигнуть этого, это невозможно, чѣмъ я,.. я не добивался, я не принимаю этой чести. Пожалуйста, телеграфируйте немедленно Маркусу, что я ея не принимаю.

Но тутъ энергично заговорилъ отецъ.

— Ты примешь ее, Давидъ. Ты долженъ ее принять ради твоей матери. Это послѣдняя радость, которую ты можешь ей доставить.

Давидъ закрылъ лицо руками.

Миріамъ вышла изъ комнаты больной

— Что случилось? Мама безпокоится; она хочетъ знать, что здѣсь происходитъ.

Они подошли къ постели умирающей.

— Мать!—сказалъ Литвакъ,—докторъ Левенбергъ привезъ намъ хорошій подарокъ.

— Да?—простонала страдалица, и черты ея прояснились,—гдѣ онъ? Я хочу его видѣть. Подымите меня.

Врачъ привелъ Фридриха изъ гостиной, между тѣмъ какъ Давидъ и Миріамъ приподняли мать и прислонили къ подушкамъ ея худую спину.

Теперь и Фридрихъ стоялъ у постели.

Больная кротко взглянула на него. Она прошептала:

— Я сразу.... поняла все...., когда вы.... Это было у балкона.... Тамъ.... на дворѣ.... Дѣти!.... Она слабо повела руками въ воздухѣ. Миріамъ мнѣ ничего не сказала.... но мать всегда видитъ... Дѣти! вы должны подать руки другъ другу.... Мое благословеніе.... Мое благословеніе....

И такъ случилось, что Миріамъ и Фридрихъ подали другъ другу руки, но они это сдѣлали такъ нерѣшительно и смущенно, что больной это бросилось въ глаза.

Она съ боязнью во взорѣ взглянула на нихъ и прошептала:—или быть можетъ.... быть можетъ?....

— О да!—сказалъ тепло Фридрихъ, и крѣпко сжалъ руку дѣвушки.—Да!—тихо сказала Миріамъ.

И такъ мать, слабая, умирающая мать еще нашла въ себѣ силы, устроить счастье своего ребенка.

Послѣ этого сильнаго напряженія она откинулась на подушки, закрывъ глаза, и еле дышала.

Тогда старикъ испугался, что она можетъ уснуть на вѣки, не узнавъ о величіи своего сына.

— Мать!—воскликнулъ онъ громко. Она еще разъ приподняла вѣки, и взоръ ея выразилъ упрекъ, что ей помѣшали заснуть тихимъ сномъ, переносившимъ ее въ загробный міръ.

— Мать!—повторилъ старикъ,—мы должны сообщить тебѣ великую вѣсть. Знаешь-ли ты, кто сталъ президентомъ Новаго Общества? Нашъ Давидъ выбранъ президентомъ! Мать, нашъ Давидъ!....

Тутъ Давидъ, какъ ребенокъ бросился на колѣни предъ больной матерью и глухо зарыдалъ, прижавшись къ ея блѣдной, какъ воскъ, холодѣющей рукѣ. А она высвободила руку и стала нѣжно гладить его по волосамъ, какъ-бы заранѣе утѣшая....

— Мать!—еще разъ крикнулъ боязливо старикъ,—Слышишь-ли ты?

— Да!—прошептала она,—мой.... мой Давидъ.

И взоръ ея потемнѣлъ.

. . . . . .

Ее похоронили.

На похоронахъ пѣли старые еврейскіе псалмы, и добрый раввинъ Самуилъ изъ Нейдорфа читалъ молитвы. Надгробная рѣчь не была произнесена. Давидъ этого не хотѣлъ.

Но когда онъ вернулся съ кладбища, окруженный друзьями, и очутился въ комнатѣ покойной, то онъ самъ произнесъ слово въ ея память:

— Она была моей матерью. Она была для меня любовью и страданіемъ.

Любовь и страданіе такъ воплотились въ ней, что слезы выступали на моихъ глазахъ, при одномъ только взглядѣ на нее.

Я не увижу ее больше; она была моей матерью.

Она была для насъ кровомъ и отчизной, когда мы еще не имѣли ни крова, ни отчизны.

Она поддерживала насъ въ бѣдствіяхъ потому, что была любовью.

Она учила насъ смиренію, когда жить намъ стало легче потому, что она была страданіемъ.

И въ непогоду, и въ ясные дни она была честью и украшеніемъ нашего дома.

Когда мы были такъ бѣдны, что лежали на соломѣ то все-же мы были богаты потому, что она была среди насъ.

Она думала всегда о насъ, и никогда о себѣ самой.

Домъ нашъ былъ только жалкой хижиной, но эта хижина скрывала сокровище. Ни одинъ дворецъ не обладаетъ такимъ сокровищемъ, этимъ сокровищемъ была она,—моя мать.

Она была благородной страдалицей. Страданіе не унижало, а возвышало ее.

Поэтому я смотрѣлъ на нее, какъ на еврейскій народъ во время его страданій. Я видѣлъ воплощеніе этихъ страданій въ ея лицѣ.

Она была моей матерью и я никогда не увижу ее больше. Никогда друзья мои!

Никогда! И я долженъ снести это горе!—

Друзья въ молчаніи слушали его стоны.

Постепенно комната, гдѣ они находились, наполнялась все больше и больше народомъ. Здѣсь были всѣ тѣ, которые были близки Давиду Литтваку и его семейству.

Докторъ Маркусъ началъ мало-по-малу переводить разговоръ на другія темы.

Видно было, что онъ хочетъ отвлечь Давида отъ грустныхъ мыслей, вернуть его къ жизненнымъ интересамъ. Но все-же слова его были серьезны и возвышены. Среди такого настроенія Фридрихъ Левенбергъ задалъ вопросъ, на который всѣ отвѣтили поочередно. Каждый по своему.

Вотъ каковъ былъ вопросъ:

„Мы видимъ здѣсь новыя формы, болѣе счастливой совмѣстной жизни людей. Кто создалъ ихъ?“

Старый Литвакъ сказалъ:—Нужда.

Архитекторъ Штейнекъ сказалъ: — Сплотившійся народъ.

Кингскуртъ сказалъ:--Новыя средства сообщенія

Докторъ Маркусъ сказалъ: —Знаніе.

Іое Леви сказалъ:—Сила воли.

Профессоръ Штейнекъ сказалъ:—Силы природы.

Англійскій проповѣдникъ Гопкинсъ сказалъ:—Взаимная терпимость.

Решид-Бей сказалъ:—Самоуваженіе.

Давидъ Литвакъ сказалъ:—Любовь и страданіе.

А старый рабби Самуилъ всталъ и торжественно произнесъ:—Богъ!

Послѣсловіе Автора.

.....Но если вы не захотите,—то все, что я разсказалъ вамъ, навсегда останется сказкой.

Я задался цѣлью написать поучительную повѣсть. — Это произведеніе больше походитъ на повѣсть, чѣмъ на поученіе,—скажутъ одни.—Оно больше походитъ на поученіе, чѣмъ на повѣсть,—скажутъ другіе.

Вѣдь послѣ трехлѣтней работы, я разстаюсь съ тобою, моя милая книга; и отнынѣ начнутся твои страданья.

Ты должна будешь проложить себѣ дорогу чрезъ нападки враговъ и чрезъ искаженія, какъ чрезъ дремучій лѣсъ.

Но если ты попадешь къ привѣтливымъ людямъ, то поклонись имъ отъ своего творца. Онъ думаетъ:

„Сновидѣнья всетаки заполняютъ собою время, которое намъ суждено прожить на землѣ.

Сонъ совсѣмъ не такъ далекъ отъ дѣйствительности, какъ это думаютъ многіе.

Человѣческое творчество было раньше сномъ, и станетъ сномъ впослѣдствіи“.

КОНЕЦЪ.

2007237553